

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ»**

На правах рукописи

КАЛИНИЧЕНКО ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

**12.00.03 – Гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Гришина Яна Сергеевна

Саратов – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Эволюция идеологии социального предпринимательства как методологической основы совершенствования нормативной базы, регламентирующей правовое положение субъекта социального предпринимательства в России и зарубежных странах.....	23
1.1. Влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики: понятие, виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике.....	23
1.2. Общая характеристика нормативных (правовых) подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства: тенденции и закономерности.....	53
Глава 2. Зарубежный опыт определения статуса субъекта социального предпринимательства и условия его государственной поддержки.....	75
2.1. Правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условия его государственной поддержки в странах континентальной Европы.....	75
2.2. Социально ориентированные корпоративные организации США и Германии: особенности определения статуса социального предпринимателя.....	94
2.3. Критерии предоставления статуса корпорации общественных интересов по законодательству Великобритании и Канады.....	108

2.4. Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Южной Корее: критерии статуса и условия его государственной сертификации и поддержки.....	124
Глава 3. Российские правотворческие подходы к определению правового статуса субъекта социального предпринимательства и оценка перспектив использования зарубежного опыта.....	142
3.1. Правовая регламентация статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации: критическая оценка правотворческих и доктринальных подходов.....	142
3.2. Перспективы применения положительного зарубежного правоприменительного опыта по совершенствованию правового положения субъекта социального предпринимательства.....	167
Заключение.....	189
Библиография.....	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования проявляется в нескольких аспектах.

Политический и социально-экономический аспекты актуальности темы заключаются в том, что Российская Федерация в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ является социальным государством и ее политика должна быть, безусловно, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. В своих актах Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что цели социальной политики Российской Федерации определяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, об их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования¹. Президент Российской Федерации также обращал внимание на то, что «смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала, как главного богатства России...»². Указанный капитал – это результат удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом, то есть степень социальной защищенности граждан.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, проходящие в настоящее время социально-экономические реформы не способствуют установлению баланса между социальными обязательствами государства и

¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2009 № 376-О-П «По жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017). Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.1997 № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года» [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017).

² Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию от 01.12.2016 // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 17.03.2017).

социально-имущественными потребностями российских граждан. По сообщению главы Счетной палаты Татьяны Голиковой (в указанной должности до 17.05.2018), со ссылкой на результаты исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, в третьем квартале 2017 года доля бедных в России достигла 13,1% от населения, а доходами ниже прожиточного минимума располагают 13,8% населения. При этом на фоне снижения доходов населения число россиян, находящихся за чертой бедности, достигло уже 20,3 млн человек¹, что вряд ли может свидетельствовать об успешности российской социально-экономической политики, направленной на обеспечение конституционных гарантий, и обуславливает необходимость поиска более эффективных, учитывающих зарубежный опыт, антикризисных правовых инструментов.

Вместе с тем в условиях глобального социально-экономического кризиса многие страны даже развитого правопорядка не всегда способны обеспечить реализацию своих конституционных гарантий. В таких случаях им на помощь приходит институт социального предпринимательства, который соединяет получение социального блага и экономической выгоды, основываясь на социальном воздействии и инновационности решений, что обеспечивает необходимую финансовую устойчивость реализуемым инициативам, направленным на решение различных социальных проблем. Как показывает анализ зарубежной правоприменительной практики, такой способ комбинации экономических и социальных ресурсов является действенным средством для того, чтобы вырвать из условий бедности значительные слои населения и повысить уровень жизни социально незащищённых слоев населения. В этих условиях в обществе формируется запрос на развитие условий для достойной жизни граждан и, соответственно, на новые правовые модели социально значимой деятельности, где ключевую

¹ См.: Счетная палата назвала число живущих за чертой бедности россиян // Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/12/22/746234-golikova-nazvala-chislo-zhivuschih-za-chertoi-bednosti-rossiyan> (дата обращения 22.12.2017).

роль призваны играть субъекты социального предпринимательства, правовое положение которых должно быть четко определено.

Правоприменительный и правотворческий аспекты актуальности темы. За последнее десятилетие во многих странах развитого правового порядка интенсивно принимаются меры по созданию, развитию и поддержке субъектов социально-предпринимательской деятельности, добровольно возлагающих на себя часть обязательств государства по решению социальных проблем. В качестве наиболее оптимальных и эффективных субъектов социального предпринимательства в мире себя зарекомендовали правовые конструкции: американской коммерческой низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company – L3C – (англ.)), немецкого некоммерческого общества с ограниченной ответственностью (Gemeinnützige GmbH – gGmbH – (нем.)), британской компании общественных интересов (Community Interest Company – CIC – (англ.)), итальянского социального кооператива (Cooperativa Sociale – (итал.)), южнокорейского социального предприятия, правоприменительный опыт которых представляет значительный интерес и может быть востребованным. Однако российская законодательная база не содержит дефиниции социального предпринимательства, отсутствуют правовые критерии статуса субъекта социального предпринимательства и условия их поддержки, что существенно тормозит формирование социально-предпринимательского сектора.

На необходимость легализации социального предпринимательства, планировавшейся на декабрь 2016 года¹, обращалось внимание на самом высоком правительственном уровне. На встрече с представителями некоммерческих организаций в Петрозаводске, прошедшей в июле 2017 года,

¹ См.: План мероприятий («дорожная карта») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утвержден распоряжением Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199767/ (дата обращения 10.07.2017).

В.В. Путиным вновь отмечена актуальность введения в правовое поле понятия «социальное предпринимательство». В перечне поручений Президента РФ по итогам встречи реализация установки была намечена на декабрь 2017 года¹. Однако, несмотря на интерес к антикризисному механизму социального предпринимательства, разработке целого ряда законопроектов², обсуждаемых в разных чтениях депутатами Государственной Думы Федерального собрания РФ, непосредственно направленных на легализацию правового статуса субъекта социального предпринимательства³, ни один из них так и не был принят.

На подзаконном уровне в приказах Минэкономразвития России социальные предприниматели по-прежнему рассматриваются в качестве социально ориентированной части субъектов малого и среднего бизнеса, претендующей на получение государственной помощи. К сожалению, данный ограниченный подход не учитывает интересы всех субъектов социального предпринимательства, в частности, некоммерческих организаций, не в полной мере принимает во внимание многогранный

¹ См.: Перечень поручений Президента РФ // Официальный сайт «Президент РФ». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55419> (дата обращения 01.11.2017).

² См.: Проект ФЗ № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (внесен депутатами ГД РФ Р.М. Марданшиным, М.Б. Терентьевым, И.Н. Игошиным, членом СФ А.А. Борисовым) // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://goo.gl/cBCH1a> (отклонен 08.12.2017) (дата обращения 05.01.2018); Проект ФЗ № 843126-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части формирования основ государственной поддержки социального предпринимательства), внесенный членами СФ РФ Л.Н. Боковой, Г.Н. Кареловой; депутатами ГД РФ Р.М. Марданшиным, Е.Л. Николаевой, С.П. Кузиным, А.Н. Пономаревым (не действует) // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/57721894/> (дата обращения 07.07.2017); Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов к отклонению. Приложение 2 к проекту ФЗ № 249303-6 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBBB86A143257C440050E608](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBBB86A143257C440050E608) (дата обращения 07.07.2017).

³ См.: Авторизированная система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 01.02.2017).

зарубежный правоприменительный опыт. В связи с этим, исследование данного передового опыта правового регулирования и функционирования социальной предпринимательской деятельности представляется достаточно актуальным, может быть полезно для научного обоснования критериев правового статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации и выработке рекомендаций по его легальному закреплению в отечественной юрисдикции.

Степень научной разработанности темы исследования. Несмотря на отмеченную актуальность, вопросы гражданско-правового регулирования социального предпринимательства изучены недостаточно глубоко и по большей мере с других сторон – экономической и социальной. Организационно-правовые формы социально-предпринимательской деятельности остаются предметом научного исследования иностранных ученых и немногих отечественных цивилистов. Применительно к зарубежным юрисдикциям особенно фундаментально указанные вопросы были исследованы такими учеными, как: К. Борзага (C. Borzaga)¹, Дж. Дэфорни (J. Defourny)², П. Мерфи (P. Murphy)³, А. Николлс (A. Nicholls)⁴, М. Ниссенс (M. Nyssens)⁵; Дж. Остин (J. Austin)⁶ и др. В России наиболее ценный вклад в становление и развитие теории правового обеспечения

¹ См.: Borzaga, C., (2004). The third sector in Italy. In: A. Evers and J.-L. Laville, eds. The third sector in Europe. Cheltenham, UK: Edward Elgar. PP. 45-62. URL: <http://qps.ru/9eVDM> (дата обращения 19.03.2017).

² См.: Defourny, J., (2001). From third Sector to social enterprise. In: Borzaga, C. and Defourny, J. (eds.). The emergence of social enterprise. London, New York: Routledge. 28 p. URL: <http://qps.ru/ihLlP> (дата обращения 07.03.2017).

³ См.: Murphy, P. J., & Coombes, S. M., (2009). A model of social entrepreneurial discovery // Journal of Business Ethics, 87(3). PP. 325-336. URL: <http://qps.ru/bjqUl> (дата обращения 15.03.2017).

⁴ См.: Nicholls, A. (Ed.), (2006). Social entrepreneurship: new models of sustainable social change. OUP: Oxford. 444 p. URL: <http://qps.ru/vfGSl> (дата обращения 10.03.2017).

⁵ См.: Nyssens, M., Defourny, J. The EMES approach of social enterprise in a comparative perspective, 12/03, EMES. 2012. 28 p. URL: <http://qps.ru/fu5Qq> (дата обращения 07.03.2017).

⁶ См.: Austin, J., Stevenson, H., & Wei-Skillern, J., (2006). Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? PP. 370-384. URL: <http://www.scielo.br/pdf/rausp/v47n3/03.pdf> (дата обращения 25.03.2017).

социального предпринимательства внесли А.В. Барков¹, В.А. Вайпан², Я.С. Гришина³, Е.П. Губин⁴, Ю.А. Кицай⁵. В их работах особое внимание в целом уделено исследованию правовой природы социально-предпринимательских отношений, проблемам их нормативного регулирования, развития и совершенствования.

Отдельным проблемам, связанным с гражданско-правовым положением социально ориентированных некоммерческих организаций и кооперативов, как потенциальных субъектов социального предпринимательства, посвящены диссертации А.А. Бурцевой⁶, С.В. Тычинина⁷; правовым формам и средствам государственной поддержки субъектов предпринимательства – диссертация А.Т. Бикчинтаева⁸, частично некоторые вопросы проблематики отражены в научных статьях С.С. Занковского⁹, А.А. Мохова¹⁰ и О.А. Серовой¹.

¹ См.: Барков А.В. Цивилистическая концепция правового регулирования рынка социальных услуг. М.: ИГ «Юрист», 2008. 494 с. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2009. 625 с.

² См.: Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.

³ См.: Гришина Я.С. Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства / под ред. проф. Н.А. Баринова. Саратов: Слово, 2014. 476 с.

⁴ См.: Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юристъ, 2006. 320 с.

⁵ См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2015. 150 с.; Кицай Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. М.: Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2016. 240 с.

⁶ См.: Бурцева А.А. Социально ориентированные некоммерческие организации - гражданско-правовое регулирование их статуса и деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 164 с.

⁷ См.: Тычинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: дис. ... док. юрид. наук. СПб, 2004. 405 с.

⁸ См.: Бикчинтаев А.Т. Правовые формы и средства государственной поддержки малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 220 с.

⁹ См.: Занковский С.С. Социальное предпринимательство как средство государственного регулирования торговой деятельности // Коммерческое право. 2015. № 1 (том 16). С. 7-9.

¹⁰ См.: Мохов А.А. Медицинская деятельность как вид социального предпринимательства // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании

Вместе с тем наиболее важный вопрос в теории юридического обеспечения социального предпринимательства, касающийся правового положения субъектов социального предпринимательства, обоснования четких критериев их правового статуса и условий государственной поддержки, не решён, а без этого легализация социального предпринимательства теряет смысл. Сегодня в российской цивилистической науке существует только две диссертации, в которых так или иначе затрагиваются некоторые аспекты правового положения субъектов социального предпринимательства – это диссертационные исследования Л.А. Барковой² и Я.С. Гришиной³. Однако в работе Л.А. Барковой предлагаются критерии субъекта семейного, но не социального предпринимательства, а Я.С. Гришина совершенствует действующий подход к определению правового статуса субъекта социального предпринимательства, содержащийся в приказах Минэкономразвития России, что, при накоплении богатого зарубежного опыта, уже не может считаться достаточным. В монографии Ю.А. Кицай, основанной на компаративистском анализе зарубежных моделей социального предпринимательства, угадываются лишь контуры моделируемой автором отечественной конструкции, которые могут быть предметом дискуссии, но окончательного решения не содержат.

Таким образом, немногочисленные научные работы не в состоянии охватить всю проблематику в указанной сфере, что обуславливает актуальность диссертационного исследования правового положения

предпринимательской деятельности: Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 43-48.

¹ См.: Серова О.А. Социальное предпринимательство как правовой феномен и его влияние на изменение концепции юридического лица в Российской Федерации // Там же. С. 348-356.

² См.: Баркова Л.А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

³ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. 505 с.

субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании целостного научного представления о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах, включая обоснование научно-практических рекомендаций по легализации статуса субъекта в отечественном законодательстве.

Указанная цель обусловила постановку следующих исследовательских **задач**:

– изучить влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики, сформулировать понятие, выявить виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике;

– дать общую характеристику нормативно-правовых подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства, определить тенденции и закономерности развития нормотворческой практики;

– выявить правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условий его государственной поддержки в странах континентальной Европы;

– изучить правовое положение социально ориентированных корпоративных организаций и особенности определения статуса социального предпринимателя в США и Германии;

– определить критерии предоставления статуса корпорации (компании) общественной пользы по законодательству Великобритании и Канады;

– исследовать правовое положение субъекта социального предпринимательства в Южной Корее, критерии его статуса, условия государственной сертификации и поддержки;

– оценить достоинства и недостатки правотворческих подходов правовой регламентации статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации;

– рассмотреть перспективы применения положительного зарубежного правоприменительного опыта по совершенствованию правового положения субъекта социального предпринимательства.

Объектом диссертационной работы является совокупность общественных отношений, возникающих в процессе осуществления субъектами социального предпринимательства социально ориентированной деятельности.

Предмет исследования – научные труды зарубежных ученых, доктринальные взгляды отечественных цивилистов, законодательство и правоприменительная практика, посвященные правовому положению субъектов социального предпринимательства.

Методологическая база исследования. Для раскрытия темы применялись общенаучные диалектические и частно-научные методы: системный анализ, правовое моделирование, научный прогноз, межотраслевой, структурно-функциональный, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Метод системного анализа использовался для выявления видов и характерных признаков субъектов социального предпринимательства (параграф 1.1). Историко-правовой метод позволил изучить влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой правоприменительной практики, а также тенденции и перспективы нормативных (правовых) подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства (параграфы 1.1 и 1.2). Также в работе использовался сравнительно-правовой метод при исследовании зарубежного опыта определения статуса субъектов социального предпринимательства и условий его государственной поддержки (глава 2). Для обоснования правовой модели

российской социально-предпринимательской организации использовался метод правового моделирования (параграф 3.1), а для оценки достоинств и недостатков правотворческих подходов правовой регламентации статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации применялся метод научного прогноза (параграф 3.2).

Теоретическую основу исследования составили монографические издания, диссертационные исследования и научные публикации отечественных ученых: А.Е. Балашова, Н.А. Барина, А.В. Баркова, Л.А. Барковой, В.С. Белых, А.Т. Бикчнтаева, В.А. Вайпана, Я.С. Гришиной, Е.П. Губина, О.Н. Ермоловой, И.В. Ершовой, С.С. Занковского, О.Ю. Ильиной, Ю.А. Кицай, Н.М. Коршунова, В.В. Лаптева, Ю.Г. Лесковой, А.В. Малько, А.В. Михайлова, А.А. Мохова, О.В. Петниковой, О.А. Серовой, Э.В. Талапиной, С.В. Тычинина, а также иностранных специалистов, таких как К. Борзага, Г. Диз, Дж. Дэфорни, Ж. Керлин, П. Мерфи, А. Николлс, М. Ниссенс, Дж. Остин, Р. Спир, Р.Т. Эспосито.

Эмпирическая база исследования. На сегодняшний день отсутствует сложившаяся российская правоприменительная практика по регулированию отношений с участием субъектов социального предпринимательства, что не мешало использованию материалов судебной практики по делам с участием субъектов малого и среднего предпринимательства, некоммерческих организаций. В процессе исследования также были использованы информационные российские и зарубежные обзоры о развитии социального предпринимательства, законопроекты, статистические данные, содержащиеся на официальных сайтах правительственных органов.

Нормативную базу исследования составили: международные договоры, Конституция РФ, Конституция Италии, Конституция Южной Кореи, нормативные правовые акты Российской Федерации, ее субъектов, некоторые муниципальные нормативные акты, законодательные акты

зарубежных стран, таких как Великобритания, Германия, Греция, Италия, Канада, Польша, Словения, США, Финляндия, Южная Корея и др.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке комплексного научного представления о правовом положении субъектов социального предпринимательства в Российской Федерации и зарубежных странах. С учетом зарубежного нормотворческого и правоприменительного опыта в сфере социального предпринимательства сформулирована дефиниция субъекта социального предпринимательства, предложена классификация субъектов. Выявлены современные мировые тенденции и закономерности развития законодательства, определяющего правовое положение субъектов социального предпринимательства и их трансформацию в гибридные социально-предпринимательские организации, а также характерные признаки, наиболее распространенные способы легализации. Оценены достоинства американского, британского, итальянского, южнокорейского и других, наиболее характерных законодательных подходов легализации критериев субъекта социального предпринимательства и условий их государственной поддержки.

Дан критический анализ российского подхода к решению проблемы совершенствования правового положения субъекта социального предпринимательства; обоснованы с учетом зарубежного правоприменительного опыта критерии его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку; оценены перспективы применения зарубежного социально-предпринимательского правового инструментария (облигаций социального воздействия) поддержки социального предпринимательства.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. С учетом зарубежной нормотворческой практики к субъектам социального предпринимательства следует относить индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие

организации (социальных предпринимателей), осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей посредством трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, относящимся к социально незащищенным категориям граждан, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов социально ответственного предпринимательства, не занимающихся социальным предпринимательством.

2. В зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем субъекты социального предпринимательства могут быть дифференцированы на социально-ориентированные организации: социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

3. Определены современные мировые тенденции в сфере развития социального предпринимательства, ориентированные на принятие самостоятельных специальных законов и (или) внесение изменений в действующее законодательство, являющихся правовой формой выражения легальной дефиниции субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя), закрепления порядка приобретения (утраты) и критериев его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку.

4. Выявлены в мировой правоприменительной практике четыре наиболее распространенных способа легализации субъекта социального предпринимательства путем: 1) предоставления статуса социального кооператива как коммерческим, так и некоммерческим социально ориентированным организациям, отвечающим определенным в законодательстве критериям, вне зависимости от организационно-правовой формы (большинство европейских стран); 2) негосударственной рейтинговой сертификацией социально ориентированных, преимущественно

некоммерческих организаций, вне зависимости от организационно-правовой формы и государственной регистрацией специальных организационно-правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности: низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью, социальные корпорации (США), некоммерческие общества с ограниченной ответственностью (Германия, Австрия); 3) предоставления статуса корпорации (компании) общественных интересов социально ориентированным коммерческим юридическим лицам, реинвестирующим часть прибыли в социальные цели (Великобритания, Канада); 4) закрепления статуса «социального предприятия», отвечающего определенным в законодательстве общественно значимым критериям, прошедшего государственную сертификацию организаций (Южная Корея).

5. Общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, проявляется в том, что данные субъекты вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса органично сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации. К предпринимательским признакам субъектов социального предпринимательства относятся: непрерывная предпринимательская деятельность по производству (оказанию) общественно полезных товаров и (или) услуг; высокая степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти; рисковый и инициативный характер общественно полезной деятельности. К некоммерческим признакам относятся: решение социальных проблем (общественная полезность) как основная цель деятельности; соблюдение социально-предпринимательских принципов солидарности и ответственности; свободное и добровольное членство; демократический

процесс принятия решений и контроля над членами; ограничение распределения прибыли в общественных интересах.

6. Выявлены и оценены критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса «социального кооператива» и условий его государственной поддержки, правовой моделью которого признается итальянский социальный кооператив. Достоинство подхода заключается в том, что данный статус может получить любая коммерческая и некоммерческая организация, взявшая на себя социально-предпринимательскую миссию, отвечающая требованиям, влияющим на определение типа социального кооператива: «А» – социально-трудовой интеграции (трудоустройство с гарантированным минимальным размером заработной платы не менее 50% от численности лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации); «В» – общественной пользы (преимущественное оказание социально значимых услуг); «А+В» – смешанного типа. В каждом из трех типов кооперативов регламентировано количество волонтеров, имеющих легальный статус; ограничение размера распределения прибыли в общественных интересах; обязательное отчисление в государственный гарантийный фонд поддержки социального предпринимательства (до 3% прибыли), способствующее развитию гражданского общества. Реализация данного подхода способствует мобилизации внутреннего потенциала для самостоятельного решения социальных проблем наименее защищенных слоев населения и обеспечивает им достойный уровень жизни.

7. Критически оценен американский правоприменительный опыт легализации субъекта социального предпринимательства в США посредством присвоения статуса «B corporation» – «общественно полезной корпорации». Достоинство этого опыта заключается в универсализации подхода, учитывающего интересы в соответствии с социально-предпринимательской идеологией как социализированных коммерческих, так

и некоммерческих юридических лиц, вне зависимости от их организационно-правовых форм.

Доказано, что легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица как альтернативного решения без определения в целом правового положения субъекта социального предпринимательства не может достичь ожидаемого эффекта. Данную конструкцию следует рассматривать в качестве дополнительного правового инструмента решения социальных проблем.

Выявлено, что американская негосударственная рейтинговая сертификация присвоения статуса субъекта социального предпринимательства при всех ее несомненных достоинствах оценки социального и экологического общественного воздействия, отвечающая строгим критериям в области социальной ответственности, воздействия на окружающую среду, прозрачности и управления, в настоящее время не приемлема для России ввиду доминирования государства в социальной сфере, неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Вместе с тем идеи, содержащиеся в критериях оценки социального и экологического воздействия субъекта социального предпринимательства, могут быть востребованы при совершенствовании российской концепции развития публичной нефинансовой отчетности для определения ценности вклада в общественное развитие российских организаций.

8. Оценены достоинства критериев предоставления статуса корпорации общественной пользы субъекту социального предпринимательства, правовое положение которого строится на основе использования модели британской компании общественных интересов. Достоинства статуса корпорации общественной пользы, который может приобрести любое хозяйственное общество, закрепившее в уставе в качестве основного вида деятельности оказание социально значимых (общественно полезных) услуг, заключаются в

эффективной правовой политике ограничений и стимулов социально-предпринимательской деятельности. Жесткий публичный контроль, состоящий из системы правовых запретов нецелевого использования имущества корпорации и распределения прибыли без учета общественных интересов, способствует установлению баланса между общественными и частными интересами. Гибкое корпоративное управление и контроль (в органах управления коллегиально взаимодействуют представители инвесторов, потребителей социально значимых услуг, местного самоуправления) позволяют эффективно оценить качество услуг и степень общественной пользы. Требование об обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы представляется более продуманным, чем в российской нормотворческой практике, подходом, основанном на перечислении социально значимых видов предпринимательской деятельности.

9. Установлено, что достоинством южнокорейского подхода, интегрировавшего в долгосрочную государственную программу поддержки социального предпринимательства положительный британский и итальянский правоприменительный опыт, а также опыт сертификации социально-предпринимательских организаций США, является принятие в развитие программы специального национального закона о поддержке социального предпринимательства и ряда Постановлений Правительства, поскольку сертифицированные субъекты социального предпринимательства вправе претендовать на государственное стимулирование – субсидии на развитие бизнеса, финансирование уставного капитала, льготные кредиты сроком до 8 лет с процентной ставкой на 2,5% – 3% ниже официальной банковской, налоговые льготы, компенсацию расходов на заработную плату в течение двух лет, преимущественную закупку товаров и услуг для государственных нужд, безвозмездное консультирование. За несоблюдение требований законодательства предусмотрены правовые ограничения в виде

административной (аннулирование сертификации, применение штрафов и т.д.) и уголовной ответственности.

10. В целях дальнейшей легализации в законодательстве Российской Федерации, с учетом достоинств зарубежного правоприменительного опыта, разработаны критерии правового статуса субъекта социального предпринимательства как условий, предоставляющих право на государственную поддержку. Обосновано, что статус «субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя)» целесообразно предоставлять уполномоченным региональным органом по результатам проведенной государственной сертификации при выполнении одного из следующих условий:

1) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым такие услуги оказаны, составляет не менее 50%;

2) обеспечивается занятость лиц из социально незащищенных категорий граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда работников составляет не менее 25%;

3) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым оказаны такие услуги, составляет не менее 30% и при этом одновременно обеспечивается занятость социально незащищенных граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 30%, а доля волонтеров – не менее 10%.

Государственную поддержку субъектов социального предпринимательства – коммерческих корпоративных организаций – целесообразно предоставлять при условии обязательного реинвестирования в решение социально значимых проблем не менее 66% прибыли организации.

В случае, если деятельность субъектов социального предпринимательства обладает высокой социальной значимостью, но частично не отвечает установленным критериям, федеральный уполномоченный орган вправе присвоить статус «субъекта социального предпринимательства» в индивидуальном порядке по предложению регионального уполномоченного органа по поддержке социального предпринимательства.

11. Обосновано, что наряду с традиционными правовыми формами (финансовой, имущественной, консультационной, информационной) поддержки следует высоко оценить британский правоприменительный опыт поддержки социального предпринимательства с использованием облигаций социального воздействия (социальных облигаций), в связи с тем, что соглашение о выплате дивидендов по облигациям социального воздействия заключается между сторонами государственно-частного партнерства – субъектом социального предпринимательства, инвестором, независимым экспертом, государственным органом (менеджером программы). По правовой природе социальные облигации в большей степени приближены к инвестициям в акционерный капитал, которые выплачиваются только на основе достигнутых результатов, а не к ценным бумагам. Достоинство этой правовой формы оптимизации взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства заключается в возможности расходования бюджетных средств при оценке степени воздействия на решение конкретной социальной проблемы. Оценку перспективности данного социально-предпринимательского правового средства рекомендуется осуществить в

виде экспериментального пилотного проекта в нескольких регионах Российской Федерации.

Теоретическое и практическое значение диссертационного исследования заключается в формировании выводов и предложений, оказывающих влияние на теорию гражданского и предпринимательского права в целом, а также рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере социального предпринимательства. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сделанных в ней выводов и предложений в законодательной правотворческой работе, а также при применении норм в сфере регулирования деятельности субъектов социального предпринимательства.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования излагались автором на научно-практических конференциях: IV (М., 2015 г.) и VII (М., 2017 г.) ежегодная международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Н.М. Коршунова; международная научно-практическая конференция «Перспективы развития социально-гуманитарных и экономических наук в XXI веке» (Белгород, 2018 г.), также они нашли отражение в публикациях автора. Теоретические и практические предложения по совершенствованию социально-предпринимательской деятельности приняты во внимание адвокатским бюро города Москвы «Корельский, Ищук, Астафьев и партнеры» («КИАП») как организацией, реинвестирующей часть дохода на решение наиболее значимых социальных проблем.

Структура работы обусловлена ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и библиографии.

Глава 1. ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЙ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

1.1. Влияние идеологии социального предпринимательства на развитие мировой нормотворческой практики: понятие, виды и признаки субъектов социального предпринимательства в доктрине и практике

Эволюция идеологии социального предпринимательства, под которой в настоящем исследовании понимается развитие взглядов и идей, принципов, норм и правил, определяющих, устанавливающих и регулирующих общественные отношения¹ с участием субъектов социального предпринимательства, в последнее время стала привлекать внимание не только социологов² и экономистов³, но и представителей юридической

¹ См.: Идеология — это принцип организации общества. URL: <http://fb.ru/article/39500/ideologiya-eto-printsip-organizatsii-obschestva> (дата обращения 07.10.2017).

² См.: Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепции социального предпринимательства с учетом возможности его применения в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 84 с.; Голубев С.В. Государственное регулирование социально-предпринимательской деятельности молодежи в Республике Марий Эл: дис. ... канд. социол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 190 с.

³ См.: Кадол Н.Ф. Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике: дис. ... канд. эконом. наук. М., 2009. 183 с.; Арай Ю.Н. Бизнес-модель в социальном предпринимательстве: типология и особенности формирования: дис. ... канд. эконом. наук. СПб, 2015. 213 с.; Старовойтов Д.Б. Формирование экономического механизма социального предпринимательства в сфере платных социальных услуг: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2013. 29 с.

науки¹. Цивилистический интерес к данной идеологии обусловлен возрастающим влиянием социального предпринимательства как эффективного антикризисного инструмента социальной политики, положительно зарекомендовавшего себя во многих зарубежных странах и оказавшего существенное влияние на развитие мировой нормотворческой практики. В условиях отсутствия в России легального определения социального предпринимательства, за необходимость принятия которого неоднократно высказывались многие ученые², очевидно, что тенденции, закономерности и перспективы развития законодательства, регламентирующего правовое положение субъекта социального предпринимательства, невозможно определить без понимания сущности идеологии социального предпринимательства, являющейся методологической базой всех этих явлений. При этом в данном ключе важно отметить, что наряду с понятием «правовое положение» также часто используется понятие «правовой статус». Между ними наблюдается этимологическое сходство, и разделение по смыслу указанных терминов не может быть признано обоснованным. Так в переводе с латинского языка слово «status» означает: положение, состояние, то есть, применимо к юридическим категориям, – это правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица. Также в целом под правовым статусом субъекта обычно принято понимать «...законодательно закрепленную право - и дееспособность в сфере частных и публично-

¹ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. 505 с.

² См.: Барков А.В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 1. С. 68. Гришина Я.С. Перспективы и предпосылки легализации социального предпринимательства в России // Сборник: Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов. Сборник научных статей. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь, 2017. С. 361.

властных отношений»¹. На тождественность указанных понятий в частности указывает Н.И. Матузов: «...в таком разделении нет особой необходимости, поскольку полисемантичесность, смысловое удвоение термина не способствует четкому восприятию и анализу одной из ключевых категорий правоведения²». Таким образом, правовой статус субъекта необходимо определять как его юридическое положение в обществе, выражающееся в системе прав и обязанностей, закрепленное в нормативном правовом акте.

Следует отметить, что такое социально-экономическое явление, получившее в настоящее время название «социальное предпринимательство», известно уже давно, но изучение предпринимательской деятельности, в которой социальный эффект преобладает над экономическим, началось сравнительно недавно. Сам термин «социальное предпринимательство», который, как принято считать, ввел в научный оборот директор Центра развития социального предпринимательства университета Дюка (Duke University) Грегори Диз, начал использоваться только с 90-х годов прошлого века. По его мнению, востребованность данной идеи вызвана тем, что социальное предпринимательство «соединяет в себе страсть к социальной миссии со свойственной бизнесу дисциплиной, инновацией и решительностью»³, а «наше время созрело для того, чтобы решать социальные проблемы «предпринимательскими средствами»⁴.

Проделав огромную научную работу по концептуализации понятия «социальное предпринимательство» Г. Диз в начале 2000-х годов выделял следующие признаки, характеризующие данное явление, в последующем принимаемые во внимание большинством ученых: 1) возложение социальной

¹ Нерсесянц В.С. Теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма, 2001. С. 239.

² Матузов Н.И. Личность, права, демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 193.

³ См.: Цитата приведена по: Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Указ. соч. С. 4.

⁴ Там же.

миссии и использование новых возможностей для ее реализации; 2) инновационность процесса; 3) предпринимательский характер; 4) высокая социальная ответственность¹.

На инновационный характер социального предпринимательства, в котором, как общепризнано, сформулирована его суть, обращал внимание также Б. Драйтон, отмечая, что «социальные предприниматели не довольствуются тем, чтобы просто дать человеку рыбы или обучить, как ее ловить. Они не успокоятся до тех пор, пока не революционизируют саму рыбную отрасль»².

Большую роль в развитии социального предпринимательства сыграл также выдающийся эксперт в данной отрасли Майкл Янг, который еще в 1953 году основал институт общественных наук (The Institute of Community Studies – (англ.)), а в 1997 году открыл в Великобритании школу для социальных предпринимателей³. Справедливо считая, что именно социальные предприниматели определяют социальную миссию, которая является центральной в данной предпринимательской деятельности, М. Янг одним из первых сделал попытку определить понятие «социальное предпринимательство», характеризуя признаки субъектов социального предпринимательства.

Анализ научной литературы показывает, что под воздействием зарубежных исследований в России социальное предпринимательство воспринимается как средство поддержки социально незащищенных групп населения; как механизм содействия экономическому развитию; как универсальный механизм решения социальных проблем; как социально

¹ См.: Dees, J. G. The meaning of social entrepreneurship // Center for the Advancement of Social Entrepreneurship / Duke University's Fuqua School of Business. 2001 (revised vers.). P. 4. URL: http://www.caseatduke.org/documents/dees_sedef.pdf. (дата обращения 29.08.2017).

² См.: Цитата приведена по изд.: Баталина М., Московская А., Тарадина Л. С. Указ. соч. С. 4.

³ См.: Войнова О.А., Козлова О.А. Эволюция концепции социального предпринимательства // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 1. С. 103.

ориентированный бизнес¹. Однако думается, что нет необходимости далее перечислять многочисленные доктринальные определения зарубежных и отечественных ученых, формулирующих понятие «социальное предпринимательство», раскрывающие различные аспекты данного многогранного феномена. В контексте настоящего исследования в большей степени представляет интерес совокупность идей и принципов, определяющих идеологию социального предпринимательства как оптимального правового инструмента антикризисной социальной политики, влияющих на развитие законодательства в данной сфере и способных стать ключом в ответе на вопрос, что в мировой нормотворческой и правоприменительной практике понимается под субъектами социального предпринимательства, каковы их характерные признаки, какие существуют их разновидности, как отправной точки конструирования российской социально-предпринимательской модели.

В этом контексте наибольший интерес представляет фундаментальное исследование социального предпринимательства как объекта правового обеспечения, проведенное профессором Я.С. Гришиной, где автор рассматривает данное явление в узком и широком смыслах. В узком смысле, определяя социальное предпринимательство на основе изучения взглядов пионеров-исследователей, ученый исходит из его традиционного вышеотмеченного сложившегося в англоязычной научной литературе понимания, принятого в последующем во всем мире. Под социальным предпринимательством ею понимается хозяйственная деятельность, направленная на интеграцию социального и экономического эффекта, посредством применения инновационных методов².

¹ См.: Лебедева И.С. Концепция социального предпринимательства в контексте современной российской действительности // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 344 (март). С. 63.

² См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 2016. С. 15.

Вместе с тем, исследуя эволюцию идеологии социального предпринимательства и ее влияние на развитие законодательства реализовавших ее стран, Я.С. Гришина пришла к выводу о необходимости рассмотрения данного явления в широком значении. В этом смысле под социальным предпринимательством ею понимается «межсекторное взаимодействие государства, бизнеса, гражданского общества, обеспеченное системой частных и публичных правовых средств»¹. При этом общее, что объединяет оба определения, это – нацеленность правового инструментария на решение или смягчение различных социальных проблем². Таким образом, влияние социального предпринимательства в частности находит отражение в процессе социализации права, который способствует обеспечению социальной защищенности граждан и их объединений³. Ю.А. Кицай, придерживаясь указанной позиции, также отмечает, что в настоящее время существуют тенденции к социализации корпоративного законодательства, что подразумевает функционирование различных элементов социально экономических институтов с целью реализации принципа социальной справедливости⁴.

Анализируя диссертацию Я.С. Гришиной, в совокупности с наиболее заметными трудами в этой области – Л.А. Барковой⁵ и Ю.А. Кицай⁶, следует прийти к выводу, что идеологию социального предпринимательства составляют следующие идеи и принципы:

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: Барков А.В. Социализация права как фактор влияния на развитие законодательства о вещных правах // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1 (2). С. 13.

⁴ См.: Кицай Ю.А. Развитие принципов кооперативной формы хозяйствования в российском законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 120.

⁵ См.: Баркова Л.А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

⁶ См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2015. 150 с.

- нацеленность предпринимательской деятельности субъектов социального предпринимательства (социальных предпринимателей) на решение широкого и открытого перечня социальных проблем посредством оказания качественных социально значимых (общественно полезных) услуг, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для всех других субъектов социально ответственного предпринимательства.

- доступность социально-трудовой интеграции лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, с целью устранения иждивенчества;

- обеспечение частной и публичной поддержки субъектов социального предпринимательства, а также субъектов инфраструктуры поддержки социального предпринимательства;

- оптимизация взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства в направлении формирования «социально-предпринимательского сектора» как имущественно-организационной базы обеспечения конкурентоспособности субъектов социального предпринимательства.

При этом первый принцип с учетом нынешних правовых реалий, вполне логичный и закономерный, не вызывает каких-либо противоречий, как это может показаться на первый взгляд. Совсем не случайно для формулирования содержания указанного принципа используется понятие «социальная ответственность». Не каждый вид предпринимательской деятельности является социально ответственным. Так продажу урана, оружия, сложно назвать социально ответственной деятельностью, так как она не направлена на удовлетворение здоровых общественных потребностей¹, за исключением случаев, если прибыль от указанной деятельности не будет

¹ См.: Братющенко С.В. Социальная ответственность предпринимательства (обзор концепций). Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2005. С. 167.

направлена на решение социальных проблем. Предоставление скидок в определенные часы в сетевых продуктовых магазинах также нельзя назвать социально ответственной деятельностью, ввиду того, что такие акции проходят в ограниченный промежуток времени и преследуют цель привлечения покупателей и стимулирования роста продаж товаров. Соответственно, не все предприниматели являются социально ответственными, а те которые являются таковыми, могут, как заниматься социальным предпринимательством, так и нет.

Важно отметить, что в соответствии со ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность – это, прежде всего деятельность, связанная с систематическим получением прибыли. Поэтому коммерческие и в определенных случаях (п. 4 ст. 50 ГК РФ) некоммерческие организации занимаются коммерческой деятельностью, несмотря на то, что для последних введено другое понятие «приносящая доход деятельность». Согласно мнению некоторых ученых к коммерческим организациям также применим термин «предпринимательская деятельность». Так, к примеру, О.Н. Ермолова отмечает, что в ст. 50 ГК РФ не говорится о предпринимательской деятельности, а только называется один из ее признаков, хотя в теории и правоприменительной практике сложилось устойчивое представление об осуществлении коммерческими организациями именно предпринимательской деятельности, а все действия коммерческой организации априори судами признаются связанными с предпринимательской деятельностью¹. Некоторые ученые, безусловно, признают тот факт, что извлечение прибыли является основной целью не только коммерческой деятельности, но и предпринимательской².

¹ См.: Ермолова О.Н. Разграничение предпринимательской и приносящей доход деятельности: субъектный состав и правовое регулирование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 41.

² См.: Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 178.

Аналогичным образом, Л.В. Андреева указывает, что «коммерческая деятельность является только одним из видов предпринимательской деятельности, поскольку получение прибыли является целью любого вида предпринимательской деятельности (строительной, аудиторской, оценочной и др.)»¹. Ю.А. Кицай, подчеркивая, что коммерческая деятельность – это разновидность предпринимательской деятельности, разделяет точку зрения О.А. Серовой² о целесообразности перехода к использованию более точных категорий – предпринимательские и непредпринимательские организации³.

Ввиду изменений, ранее внесенных в ГК РФ, деятельность некоммерческих организаций больше не называется предпринимательской, это позволяет сделать вывод, что на деятельность некоммерческих организаций не распространяется режим, установленный для субъектов предпринимательской деятельности⁴. Таким образом, получается, что некоммерческие организации не осуществляют предпринимательскую деятельность. Но подобная деятельность также приносит доход для субъекта, который её осуществляет. Если презюмировать, что некоммерческие организации не относятся к субъектам предпринимательской деятельности, то непонятно почему законодатель не предусмотрел особенностей и специфики деятельности, приносящей доход. Представляется верным утверждение О.Н. Ермоловой, что «специфика правового регулирования деятельности, приносящей доход, не усматривается⁵». Хотя в науке предпринимались попытки выделения критериев квалификации приносящей доход деятельности для некоммерческих организаций, но они, к сожалению,

¹ Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2012. С. 2.

² См.: Серова О.А. Классификационные критерии деления юридических лиц по цели деятельности // Юридический мир. 2010. № 4. С. 23.

³ См.: Кицай Ю.А. Предпринимательские и непредпринимательские организации: вопросы терминологии и классификации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 208.

⁴ См.: Ермолова О.Н. Указ. соч. С. 42.

⁵ Там же. С. 43.

законодателем оставлены без внимания¹. Верно отмечено А.Е. Балашовым, что правильным является отнесение приносящей доход деятельности к одному из видов деятельности предпринимательской².

Невозможно не согласиться с Ю.Г. Лесковой в том, что на практике возможны случаи, когда один и тот же вид деятельности одновременно направлен не только на достижение поставленной перед некоммерческой организацией цели, но и на извлечение прибыли³. Таким образом, некоммерческие организации все же могут осуществлять не что иное, как предпринимательскую деятельность. По сути, некоммерческие организации также как коммерческие могут заниматься деятельностью, направленной на получение прибыли, но только в ограниченном объеме. Об этом в частности свидетельствует ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», где указывается на возможность извлечения прибыли некоммерческими организациями, но не в качестве основной цели своей деятельности. Также в ст. 24 указанного закона определено, что некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в его учредительных документах. Соответственно, указанная деятельность регулируется правовыми нормами, а такие нормы ко всему прочему должны иметь социальную ценность, соответствовать социальным и экономическим

¹ См.: Балашов А.Е. Правовое регулирование приносящей доход деятельности в сфере высшего образования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11.

² См.: Балашов А.Е. Предпринимательская деятельность в сфере образования // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 455.

³ См.: Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. С. 164.

реалиям и потребностям, а также состоянию правовой системы, только тогда они могут быть действенными и эффективными¹.

Принимая во внимание определение методологии цивилистического исследования, данное представителями казанской школы, как системы принципов и подходов исследовательской деятельности², представляется, что выявленные принципы и подходы, вытекающие из сущности идеологии социального предпринимательства в полной мере могут считаться методологической базой, обладающей достаточным потенциалом, для дальнейшего исследования правового положения субъектов социального предпринимательства и позволяющей, в качестве промежуточного вывода, сформулировать дефиницию этих субъектов.

Представляется, что в соответствии с двумя первыми принципами идеологии, с учетом зарубежной нормотворческой практики, к субъектам социального предпринимательства обоснованно относить индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации (социальных предпринимателей), осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей посредством трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, относящимся к социально незащищенным категориям граждан, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов социально-ответственного предпринимательства, не занимающихся социальным предпринимательством. Данное определение в зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем позволяет выделить две разновидности социально-ориентированных организаций (субъектов

¹ См.: Михайлов А.В. Эффективность норм предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 4. С. 91.

² См.: Чельшев М.Ю., Сафин З.Ф. О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. 2011. № 6. С. 121.

социального предпринимательства): социально-трудовой интеграции (занимающихся вовлечением в трудовой процесс лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации) и общественной пользы (занимающихся оказанием социально значимых (общественно полезных) услуг). При этом достичь необходимого эффекта нельзя будет без переориентации вектора развития с направления получения прибыли на достижение социально полезного эффекта. Хотя, бесспорно, без получения прибыли социальный эффект достигнут быть не может. В данном ключе можно утверждать о преследовании социально-ориентированными организациями бинарной аксиологической направленности – извлечение прибыли и достижение социально полезного эффекта.

Общественно полезная деятельность социальных предпринимателей чаще всего нацелена на решение именно первоочередных социальных проблем, связанных с удовлетворением социально необходимых потребностей, обеспечивающих социальную защищенность граждан и их достойный уровень жизни. Это во многом согласуется со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, а также с Декларацией о праве на развитие и Декларацией о правах инвалидов. Деятельность по обеспечению указанных ценностей не должна быть сверхприбыльной, поскольку касается удовлетворения основных жизненно необходимых социально-имущественных потребностей в жилье, продовольствии, медицинских услугах¹.

В отличие от стран развитых правовых порядков, в российском обывательском сознании порой не укладывается понимание

¹ См.: Certo, S. T., & Miller, T., (2008). Social entrepreneurship: Key issues and concepts. *Business Horizons*, 51. P. 267.

предпринимательства, не нацеленного на извлечения прибыли. Под воздействием принципов, сформулированных в ч. 1 ст. 2 ГК РФ, согласно которым предпринимательская деятельность – это «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли...», даже термин «социальное предпринимательство» представляется оксюмороном, объединением несоединимых понятий, как, к примеру, «горячий снег». Однако именно в этой кажущейся несовместимости понятий «социальное» и «предпринимательство» заключается суть этого феномена, наполняющая содержанием дефиницию «субъект социального предпринимательства». Социальное предпринимательство — это предпринимательская деятельность (социально-трудовой интеграции, общественной пользы), нацеленная на решение социальных проблем, социальный эффект которой первичен и направлен на установление социальной справедливости, а субъектами этой деятельности признаются социальные предприниматели, обладающие характерными признаками, установление которых будет предметом следующей части исследования.

Следует отметить, что во многих странах, формирующих социальную модель экономики, находящихся на постиндустриальном этапе развития, получение прибыли, как двигателя прогресса, не отрицается, но и не обожествляется. Этому есть серьезное теоретическое обоснование. В трудах Карла Каутского¹, Джона Мейнарда Кейнса² и других ученых, разрабатывающих теорию социализации экономики, термин «социализация» является синонимом отрицания прибыли в качестве основной цели деятельности. Основная цель этой деятельности – формирование общественного благосостояния.

¹ См.: Каутский Карл. Этика и материалистическое понимание истории (опыт исследования). Серия: Размышляя о марксизме. М.: УРСС, 2003. С. 35.

² См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. С. 46.

В основе концепции социальной экономики лежит поиск баланса прибыли и социальной цели, в котором важную роль призваны играть социальные предприниматели. При этом М. Портер и М. Крамер подчеркивают взаимосвязь между бизнесом и обществом, подразумевая, что социальные бизнес-проекты, как и социальная политика, должны следовать принципу создания общей ценности, приводящей к решениям, выгодным для обеих сторон¹. Наиболее успешно данные идеи в настоящее время реализованы в Германии², представляющей образец современной модели социальной экономики.

В трудах теоретиков предпринимательства значение прибыли также не превозносится. Ричард Кантильон, разрабатывая в 1755 году экономическую теорию, рассматривал предпринимателя в качестве определяющего фактора производства. Предприниматель Кантильона – это индивидуум, уравнивающий спрос и предложение в экономике, и несущей в этой функции риск или неопределенность³. В работе анализировалось влияние денежных средств на расходы различных социальных групп, где прослеживалась прямая связь между деятельностью предпринимателя и благосостоянием общества.

В 1949 году Й. Шумпетер предложил теорию предпринимательства, основанную на предположении, о способности предпринимателей играть существенную социальную роль. В своей работе он показал применение

¹ См.: Porter, M. E., & Kramer, M. R., (2006). Strategy and Society. The link between competitive advantage and corporate social responsibility. Harvard Business Review. P. 7. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/3725941/mod_resource/content/1/3.%20PORTER_strat%20egy%20%20society%202006.pdf (дата обращения 15.04.2016).

² См.: Семак Е.А. Немецкая модель экономики в европейской интеграции // Социально-ориентированная модель экономического развития: опыт Германии и Беларуси: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2011 г. / Фонд им. Фридриха Эберта [и др.]. Минск: И. П. Логвинов, 2011. С. 16.

³ См.: Hannah Orwa Bula. Evolution and theories of entrepreneurship: a critical review on the kenyan perspective // International journal of business and commerce. Vol. 1. № 11: Jul 2012. P. 82. URL: <http://www.ijbcnet.com/1-11/IJBC-12-11106.pdf> (дата обращения 01.05.2017).

инновационных методов в рыночном процессе¹. Й. Шумпетер рассматривал предпринимательство как инновацию, а новатор, по его мнению, это экономический и социальный лидер, не преследующий экономических выгод².

В 1975 году Теодор Шульц разрабатывает теорию, согласно которой предпринимательство тесно связано с ситуациями неравновесия и обладает средствами для решения этих проблем. По мнению ученого, предпринимательство – это способность координировать ресурсы и перераспределять их эффективно. Он утверждает, что в ситуации экономического неравновесия люди знают, что возможности удовлетворения потребностей существуют, но процесс перераспределения требует времени. Наилучшим образом распределение ресурсов может быть достигнуто либо путем эксперимента (проб и ошибок) либо путем инвестирования в социальные цели³.

Израэль Меир Кирцнер в 1997 году представил свой неоавстрийский подход к предпринимательству. Кирцнер доказал, что предпринимательство является чрезвычайно эффективным инструментом координации социально-экономических отношений и рассматривал его не статически, а динамически, иначе говоря, как процесс, в ходе которого участники рынка осознают существование взаимовыгодных возможностей и используют их для обеспечения общественного благосостояния⁴.

Отмеченные теории внесли существенный вклад в обоснование модели социальной экономики, ориентация на формирование которой социализирует предпринимательство и право. При этом основу социальной экономики,

¹ См.: Oksana Shmulyar Gréen, O. Entrepreneurship in Russia: Western Ideas in Russian Translation. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/21128/6/gupea_2077_21128_6.pdf (дата обращения 07.10.2016).

² См.: Hannah Orwa Bula. Op. cit. P. 82.

³ Ibid.

⁴ См.: Kirzner, Israel M., (1997). Entrepreneurial discovery and the competitive market process: an Austrian approach // Journal of economic literature 35. P. 69. URL: <http://qps.ru/rDyp5> (дата обращения 07.04.2017).

опирающуюся на предпринимательский или некоммерческий сектор, стремящийся укрепить социальные, экономические и экологические условия сообщества¹, составляют негосударственные организации, ориентированные на решение социальных проблем². В этих условиях идеология социального предпринимательства в последнее десятилетие становится все более востребованной. В Великобритании в 2006 году при Кабинете министров создается отдел по делам социального предпринимательства, в 2010 году в Южной Корее – Агентство по продвижению социального предпринимательства. В Соединенных Штатах Америки 2011 год объявлен «годом социального предпринимательства», как основы формирования «четвертого сектора экономики», обеспечивающего взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества³.

В стремлении формирования правовых основ социальной экономики, одним из элементов которой рассматривается политика поддержки социального предпринимательства и обеспечение деятельности субъектов социального предпринимательства, во многих странах легализуется понятие «социальное предпринимательство». Специальные законы о социальной экономике и социальном предпринимательстве принимаются в 2011 году – в Греции, Испании, Эквадоре; в 2012 – в Словении, Мексике; в 2013 – Португалии⁴, а законодательные органы Болгарии, Мальты, Франции, Чехии

¹ См.: Restakis, J., (2006). Defining the social economy-the BC context. Prepared for: BC Social Economy Roundtable. URL: http://www.msvu.ca/socialconomyatlantic/pdfs/DefiningSocialEconomy_FnlJan1906.pdf (дата обращения 25.07.2016).

² См.: Луценко И.А. Концепция социальной экономики в современных реалиях // Экономика и предпринимательство. № 12 (ч. 2). 2013. С. 85.

³ См.: Гришина Я.С. Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства / под ред. проф. Н. А. Барина. Саратов: Слово, 2014. С. 4.

⁴ См.: Барков А.В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 1. С. 67.

и других стран обсуждают антикризисные программы поддержки социальной экономики и предпринимательства¹.

Импульсом к совершенствованию нормативной правовой базы социального предпринимательства Евросоюза послужила принятая в 2010 году стратегическая программа «Европа-2020», для финансового обеспечения которой выделяются инвестиции объемом до 90 млн евро, определившая экономическое развитие на ближайшие десять лет, в которой с 2012 года предусматриваются меры по:

а) созданию унифицированной конструкции социального кооператива и типовой формы его Устава;

б) повышению качества социально значимых товаров и услуг при заключении государственных контрактов;

в) упрощению правил государственной поддержки субъектов социального предпринимательства, оказывающих социально полезные услуги².

В целом можно отметить, что социальное предпринимательство как антикризисный инструмент социальной политики все более и более завоевывает симпатии по всему миру. По оценке Грегори Диза, сегодня социальное предпринимательство востребовано для того, чтобы придать новый импульс общественно полезной деятельности XXI века. По мнению исследователя, практическая реализация идеологии социального предпринимательства способствует размыванию межсекторных границ, обуславливает необходимость пересмотра границ прибыльной и неприбыльной деятельности, предполагающего объединение возможностей

¹ См.: Spear, R., (2012). Social Economy – Laying the Groundwork for Innovative Solutions to Today's Challenges. France, 10-11 December [Electronic version]. European Commission: official site. URL: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=10005&langId=en> (дата обращения 11.07.2015).

² См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. С. 16.

коммерческих и некоммерческих организаций и появление «гибридных» организаций с уникальными признаками, зоной ответственности которых является социальная сфера¹. Необходимо отметить, что «гибридная» организация – это не новая организационная правовая форма, не предусмотренная действующим гражданским законодательством, это прежняя коммерческая или некоммерческая организация, которая наравне со своей основной целью начала преследовать дополнительную цель, не менее важную – социальную. А для этого указанная организация должна сочетать в себе как коммерческие, так и некоммерческие признаки. Так, к верному выводу приходит А.Е. Балашов, утверждая, что «цели приносящей доход деятельности во многом совпадают с целями деятельности социального предпринимательства»².

Вместе с тем, отмечая важнейшее содержание идеологии социального предпринимательства, ее ориентацию на решение постоянных насущных социальных проблем, важно особо обратить внимание на то, что такая идеология не должна преследовать альтруистическую цель, иначе исчезает ее предпринимательское начало. Так Д. Мэйр и И. Марти отмечают, что социальные начала не тождественны альтруистическим, так как не исключают личную заинтересованность предпринимателей в удовлетворении своих имущественных потребностей³. Это именно то самое важное отличие, которое должно быть присуще социальному предпринимательству. Однако действующий в России Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» закрепляя правовые, организационные и экономические основы социального

¹ Цит. по: М. Баталина, А. Московская, Л. Тарадина. Указ. соч. С. 5.

² Балашов А.Е. Правовое регулирование приносящей доход деятельности в сфере высшего образования. С. 27.

³ См.: Mair, J. & Marti, I., (2006). Social Entrepreneurship Research: A source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*, 41. P. 38. URL: https://c.ymcdn.com/sites/www.usasbe.org/resource/resmgr/social_entrepreneurship/mair_and_marti.pdf (дата обращения 17.04.2017).

обслуживания граждан в Российской Федерации, упускает предпринимательские инструменты развития указанной сферы. Так же стоит отметить, что указанный Федеральный закон, к сожалению, до сих пор не содержит определения социального предпринимательства, а как следствие и условий поддержки субъектов социального предпринимательства.

Не следует также путать социальное предпринимательство с благотворительностью, порою культивирующую иждивенческие, патерналистские настроения. Социальные предприниматели в процессе трудовой интеграции лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, мобилизуют внутренний ресурс личности для выхода из кризиса, а оказание социально полезных услуг, направленных на удовлетворение потребностей данных лиц, осуществляется на возмездной, а не безвозмездной основе. Благотворительные организации отличаются от социальных предпринимателей тем, что они зависят от добровольных пожертвований и не в полной мере используют в своей деятельности предпринимательские средства, позволяющие получать вспомогательный доход от своей основной уставной некоммерческой деятельности.

Некоторые авторы полагают возможным отождествлять понятия «социальное предпринимательство» и «социальная ответственность бизнеса», порой считая, что такого понятия, как «несоциальное предпринимательство» не существует¹, так как коммерческие организации также служат социальным целям, уплачивая налоги и организуя рабочие места². С такими сентенциями сложно согласиться, так как, в соответствии с социально-предпринимательской идеологией, для социальных предпринимателей решение социальных проблем общества является обязанностью, а не правом, как для других субъектов предпринимательства,

¹ См.: Войнова О.А., Козлова О.А. Указ. соч. С. 104.

² См.: Комкова Г.Н. Правовые проблемы взаимодействия органов власти и предпринимательских структур в социальной сфере // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 48.

добровольно взявших на себя дополнительные социальные обязательства, от которых можно в любое время отказаться¹. В настоящий момент социальное предпринимательство это деятельность, которая выходит за границы государственного и частного секторов². Осуществляя свою социально значимую деятельность, социальный предприниматель добровольно берет на себя государственную обязанность по созданию благоприятных условий для жизни граждан и потому вправе рассчитывать на поддержку. Таким образом, социальную ответственность нельзя рассматривать как юридическую категорию. Хотя, безусловно, юридическая ответственность – один из видов социальной ответственности. Данная юридическая ответственность, как правило, несет в своем содержании обязанность, исполнение которой обеспечивается силой государственного принуждения. Верно отмечено Н.И. Матузовым и А.В. Малько, что «юридическая ответственность – это способ реагирования государства на правонарушение, осуществление предусмотренных законом санкций»³. Что касается социальной ответственности, то указанная ответственность проявляется только в позитивном аспекте, а не ретроспективном (негативном), так как она устанавливается государством в поощрительных правовых нормах и по большей мере представляет собой добровольную ответную реакцию организации на социальные проблемы работников, граждан и т.д.. Это явление социальное, а не правовое и тот факт, что указанная позитивная ответственность выражается в деятельности организации в правовой сфере, не делает ее юридической.

¹ См.: Nicholls, A. (Ed.), (2006). Social entrepreneurship: new models of sustainable social change. OUP: Oxford. P. V. URL: <http://qps.ru/vfGSl> (дата обращения 10.03.2017).

² См.: Austin, J., Stevenson, H., & Wei-Skillern, J., (2006). Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? P. 371. URL: <http://www.scielo.br/pdf/rausp/v47n3/03.pdf> (дата обращения 25.03.2017).

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 3-е изд. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. С. 453.

Идеология социального предпринимательства находится в постоянном развитии, обусловленном тем, что социально ориентированные коммерческие и некоммерческие организации находятся в поисках своего предназначения, в процессе осознания своей роли в решении различных социальных проблем. Если ранее, до появления этой идеологии существовала позиция, согласно которой социальный эффект мог быть создаваем исключительно некоммерческими организациями, то сегодня их равными партнерами становятся и коммерческие корпорации. Следовательно, социально-предпринимательская идеология формируется в направлении признания многополярности социального эффекта, охватывающего все более широкий спектр видов деятельности и поведения. По оценке экспертов, сегодня социальные предприниматели стремятся к достижению своей социальной цели, и они более амбициозны, чем когда-либо. Они вносят системные изменения в социальную деятельность, воздействуя на социальное поведение в глобальном масштабе¹.

Несмотря на то, что большая часть социальных предпринимателей сегодня существуют в некоммерческом секторе, эксперты единодушны во мнении, что большинство субъектов социального предпринимательства нового поколения, не всегда видящих разделение между обществом и бизнесом, будут развиваться именно в коммерческом секторе². Социальная миссия является центром их деловой идентичности, чему способствует распространение в последнее время в обществе филантропических начал. По мнению экспертов, зачастую появление предпринимательской деятельности и ее социально ориентированной направленности может основываться не на цели личной выгоды³. Многие предприниматели находятся в поисках

¹ См.: Nicholls, A., (2006). Op. cit. P. 3.

² См.: Welsh, D.H.B., & Krueger, N.F., (2013). The evolution of social entrepreneurship: What have we learned? // Journal of Technology Management in China, 7(3). P. 279. URL: http://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/D_Welsh_Evolution_2013.pdf (дата обращения 03.05.2014).

³ См.: Cecilia Grieco, (2015). Assessing Social Impact of Social Enterprises: Does One Size Really Fit All? P. 5. URL: [http:// https://qps.ru/iQM5W](http://https://qps.ru/iQM5W) (дата обращения 05.07.2016).

разработки решений для удовлетворения социальных потребностей, преследуя намерения помочь другим людям¹, и в каком секторе они будут решать поставленную задачу, не имеет для них определяющего значения.

В условиях затянувшегося социально-экономического кризиса, неэффективность традиционных бизнес-моделей ускорила необходимость переосмысления соответствующих ролей рынка, бизнеса, государства, Третьего сектора и определения альтернативных векторов развития. В социальной рыночной экономике появляются новые формы организаций, ежедневно подтверждающих свою эффективность². При этом социально ориентированные организации могут быть представлены в виде некоммерческих добровольных ассоциаций, фондов, а могут существовать в виде коммерческого общества с ограниченной ответственности.

Однако пока действующее российское законодательство понятие «социально ориентированные организации» относит исключительно к некоммерческим организациям. Из анализа ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» следует, что социально ориентированными некоммерческими организациями являются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных указанным Федеральным законом формах, осуществляющие виды деятельности, перечисленные в его ст. 31.1. Однако перечень видов деятельности, которыми может заниматься социально ориентированная организация, достаточно широкий, а цели деятельности некоммерческих организаций еще шире, а это позволяет говорить о том, что каждая некоммерческая организация, по сути, является социально ориентированной. Представляется, что это не вполне логично³. Более того

¹ См.: Pless, N.M., (2012). Social entrepreneurship in theory and practice - an introduction // Journal of business ethics. P. 317. URL: <http://paperity.org/p/12268976/social-entrepreneurship-in-theory-and-practice-an-introduction> (дата обращения 25.07.2016).

² См.: Cecilia Grieco. Op. cit. P. 11.

³ См.: Барков А.В., Лескова Ю.Г. Исполнитель общественно полезных услуг: повысит ли новый правовой статус некоммерческих организаций их конкурентоспособность на рынке социальных услуг? // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2016. № 2. С. 76.

отсутствие закрепления в законодательстве прямого указания на возможность преследование коммерческими организациями также социальных целей, не означает отсутствие фактически такой возможности.

В данном контексте данные организации являются ярким примером гибрида рыночных и нерыночных характеристик с широким разнообразием ресурсов (доход от рынка, государственные субсидии и т.д.). Исследователи утверждают, что высокий показатель количества социальных предприятий в стране положительно влияет на уровень благосостояния населения¹.

Вместе с тем, начиная с 90-х годов, во многих зарубежных странах наряду с увеличением численности некоммерческих организаций разрабатываются и легализуются ранее не существующие, новые правовые социально-предпринимательские формы². К примеру, в Италии это социальный кооператив (Cooperativa Sociale – (CS)), в Великобритании – компания общественных интересов (Community Interest Company – (CIC)), в США – низко доходная компания ((low-profit limited liability company – (L3C)) и социальная корпорация (benefit corporation), в Канаде – компания, действующая в интересах общества (Community Contribution Company – (CCC)), в Германии – некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (gemeinnützige GmbH – (gGmbH)). Во Франции, Португалии, Испании, Греции и некоторых других странах континентальной Европы эти новые правовые формы, так же как в Италии, получили социально кооперативный характер³.

Данные социально ориентированные организации становятся предметом изучения не только ученых, но и государств. В частности,

¹ См.: Nicholls, A., (2006). Op. cit. P. 7.

² См.: Defourny, J., Nyssens, M., (2008). Social enterprise in Europe: recent trends and developments // Social Enterprise Journal, 4 (3). P. 208. URL: <http://www.psychodysey.net/wp-content/uploads/2011/05/Social-Enterprise-in-Europe-Recent-Trends-and-Developments.pdf> (дата обращения 25.07.2016).

³ См.: Гришина Я.С. Американский и европейский опыт социального предпринимательства: сравнительно-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 14, Право. 2013. № 2. С. 63.

Европейским исследовательским центром (EMES), финансируемым Европейской комиссией, проводилось исследование, основной целью которого являлось определение критериев, позволяющих отнести предпринимателей к «субъектам социального предпринимательства». Первоначально такой набор критериев должен был рассматриваться как «рабочая гипотеза», но, как показала практика, этот исходный набор индикаторов оказался достаточно надежным и концептуальным. При этом выделялись как экономические, так и социальные критерии. К экономическим критериям были отнесены:

- непрерывная деятельность предпринимателя, производящего товары и (или) оказывающего услуги;
- высокая степень автономии;
- значительный уровень экономического риска;
- минимальное количество оплачиваемых работников.

Пять других показателей содержали социальные аспекты деятельности таких предпринимателей:

- явная цель – принести пользу обществу;
- инициатива выдвинута группой граждан;
- возможность принятия решений основана не на праве собственности и не на размере доли в уставном капитале;
- в процессе деятельности предприятия участвуют различные заинтересованные стороны;
- ограниченное распределение прибыли¹.

Именно эти черты, по мнению профессора Жака Дефурни, формируют тот «идеальный тип» социального предпринимателя, позволяющие

¹ См.: Defourny, J., Nyssens, M., (2010). Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and The United States: convergences and divergences // Journal of social entrepreneurship, Vol. 1. № 1. P. 11. URL: https://iae.univ-nantes.fr/medias/fichier/communication_j_1224259083400.pdf?ID_FICHE=296308&INLINE=FALSE (дата обращения 10.10.2016).

разрешить большой спектр социальных проблем¹. Указанный список критериев является универсальным и применим к различным субъектам социального предпринимательства. Данные субъекты могут предоставлять социально необходимые товары или услуги, непосредственно связанные с их уставной целью и исключительно в интересах общества, а также могут участвовать в процессе трудовой интеграции лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Основной принцип деятельности таких субъектов заключается в том, что они имеют первичное социальное назначение, и полученная прибыль реинвестируется или иным образом используется для достижения принятой ими миссии социального предпринимателя. Корпоративное управление субъекта социального предпринимателя также ориентировано на достижение общественно полезных целей. Двигатель любого социального предприятия — это социальная проблема, требующая инновационного подхода для решения. Для этого мобилизуются идеи, возможности, ресурсы, которыми наиболее располагают частные организации, имеющие инициативу для выявления и решения социальных проблем. Эта готовность является частью образа действий социальных предпринимателей по непрерывному процессу изучения, обучения и совершенствования².

Таким образом, общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, проявляется в том, что данные субъекты, вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса, органично сочетают признаки как коммерческих, так и

¹ См.: Defourny, J. (2001). Introduction: From third sector to social enterprise. London, New York: Routledge. URL: http://emes.net/content/uploads/publications/From_third_sector_to_social_entr._4.7.00.pdf (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Dees, J. G. (1998). The meaning of social entrepreneurship. Comments and suggestions contributed from the social entrepreneurship funders working group. P. 5. URL: <http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocialEntrepreneurship.pdf> (дата обращения 21.10.2016).

некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации. К предпринимательским признакам субъектов социального предпринимательства относятся: непрерывная предпринимательская деятельность по производству (оказанию) общественно полезных товаров и (или) услуг; высокая степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти; рискованный и инициативный характер общественно полезной деятельности. К некоммерческим признакам относятся: решение социальных проблем (общественная полезность) как основная цель деятельности; соблюдение социально-предпринимательских принципов солидарности и ответственности; свободное и добровольное членство; демократический процесс принятия решений и контроля над членами; ограничение распределения прибыли в общественных интересах.

Подобная трансформация коммерческих и некоммерческих организаций в гибридные социально-предпринимательские организации объясняется Ю.А. Кицай тем, что с развитием экономических отношений возникают новые юридические отрасли, институты, которые пытаются адекватно и своевременно отображать социальные изменения, предлагая новые правовые инструменты, соответствующие как правовой природе, так и методу регулирования обновленных общественных отношений¹. Сегодня в результате социализации права² представление о социальном предпринимательстве изменяется, выходит за рамки традиционного

¹ См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. С. 22.

² См.: Барков А.В. Реализация конституционного принципа построения социального государства при совершенствовании российского гражданского законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 81.; Богданов Д.Е. Социализация гражданско-правовой ответственности как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы правоповедения. 2008. № 2. С. 88; Парягина О.А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. 2004. № 6. С. 182.; Талапина Э.В. Публичное право и экономика: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 47.

осмысления данного правового явления как хозяйственной деятельности социально ориентированных предприятий (коммерческих или некоммерческих), нацеленных на создание, интегрирование социального эффекта, а не на систематическое извлечение прибыли. В настоящий момент социальное предпринимательство уже рассматривается как совокупность связей межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и общества для решения социальных проблем. Такое взаимодействие возможно только в результате органичного применения частноправового и публично-правового инструментария¹.

В результате обеспечения, упорядочивания и гармонизации общественных отношений в сфере социального предпринимательства, посредством сочетания публично-правовых и частноправовых методов регулирования², происходит конвергенция – «сближение, состоящее в проникновении частного права в публичную сферу общественных отношений, а публичного – в частную»³. Социализация экономики, предпринимательства, права, в конечном счете, приводит к конвергенции коммерческих и некоммерческих организаций, обогащая новообразованный правовой инструмент – гибридные социально-предпринимательские организации – более высокими потенциальными возможностями в решении социальных проблем.

В целом на более высоком уровне обобщения, в процессе конвергенции частного и публичного права появляется новый правовой феномен – право социальное, как необходимый элемент в обеспечении частных, публичных, социальных интересов (особо значимых). Если частный интерес, главным образом, опосредует субъективное право, а публичный интерес –

¹ См.: Буянов В.П., Гришина Я.С. К вопросу о механизме правового обеспечения социального предпринимательства: методологический аспект // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 4 (64). С. 45.

² См.: Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, ИНФРА, 2011. С. 47.

³ Коршунов Н.М. Указ. соч. С. 222.

юридическую обязанность, то социальный интерес является категорией юридического долга¹. Возникновение новой комплексной отрасли права и законодательства – социального права, основным элементом которого призвано стать социально-предпринимательское право², обусловлено необходимостью регламентации общественных отношений, возникающих в связи с практической организацией и осуществлением социальной защиты российского населения для смягчения социальной напряженности в обществе³.

Следует отметить, что Россия, в отличие от многих стран развитых правовых порядков, пока, к сожалению, находится еще на индустриальном этапе развития экономики и российское социальное (гуманитарное) право находится в стадии формирования. Господствующее в экономике и праве определение предпринимательской деятельности обеспечивает либеральную модель экономики, которая, несмотря на конституционную декларацию, еще не трансформировалась в социальную экономику. Легальное определение не содержит важнейший признак указанной деятельности – ее социальное назначение, что, безусловно, можно считать законодательным упущением⁴.

Вместе с тем полагаем принципиальным не только скорректировать определение предпринимательской деятельности, но и в целом изменить отношение к этому вопросу, изменить стереотип мышления. Полагаем необходимым корректировать и ориентиры построения экономической модели с либеральной на социальную, как это определяется в Конституции Российской Федерации. Изменить право невозможно без изменения взглядов

¹ См.: Парягина О.А. Указ. соч. С. 185.

² См.: Гришина Я.С. Механизм взаимодействия частных и публичных средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства. С. 421.

³ См.: Лепихов М.И. Право и социальная защита населения в России (социальное право). М.: Былина, 2000. С. 4.

⁴ См.: Гришина Я.С. Публично-правовые средства обеспечения социально-имущественных потребностей в механизме правового регулирования социального предпринимательства / под ред. проф. Н.А. Баринаова. Саратов: изд-во «Слово», 2013. С. 118.

на экономику. Изменения в социально-экономической жизни общества, отмечает Е.П. Губин, приводят к выводу о необходимости формирования целостной единой политики, что предполагает разработку и появление новых правовых концепций¹. Представляется, что формирование теории правового обеспечения социального предпринимательства как раз относится к разряду таких концепций, где теоретические и практические основы исследования правового положения субъектов социального предпринимательства занимают центральное место.

Таким образом, исследование эволюции идеологии социального предпринимательства, как методологической основы совершенствования нормативной базы, регламентирующей правовое положение субъекта социального предпринимательства в России и зарубежных странах, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. С учетом зарубежной нормотворческой практики и доктрины к субъектам социального предпринимательства следует относить индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации (социальных предпринимателей), осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, посредством трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, относящимся к социально незащищенным категориям граждан, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов социально-ответственного предпринимательства, не занимающихся социальным предпринимательством.

2. В зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем субъекты социального предпринимательства могут быть

¹ См.: Губин Е.П. Правовая политика в сфере рыночной экономики: теория и практика // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2012. № 6. С. 28.

дифференцированы на социально-ориентированные организации: социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

3. Общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, проявляется в том, что данные субъекты, вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса, органично сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации. К предпринимательским признакам субъектов социального предпринимательства относятся: непрерывная предпринимательская деятельность по производству (оказанию) общественно полезных товаров и (или) услуг; высокая степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти; рисковый и инициативный характер общественно полезной деятельности. К некоммерческим признакам относятся: решение социальных проблем (общественная полезность) как основная цель деятельности; соблюдение социально-предпринимательских принципов солидарности и ответственности; свободное и добровольное членство; демократический процесс принятия решений и контроля над членами; ограничение распределения прибыли в общественных интересах.

1.2. Общая характеристика нормативных (правовых) подходов к определению правового положения субъектов социального предпринимательства: тенденции и закономерности

Отмечая относительную универсальность определения и признаков субъектов социального предпринимательства, базирующихся на общих идеях и принципах, следует обратить внимание на различия акцентов зарубежных законодательных подходов определения правового положения и разновидностей данных субъектов, зависящих от особенностей социально-экономической политики стран, предпосылок, причин и условий, влияющих на выбор антикризисного инструментария. Представляется, что научная дифференциация национальных подходов, а также выявление общих тенденций и закономерностей развития нормативной базы в данной сфере, позволит обосновать наиболее оптимальную российскую модель легализации социального предпринимательства.

Принимая во внимание мощный антикризисный потенциал социального предпринимательства, в Государственную Думу Российской Федерации на рассмотрение все чаще, но, к сожалению, безуспешно вносятся различные законопроекты, предлагающие различные варианты его легализации: от внесения изменений в различные нормативные правовые акты до принятия специального Федерального закона «О социальном предпринимательстве»¹. В пояснительных записках к законопроектам субъекты законодательной инициативы обращают внимание на возможности зарождения социального предпринимательства в нашей стране, отсутствие легальных критериев правового положения субъектов социального

¹ См.: Предпринимательство в социальной сфере // Официальный сайт агентства стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/social/business/> (дата обращения 25.01.2017).

предпринимательства, адекватного нормативно-правового, финансового обеспечения и на необходимость его законодательного урегулирования¹.

Несомненно, что в России повышенный интерес к социальному предпринимательству вызывает его триумфальное применение в зарубежных странах. Однако механическое копирование одного, пусть даже самого успешного зарубежного подхода, порой не оправдывает ожиданий и не всегда способно к адаптации в российских условиях. В этой связи, для подготовки работоспособного законопроекта необходимо комплексное исследование всего мирового правотворческого опыта социального предпринимательства.

В научной литературе различия в регламентации социального предпринимательства чаще всего прослеживаются в европейском и американском подходах, которые, с учетом своеобразия исторических социально-экономических факторов, зависят от оценки роли и места государства как законодателя в организации решения социальных проблем². Коренные различия подходов заключаются в том, что поддержка социального предпринимательства в Европе осуществляется органами государственной власти, а в Соединенных Штатах Америки – зависит в большей степени от частных благотворительных фондов³. Данные различия, как представляется, определяют и особенности американского и европейского законодательных подходов определения правового положения

¹ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/\\$FILE/624513-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/$FILE/624513-6.PDF?OpenElement) (дата обращения 05.06.2016).

² См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 203.

³ См.: Барков А.В. О некоторых тенденциях развития российского законодательства о социальном предпринимательстве // Пятый пермский международный конгресс ученых юристов / Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2014. С. 56.

субъектов социального предпринимательства, представляющие интерес для настоящего исследования.

После анализа различий в европейском и американском подходах, как правило, переходят к исследованию британского законодательства, которое как принято считать, занимает «промежуточное положение между американским и европейским подходами», интегрируя «опыт европейских и американских традиций¹», что представляется не вполне точным, так как, ввиду его уникальности и влияния на законодательство других стран, заслуживает особого внимания. Вместе с тем представляется, что особого внимания следует удостоить и южнокорейский правоприменительный социально-предпринимательский опыт, который действительно включает достоинства американского, европейского и британского законодательных подходов определения правового положения субъектов социального предпринимательства, несомненно полезного для российского законодателя. Сделанные замечания и определяют логику последующего изложения.

Несмотря на то что социальные предприятия существовали в течение многих веков, наиболее известными из которых являются кооперативные организации, появившиеся благодаря интеллектуальным усилиям социалиста-утописта Роберта Оуэна, говорить о социальном предпринимательстве как правовом явлении, получившем законодательное закрепление, можно лишь с начала 1990-х годов. Точкой отсчета в истории легализации социального предпринимательства считается принятие Парламентом Италии в 1991 году закона № 381 «Дисциплина социальных кооперативов» (*Disciplina delle cooperative sociali*) – (итал.) (далее по тексту – Закон «О социальных кооперативах»)², закрепившего специальную

¹ Гришина Я.С. Указ. соч. С. 179.

² См.: *Disciplina delle cooperative sociali*, 8.11.1991, № 381 // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1991-12-03&atto.codiceRedazionale=091G0410¤tPage=1> (дата обращения 07.03.2017).

организационно-правовую социально-предпринимательскую форму, чему способствовало оживление кооперативного движения в стране, значительно повлиявшего в последующем на формирование Третьего сектора Европы¹.

Значение этого события для континентальной Европы огромно, поскольку в последующем модель итальянского социального кооператива, ввиду ее эффективности в решении социальных проблем, была взята за основу при легализации субъектов социального предпринимательства в большинстве стран. Особенностью европейских социальных кооперативов, определяющих их базовую правовую конструкцию, является ориентация на социально-трудовую интеграцию лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан. Причинами того, что первым социально-предпринимательским направлением деятельности стала социально-трудовая интеграция, послужили следующие исторические социально-экономические факторы.

В большинстве стран Западной Европы организации Третьего сектора (некоммерческие организации, кооперативы и взаимные общества) играли значительную роль в предоставлении социально значимых услуг задолго до Второй мировой войны. Их значение стало более существенным в 1950-е годы, причем некоторые субъекты преследовали достаточно символические инициативы, направленные на борьбу с отсутствием жилья и проблемами бедности. Многие из этих организаций были вдохновлены христианской благотворительной традицией.

В конце 1960-х и 1970-х гг. равенство во всех сферах жизни привело к расцвету движений гражданского общества, основные цели которых сводились к решению социальных проблем, как путем пропагандистской деятельности, так и путем оказания социально необходимых услуг².

¹ См.: Кицай Ю.А. Европейские тенденции социализации корпоративных организаций и их влияние на развитие корпоративного законодательства // Молодой Ученый. № 19 (99). 2015. С. 493.

² См.: См.: Defourny, J., Nyssens, M. (2010). Op. cit. PP. 5-6.

Наибольший рост некоммерческих частных организаций, в основном финансируемых и регулируемых государственными органами, начинающих играть важную роль в предоставлении социальных услуг¹, наблюдается в так называемых «странах Бисмарка», к которым, согласно типологии Эспинг-Андерсена², относятся страны, входящие в «корпоративную» группу, а именно Бельгия, Франция, Германия, Австрия и Люксембург.

Вместе с тем, в конце 1970-х - начале 1980-х годов в европейских странах начинает расти структурная безработица. Возникает необходимость сокращения дефицита государственного бюджета. Для усиления активной политики социальной интеграции был поставлен вопрос о возможности решения этих проблем. Действительно, в указанный период из поля зрения европейской государственной политики выпадают категории людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, такие как малообеспеченные люди, люди с социальными проблемами³. Политика многих стран стала основываться на неэффективной системе распределения денежных пособий, которая приводила к появлению иждивенческих настроений и не могла решить проблему безработицы.

В 80-х годах государственные органы, сталкиваясь с критически высоким уровнем безработицы и кризисом государственных финансов, уже с трудом удерживают ситуацию под контролем. В отношении безработных граждан разрабатывается активная трудовая политика, направленная на их интеграцию посредством профессиональной подготовки, а также программа стимулирования создания новых рабочих мест. В результате чего в 1980-х годах в Швеции, к примеру, появились первые трудовые кооперативы.

¹ См.: Salamon, L.M., Sokolowski, S.W., and associates, (1999). Global civil society. Dimensions of the nonprofit sector. P. 41. URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Global-Civil-Society-I.pdf> (дата обращения 05.10.2016).

² См.: Esping-Andersen, G., (1999). Social foundation of postindustrial economies. New York: Oxford University Press. P. 82. URL: <http://qps.ru/GBo9O> (дата обращения 09.10.2016).

³ См.: Defourny, J., Favreau, L., and Laville, J.-L., eds., (1998). Insertion et nouvelle economie sociale, un bilan international. Paris: Desclere de Brouwer. P. 369.

Европейские государства, столкнувшиеся с проблемой недостаточности финансовых ресурсов для обеспечения социальных гарантий населения, были вынуждены искать новые, нетрадиционные антикризисные инструменты. В этом контексте неудивительно, что успехи появившихся в Италии политических инициативных групп, организовывающих кооперативы, деятельность которых была направлена на содействие удовлетворению потребностей социально незащищенных групп населения, наиболее болезненно реагирующих на последствия социально-экономического кризиса, особенно в области трудовой интеграции, были поддержаны на высшем уровне.

Активному развитию кооперативного движения, по мнению Антонио Томаса, способствовали следующие обстоятельства: невозможность государственного и частного сектора удовлетворить потребности гражданского общества, дифференцированного по уровню доходов, образованию, этике и идеологии; постоянное уменьшение с 1960-х годов гарантированного государством благосостояния народа; неспособность частных фирм стимулировать граждан к удовлетворению своих потребностей¹. Именно в это время в провинции Брешиа в 1963 появился первый итальянский социальный кооператив «Сан-Джузеппе» (San Giuseppe – (итал.)). Этот кооператив до сих пор существует, и его основной целью по-прежнему является социально-трудовая интеграция граждан, которая достигается не только трудоустройством, но и путем обучения и воспитания нуждающихся в социальной защите граждан². Несмотря на то, что современные функции кооперативов стали шире, социальная направленность кооперативов неизменна и по-прежнему призвана эффективно реагировать на

¹ См.: Antonio Thomas, (2004). The rise of social cooperatives in Italy // International journal of voluntary and nonprofit organizations. Vol. 15. № 3. P. 244. URL: [http:// https://qps.ru/NXDHj](http://https://qps.ru/NXDHj) (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Elisa Chiaf. Tesi di Dottorato di: «Le imprese sociali di inserimento La vorativo e la creazione di valore: modelli di valutazione». P. 22. URL: [https:// https://qps.ru/UGFDW](https://https://qps.ru/UGFDW) (дата обращения 07.03.2017).

нужды граждан, устраняя существующий дисбаланс между экономикой и обществом¹.

В условиях безработицы опыт социальных кооперативов, успешно справляющихся с многочисленными социальными проблемами, не мог быть не замечен. К одному из успешных примеров социально-трудовой интеграции можно отнести появление в 1973 году в городе Триест кооператива, начавшего деятельность с трудоустройства бывших пациентов клиники, лиц с психическими отклонениями, оказывающих услуги по уборке улиц и общественных зданий, рост доходов которого ежегодно повышался на 10% – 20%² и к 1994 году достиг 5 млн дол., а через 10 лет – 14 млн дол.³

Подобных примеров, подтолкнувших Парламент Италии на верные шаги по закреплению правовой модели социального предпринимательства⁴, было не мало, и первый законопроект «О социальных кооперативах», поощряющий развитие социального кооперативного движения, был явлен общественности уже в 1981 году. Однако из-за бюрократических препятствий вступил в силу только в 1991 году, закрепив за Италией право называться первым государством в мире, легализовавшем социальное предпринимательство⁵, субъектом которого являлся и является социальный кооператив (Cooperativa Sociali – (итал.)).

¹ См.: Bitossi, S., (2010). La funzione sociale e la promozione della cooperazione nella legislazione regionale italiana in Bagnoli L. (ed.) La funzione sociale delle cooperative. Teorie, esperienze e prospettive, Roma, Carocci. P. 105.

² См.: Defourny, J., Nyssens, M., (2008). Social enterprise in Europe: recent trends and developments. EMES International Research Network. P. 26. URL: http://www.emes.net/site/wp-content/uploads/WP_08_01_SE_WEB.pdf (дата обращения 28.07.2016).

³ См.: Warner, R., Mandiberg, J. An Update on Affirmative Businesses or Social Firms for People with Mental Illness // Psychiatric services. 2006. Vol. 57. № 10. P. 1488. URL: https://www.researchgate.net/publication/6758974_An_Update_on_Affirmative_Businesses_or_Social_Firms_for_People_With_Mental_Illness/download (дата обращения 28.07.2016).

⁴ См.: Antonio Thomas, (2004). The rise of social cooperatives in Italy // International journal of voluntary and nonprofit organizations. Vol. 15. № 3. P. 247.

⁵ См.: Гришина Я.С. Американский и европейский опыт социального предпринимательства: сравнительно-правовая характеристика. С. 62.

Характерно также то, что термин «социальное предприятие» (*impresa sociale* – (итал.)), впоследствии попавший в законодательство ряда стран, тождественный в мировой правотворческой практике понятию «субъект социального предпринимательства», впервые введённый в 1990 году в мировой научный и практический оборот журналом с одноименным названием «*Impresa Sociale*», также итальянского происхождения¹. В европейской традиции термин «социальное предприятие» чаще применяется в отношении кооператива социально-трудовой интеграции, а в США – некоммерческих организаций общественной пользы². В российской цивилистической традиции считается, что употребление термина «предприятие» в отношении субъекта прав не корректно, так как чаще он применим для характеристики объекта. Однако в настоящем исследовании полагаем возможным использование данной терминологии в соответствии со сложившейся мировой правотворческой практикой в сфере социального предпринимательства. Таким образом, субъектом социального предпринимательства является социальное предприятие, которое может функционировать, к примеру, в форме социального кооператива. Указанная терминология, безусловно, применима и к индивидуальным предпринимателям, занимающимся социальным предпринимательством.

Вместе с тем, несмотря на популярность итальянской модели социального кооператива, это не лишает своеобразия национальные кооперативы европейских стран, которые ориентированы на социально-трудовую интеграцию лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан. Так, Бельгия в 1995 году стала следующей страной за Италией, легализовавшей социально-предпринимательскую организационно-

¹ См.: Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 112.

² См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 180.

правовую форму – «компания с социальной целью». В последующем, в 1998 году Португалия создала «кооператив социальной солидарности»; в 1999 году Греция закрепила – «социальный кооператив с ограниченной ответственностью»; в 2001 году Франция – «социальный кооператив с коллективным интересом», а Испания – «кооператив социальной инициативы»¹; в 2003 году Финляндия приняла закон «О социальном предприятии»². Остановимся на некоторых особенностях правового положения данных социальных кооперативов более подробно.

Компании с социальной миссией, играющие важную роль в социальной экономике Бельгии, не ограничены законодателем какой-либо специальной организационно-правовой формой юридического лица. Важным достоинством законодательства этой страны, как и итальянского, является то, что любая некоммерческая и коммерческая организация, «не предназначенная для обогащения своих членов»³, может получить статус компании с социальной миссией. Распределение прибыли в таких компаниях должно иметь социальное назначение, кроме того в уставах компании должны быть предусмотрены правила, позволяющие наемным работникам стать акционерами⁴.

Итальянский и бельгийский нормотворческий и правоприменительный опыт был высоко оценен в Европе. Законодательные акты этих стран получили поддержку со стороны Европейской Комиссии в рамках проекта «Digestus», стартовавшего в октябре 1998 года с целью разработки

¹ См.: Kerlin, J., (2006). Social enterprise in the United States and Europe: understanding and learning from our Differences // *Voluntas*. Vol. 17. № 3. P. 254. URL: http://inovum.si/social/public/files/social_enterprise_in_the_united_states_and_europe.pdf (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Ianes, A., (2016). Social enterprise: social co-operation in the Italian Welfare system and its reproduction in Europe (from the 1970s to the Present) // *Euricse Working Papers*. 88/16. P. 19. URL: http://www.euricse.eu/wp-content/uploads/2016/11/WP-88_16-Ianes.pdf (дата обращения 07.03.2017).

³ Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы. С. 113

⁴ Там же.

предложений по изменениям законодательства стран-членов Евросоюза по пути оказания содействия в развитии социального предпринимательства по итальянской модели социального кооператива¹. В связи с этим, правовое положение португальского, греческого, испанского и французского социальных кооперативов также мало отличается от итальянской модели, но тем не менее есть и различие, в частности, в определении необходимого количества членов, находящихся в трудной жизненной ситуации, колеблющегося от 20% до 50% от общей численности работников кооператива. Члены социальных кооперативов Греции, Португалии и Франции в обязательном порядке должны были быть представлены волонтерами, лицами, относящимися к социально незащищенным группам граждан и без ограниченных возможностей. От соблюдения этих условий зависело приобретение статуса «социального кооператива», что гарантировало право на государственную поддержку. Более существенные различия заключались в степени этой поддержки, зависящей от экономических возможностей страны².

Принятие последующих законов в соответствии с рекомендациями Евросоюза еще более ориентировано на трудовую интеграцию социально незащищенных граждан. Однако смена акцента в их названии с «кооператива» на «предприятие» не меняет принципиально его правовую конструкцию. Финский закон № 1351/2003 «О социальном предприятии», вступивший в силу 1 января 2004 года, гласит, что социальное предприятие — это предприятие, созданное для трудоустройства людей с ограниченными возможностями, ориентированное на рынок реализации собственной

¹ См.: Lindsay, G., Hems, L., Noges, H., Liret, P., & Margado, A. Societal co-operative d'interet collectif: A research methodology // Paper presented at the 32nd Annual ARNOVA Conference. Denver. Colorado. 2003. P. 25.

² См.: Galera, G., Borzaga, C. Social enterprise: An international overview of its conceptual evolution and legal implementation. P. 11. URL: http://www.fdsc.ro/library/prometeus/Social_enterprise.An_international_overview.pdf (дата обращения 05.07.2015).

продукции или услуг; оно должно быть зарегистрировано в реестре социальных предприятий, который ведется Министерством труда. В указанном предприятии заработная плата должна выплачиваться всем сотрудникам, будь то лицо, находящееся в неблагоприятном положении (в трудной жизненной ситуации), или нет. Кроме того, во внутренних документах предприятия должна быть четко указана цель использования труда инвалидов и безработных. Указанные лица должны составлять не менее 30% от общей численности персонала предприятия. При этом в финском социальном предприятии, в отличие от португальского кооператива социальной солидарности, не допускающего распределение дохода¹, никаких ограничений в распределении прибыли между ее членами не существует².

Специальные законы о социальных предприятиях, аналогичные финскому закону, в 2004 году принимаются в Литве³ и Швеции.⁴ Вместе с тем принимаются и законы о социальных кооперативах, к примеру, в Польше, где Законом от 27 апреля 2006 года «О социальных кооперативах⁵» практически без существенных изменений, за исключением доведения обязательного требования наличия социально уязвленных лиц до 80% – самого высокого в Европе, легализуется итальянская правовая модель⁶.

Таким образом, следует сделать вывод, что в Европе впервые наметилась тенденция в сфере развития социального предпринимательства,

¹ См.: Nyssens, M., Defourny, J. The EMES approach of social enterprise in a comparative perspective, 12/03, EMES. 2012. P. 15. URL: <http://qps.ru/fu5Qq> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Ianes, A. (2016). Op. cit. P. 10.

³ См.: Moskvina Julija. Social enterprises as a tool of social and economic policy. Lithuanian Case // Entrepreneurship and sustainability. P. 52. URL: <http://qps.ru/hr6tE> (дата обращения 01.08.2016).

⁴ См.: Московская А.А. Потенциал третьего сектора: инновационные подходы для развития территорий (социальное предпринимательство). С. 29. URL: <http://qps.ru/YN1eM> (дата обращения 23.08.2017).

⁵ См.: Текст закона. Интернет портал о Третьем секторе <http://www.ngo.pl/files/rus.ngo.pl/public/prawne/zakonokooperativakh.pdf>. (дата обращения 23.08.2017).

⁶ Подробнее о правовом положении европейских социальных кооперативов См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 173-204.

ориентированная на принятие самостоятельных специальных законов, являющихся правовой формой выражения легальной дефиниции субъекта социального предпринимательства (социального кооператива, социального предприятия), закрепления порядка приобретения (утраты) и критериев его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку. Статус социального кооператива может быть предоставлен как коммерческим, так и некоммерческим, социально ориентированным организациям, отвечающим определенным в законодательстве критериям, вне зависимости от организационно-правовой формы.

Правовое положение итальянского социального кооператива стало основой модели социально-предпринимательской организации социально-трудовой интеграции большинства государств континентальной Европы и повлияло на развитие социального предпринимательства во всем мире, что обуславливает необходимость его дальнейшего, более глубокого анализа, в ходе исследования зарубежного опыта определения статуса субъекта социального предпринимательства и условий его государственной поддержки.

В Соединенных Штатах Америки, несмотря на сходные с Европой причины востребованности идеологии социального предпринимательства, к которым эксперты относят необходимость решения экологических и социально-экономических проблем¹, обострившихся из-за увеличения числа пожилых людей, снижения рождаемости, роста расходов на здравоохранение и т.д.², становление и развитие социально ориентированного предпринимательства проходило в других условиях. В отличие от Европы американская система государственного социального обеспечения

¹ См.: Murphy, P. J., & Coombes, S. M. (2009). A Model Of Social Entrepreneurial Discovery // Journal of Business Ethics, 87(3). P. 325. URL: <http://qps.ru/bjqUl> (дата обращения 15.03.2017).

² См.: Groot, A., Dankbaar, B. (2014). Does Social Innovation Require Social Entrepreneurship? // Technology Innovation Management Review. P. 17. URL: <http://qps.ru/wF942> (дата обращения 15.12.2017).

находилась в зачаточном состоянии, неспособном нивелировать глубокие социальные противоречия, обусловливаемые несовершенством рыночной экономики¹. В этих условиях сглаживание социальных противоречий легло на плечи многочисленных некоммерческих организаций, воспитанных на традиции самоорганизации населения, не надеявшегося на помощь государства в решении возникающих проблем². Данные неправительственные, добровольческие, некоммерческие организации, в приоритете оказывавшие общественно полезные услуги, опирающиеся не на государство, как в Европе, а на известные во всем мире частные благотворительные фонды: Келлога, Кауфмана, Рокфеллера, Гольдман – Сакс, Робертса, воспринимавшие их деятельность как доходный бизнес, впоследствии и составили ядро социального предпринимательства.

Одним из наиболее выдающихся ускорителей социального предпринимательства в США является «Фонд развития предпринимательства Джорджа Р. Робертса» (Roberts Enterprise Development Fund (REDF) – (англ.)). Будучи основанным в Сан-Франциско, фонд поддержал более 60 социальных предпринимателей, создав больше, чем 11 000 рабочих мест, особенно для наиболее маргинальных членов общества: лиц, не имеющих жилья, бывших заключенных, больных наркоманией, лиц, имеющих психические расстройства. В 2015 году, к примеру, фонд предоставил грантов на 7 млн долларов США. В планах REDF расширение области своей деятельности за пределами Калифорнии, включая Бостон, Сиэтл, Чикаго, Денвер, Индианаполис, Техас. REDF помогает партнерам разрабатывать бизнес-планы и развивать стратегии ведения бизнеса.

¹ См.: Гришина Я.С. Американский и европейский опыт социального предпринимательства: сравнительно-правовая характеристика. С. 61.

² См. подробнее: Социализация предпринимательства на примере Великобритании и США: зарубежный опыт // НП «Московский центр развития предпринимательства», 2008 / Информационный портал Внешмаркет.ру. URL: <http://qps.ru/eE4kh> (дата обращения 25.08.2017).

В настоящее время в США также существует система фондов, предоставляющих гранты социальным предпринимателям, с частичным государственным участием. В 2009 году Президентом Бараком Обамой был подписан закон Эдварда М. Кеннеди «О служении Америке» (Serve America Act – (англ.)), позволивший в этом же году создать Федеральный фонд социальных инноваций (Federal Social Innovation Fund – (англ.))¹. Государственная часть финансовой базы фонда формируется Конгрессом на основе запросов главы государства при ежегодном утверждении проектов федерального бюджета².

В Соединенных Штатах Америки идеология социального предпринимательства не только позитивно воспринимается, но и принимаются усилия для разработки ее теоретической концепции. Так, например, в 1993 году Гарвардская школа бизнеса запустила программу «Инициатива социального предпринимательства» (Social Enterprise Initiative – (англ.)). С этого времени разработка концепции начинает производиться в различных образовательных учреждениях. Крупные университеты проводят свои исследования и разрабатывают специальные программы. В это же время создаются международные исследовательские сети, подобные Европейской исследовательской сети EMES (European Research Network – (англ.)), с 1996 года объединяющей исследовательские центры большинства стран Европейского союза, наиболее известным из которых является Исследовательский центр социальных предприятий (Social Enterprise Knowledge Network (SEKN) – (англ.)), образованный в 2001 году ведущими

¹ См.: Michael J. Worth. Nonprofit Management: Principles and Practice. URL: <http://qps.ru/HoyW3> (дата обращения 17.04.2017).

² См.: Alperovitz Gar, Dubb Steve and Howard Ted. Rebuilding America's Communities. A Comprehensive Community Wealth Building Federal Policy Proposal. URL: <http://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-alperovitz-et-al.pdf> (дата обращения 17.04.2017).

латиноамериканскими компаниями, американскими бизнес-школами и Гарвардской школой бизнеса¹.

При этом интересен тот факт, что исследовательские концепции, параллельно развивающиеся в странах по обе стороны Атлантического океана, отличались вплоть до 2004-2005 годов. Некоторые исследователи, такие как Алекс Николлс (Alex Nicholls – (англ.)), Жанелль Керлин (Janelle Kerlin – (англ.)), Даниель Хорс (Daniel Hjorth – (англ.)) в рамках «Университетской сети социального предпринимательства» (University Network for Social Entrepreneurship – (англ.)), провели значительную работу по приведению существующих концепций к общему знаменателю. В настоящее время общая их черта – это стремление оказать поддержку социальному предпринимательству, а различия проявляются – в инструментах такой поддержки². Исследование зарубежных подходов к поддержке социального предпринимательства также представляет интерес для совершенствования российской правоприменительной практики, поскольку во многих странах право на государственную поддержку является одним из элементов правового статуса социального предпринимателя.

Легализация субъектов социального предпринимательства в США существенно отличается от европейской, так как до настоящего времени отсутствует единый федеральный нормативно-правовой акт, регламентирующий социальное предпринимательство, недостаток отсутствия которого не могут компенсировать разрозненные законы отдельных американских штатов. Вместе с тем это не препятствует росту количества социальных предприятий, которых уже более 140 000, составляющих основу

¹ См.: Defourny, J., Nyssens, M., (2010). Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and The United States: convergences and divergences // Journal of social entrepreneurship, Vol. 1. №. 1. P. 1. URL: https://iae.univ-nantes.fr/medias/fichier/communication_j_1224259083400.pdf?ID_FICHE=296308&INLINE=FALSE (дата обращения 10.10.2016).

² См.: Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. № 2 (16). 2012. С. 112.

четвертого, социально-предпринимательского сектора, обеспечивающего 6,2% ВВП страны¹.

Причина развития социально-предпринимательского движения заключается в его поддержке частными инвестиционными фондами, которая осуществляется в зависимости от рейтинга, присваемого по итогам сертификации, отвечающая критериям их социально-инвестиционных проектов. По общим правилам обратиться к рейтинговому агентству для получения сертификации может любой субъект социального предпринимательства, независимо от его организационно-правовой формы. Однако, как правило, обращаются для сертификации некоммерческие организации, так как коммерческие организации редко осуществляют предпринимательскую деятельность в низкодоходных областях социально значимой сферы.

В целях устранения этого недостатка, с 2008 года в различных американских штатах легализуются, путем внесения дополнений в законы о хозяйственных обществах, социально ориентированные организации: корпорация с гибкими целями (The Flexible Purpose Corporation – FPC); публичная корпорация общественного блага (Public Benefit Corporation – PBC); социально ориентированная корпорация (Social Purpose Corporation – SPC)², низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company – L3C) и корпорации общественного блага (Benefit Corporation), специально предназначенные для социально-предпринимательской деятельности. Правовое положение двух последних социально ориентированных корпораций, признаваемых в большинстве штатов, интерес к которым проявила Германия и Австрия, легализовав

¹ См.: Опыт развития социального предпринимательства в США. URL: <http://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255> (дата обращения 25.07.2016).

² См.: Терентьев Н.Е. «Зеленая» микроэкономика: оценка и прогноз институциональных трансформаций бизнеса. 2014. С. 18. URL: https://inecon.org/docs/Terentjev_20140410.pdf (дата обращения 10.05.2017).

некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (gemeinnützige GmbH – gGmbH), а также порядок сертификации субъектов социального предпринимательства, ввиду его оригинальности, заслуживает дополнительного внимания.

Таким образом, в мировой правоприменительной практике следует выделить еще один оригинальный способ легализации субъектов социального предпринимательства негосударственной рейтинговой сертификацией социально ориентированных организаций, вне зависимости от организационной правовой формы и государственной регистрацией специальных организационных правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности: низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью, социальные корпорации (США), некоммерческие общества с ограниченной ответственностью (Австрия, Германия).

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, которое, как и США, традиционно рассматривается как символ либеральной социально-экономической модели, так же, как и многие государства Америки и континентальной Европы, не избежало социальных проблем. Великобритания всегда стремилась нести достаточно низкий уровень государственных социальных расходов, в частности, за счет развитого добровольческого сектора, который в основном полагается на частные ресурсы¹, поэтому идеология социального предпринимательства пришлась в этой стране весьма кстати.

В отличие от итальянского социального кооператива, ориентированного на социально-трудовую интеграцию, Великобритания внесла вклад в развитие социального предпринимательства, разработав уникальную правовую конструкцию социального предприятия – компанию

¹ См.: Lewis, J., (1999). Reviewing the relationships between the voluntary sector and the state in Britain in the 1990's // *Voluntas*. 10 (3). P. 257. URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1021257001466> (дата обращения 09.10.2016).

общественных интересов (Community Interest Company – CIC), представляющую классическую форму корпорации, нацеленную на осуществление социально-предпринимательской деятельности посредством оказания общественно полезных услуг. Как полагают эксперты, легализация этой компании в дополнение к нормам Закона о компаниях, послужила импульсом к формированию самого конкурентоспособного в мире социального предпринимательского сектора¹.

Вместе с тем компания общественных интересов – это не организационно правовая форма юридического лица, а статус субъекта социального предпринимательства, который вправе получить любая корпорация, действующая в одной из форм хозяйственных обществ, разрешенных английским Законом о компаниях, отвечающая определенным в законодательстве общественно значимым критериям. Особенности правового положения британской компании общественных интересов, заключающиеся в эффективной правовой политике ограничений и стимулов социально-предпринимательской деятельности и критериях ее общественной полезности, несомненно заслуживают отдельного исследования. Не случайно британская конструкция корпорации взята в 2013 году за основу при легализации канадской компании, действующей в интересах общества (Community Contribution Company – C3) в дополнение к Закону о коммерческих корпорациях, в целях реализации социально-предпринимательской идеологии.

Вместе с тем, такой общественно значимый критерий полезности CIC, как требование об обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы, представляется более продуманным, чем в российской нормотворческой практике, подходом, основанном на перечислении социально значимых видов предпринимательской

¹ См.: Stephen Lloyd, (2010). Transcript: Creating the CIC. P. 31. URL: <https://lawreview.vermontlaw.edu/wp-content/uploads/2012/02/13-LLoyd-Book-1-Vol.-35.pdf> (дата обращения 09.10.2016).

деятельности в приложении № 1 к «Стандарту развития конкуренции в субъектах Российской Федерации»¹. Так то, что сегодня не является социально значимым, завтра может стать актуальным и наоборот. Данный подход, не основанный на привязывании социальных предпринимателей к конкретным видам деятельности, сегодня применяется и в законодательстве континентальной Европы при совершенствовании правового положения субъекта социального предпринимательства, легализованного по модели кооператива социально-трудовой интеграции. Так, к примеру, в 2012 году в Словении принят закон «О социальном предпринимательстве»², в котором при определении критерия предприятия, претендующего на статус «социального», закреплено требование об обязательном реинвестировании прибыли в решение общественно значимых целей, размер распределения которой ограничен 20%³.

Таким образом, в ходе исследования мировой правоприменительной практики выявлен третий способ легализации субъекта социального предпринимательства, посредством внесения дополнения в законы о хозяйственных обществах: – предоставлением статуса корпорации общественной пользы (компании общественных интересов) социально ориентированным коммерческим юридическим лицам, отвечающим определенным в законодательстве общественно значимым критериям (Великобритания, Канада), дальнейшее изучение которого в целях настоящего исследования, ввиду его полезности для российского законодательства, представляет повышенный интерес.

¹ См.: Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 05.09.2015 № 1738-р. // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://qps.ru/uEohb> (дата обращения 16.12.2016).

² См.: Zakon o socialnem podjetništvu // Официальный вестник республики Словения. URL: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/102703> (дата обращения 07.03.2017).

³ См.: Гришина Я.С. О поддержке субъектов малого и среднего бизнеса в области социального предпринимательства: мнение эксперта о достоинствах и недостатках законопроекта // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. № 1 (61). 2015. С. 73.

Следующий способ легализации субъекта социального предпринимательства, интегрирующий правоприменительный опыт американской, британской и итальянской моделей, закреплён в южнокорейском законодательстве, основу которого составляет принятый 7 января 2007 года Закон о развитии социального предпринимательства¹. В законе закреплялись: понятие и требования к социальным предприятиям и их государственной регистрации, процедура приобретения, изменения и утраты статуса субъекта социального предпринимательства, компетенция уполномоченных органов и меры по поддержке социального предпринимательства. Согласно южнокорейской традиции, основные положения Закона были в последующем конкретизированы в Постановлении Правительства, утвержденного Указом Президента, детализировавшем процесс развития социального предпринимательства в стране².

Достоинство южнокорейского подхода заключается в том, что в нём органично сочетаются требования к статусу субъекта социального предпринимательства, соответствующие критериям итальянского социального кооператива трудовой интеграции; об обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы так же, как в британской компании общественных интересов. В отличие от американского подхода, применяющего негосударственную рейтинговую сертификацию социальных предпринимателей, в Южной Корее регламентируется процедура их государственной сертификации. Все это,

¹ См.: Social Enterprise Promotion act 03.01.2007 (Закон о развитии социального предпринимательства) // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL: http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng;jsessionid=1CCeUcprlMjfwEKQrFEImRYSg1bkIIhA4vn5joclJay8114X6aavvE3lxohnm1Nw.moleg_a2_servlet_engine2?pstSeq=57937&pageIndex=7 (дата обращения 15.04.2017).

² См.: Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14 // social-idea.ru: банк социальных идей. 2017. URL: <http://www.social-idea.ru/monthlynews/Kratkij-obzor-opyht-podderzhki-i-razvitiya-social-nogo-predprinimatel-stva-v-respublike-Koreya-EZHEMESYACHNYHJ-OBZOR-2-14> (дата обращения 15.04.2017).

включая государственную программу поддержки социального предпринимательства, делает изучение южнокорейского опыта весьма интересным для совершенствования российской правоприменительной практики.

Таким образом, в качестве обобщающих выводов по настоящему параграфу, позволяющих считать их с учетом выводов первого параграфа, методологической и теоретической основой последующего исследования следует признать обоснованными следующие результаты.

Во-первых, определены современные мировые тенденции в сфере развития социального предпринимательства, ориентированные на принятие самостоятельных специальных законов и (или) внесение дополнений (изменений) в действующее законодательство, являющихся правовой формой выражения легальной дефиниции субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя), закрепления порядка приобретения (утраты) и критериев его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку.

Во-вторых, в мировой правоприменительной практике выявлены четыре наиболее распространенных способа легализации субъекта социального предпринимательства путем:

1) предоставления статуса социального кооператива как коммерческим, так и некоммерческим, социально ориентированным организациям, отвечающим определенным в законодательстве критериям, вне зависимости от организационно-правовой формы (большинство европейских стран);

2) негосударственной рейтинговой сертификацией социально ориентированных организаций, вне зависимости от организационно-правовой формы и государственной регистрации специальных организационно-правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности: низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью, социальные корпорации (США),

некоммерческие общества с ограниченной ответственностью (Германия, Австрия);

3) предоставления статуса корпорации общественной пользы (компании общественных интересов) социально ориентированным коммерческим юридическим лицам, отвечающим определенным в законодательстве общественно значимым критериям (Великобритания, Канада);

4) закрепления статуса социального предприятия за организациями, отвечающими определенным в законодательстве общественно значимым критериям, прошедшими государственную сертификацию (Южная Корея).

В заключении первой главы следует отметить, что отсутствие легальной дефиниции социального предпринимательства, нормативно-определенного правового положения субъектов социального предпринимательства, четких критериев их государственной поддержки тормозит развитие предпринимательской деятельности в социальной сфере, что в целом негативно сказывается на качестве жизни российских граждан. Предпринимаемая попытка решения данной проблемы путем внесения изменений в различные федеральные законы не учитывает в полной мере передовой, зарубежный правоприменительный опыт социального предпринимательства. Нормативная фиксация правового положения субъектов социального предпринимательства наиболее оптимальна в специальном Федеральном законе «О социальном предпринимательстве» с учетом тенденций развития европейских (итальянской и британской), американской и южнокорейской правовых моделей социального предпринимательства, что обуславливает необходимость дальнейшего, более подробного, исследования зарубежного опыта определения статуса субъекта социального предпринимательства и условий его государственной поддержки, в соответствии с определенными в настоящем параграфе законодательными подходами.

Глава 2. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И УСЛОВИЯ ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

2.1. Правовые критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива как условия его государственной поддержки в странах континентальной Европы

В стратегической программе «Европа-2020»¹, одно из предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы социального предпринимательства направлено на унификацию правового положения социального кооператива и типовой формы его Устава, как антикризисной меры, рекомендуемой для законодательства стран Евросоюза, подчеркивающее роль и значение итальянской правовой конструкции, ставшей базовой для большинства стран. В связи с этим, несомненно, что для российской правотворческой практики, взявшей курс на легализацию социального предпринимательства, исследование критериев предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива и условий его государственной поддержки в странах континентальной Европы лишним не будет.

Базовым источником, определяющим правовое положение итальянских социальных кооперативов, является закон Италии от 8.11.1991 № 381 «О социальных кооперативах» (*Disciplina delle cooperative sociali – (итал.)*)². В соответствии со статьей 1 указанного закона социальные кооперативы

¹ См.: Communication from the commission to the european parliament, the council, the european economic and social committee and the committee of the regions entrepreneurship 2020. Action plan. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0795:FIN:en:PDF> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: *Disciplina delle cooperative sociali*, 8.11.1991, № 381 // Итальянский портал законодательства «NORMATIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1991-12-03&atto.codiceRedazionale=091G0410¤tPage=1> (дата обращения 07.03.2017).

призваны реализовывать интерес общества к развитию человека и его социальной интеграции путем: а) управления социальным обслуживанием, оказывая при этом услуги в сфере «общественной полезности» (здравоохранении, образовании, социальной защите и др.) и (или) б) обеспечения занятости (трудоустройства) лиц в производственной сфере (сельскохозяйственной, промышленной, торговой, транспортной и любой другой без ограничений), находящихся «в неблагоприятном положении».

Понятие «неблагоприятное положение» близко, но не тождественно по смыслу, определению «трудной жизненной ситуации», содержащейся в российском законодательстве, как считают некоторые ученые¹. В ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», введенной Федеральным законом от 28 ноября 2015 г. № 358-ФЗ², под данной ситуацией понимается «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина и последствия которых он не может преодолеть самостоятельно», и являющиеся основанием для государственной социальной помощи, а в итальянском законодательстве перечисляются «неблагоприятные» обстоятельства, с которыми лица в ходе социально-трудовой интеграции способны справиться самостоятельно, мобилизуя свой внутренний потенциал. Это принципиальное различие между «государственной социальной помощью» и «социальным предпринимательством» нам еще предстоит учесть при совершенствовании российской правотворческой практики в третьей главе исследования.

Статья 4 итальянского закона конкретизирует понятие лиц, находящихся в неблагоприятном положении, – это обездоленные люди с

¹ См.: Гришина Я.С. О поддержке субъектов малого и среднего бизнеса в области социального предпринимательства: мнение эксперта о достоинствах и недостатках законопроекта. С. 73.

² См.: О государственной социальной помощи: Федеральный закон № 178-ФЗ от 17.07.1999 (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3699.

физическими, психическими и сенсорными недостатками, бывшие пациенты психиатрических учреждений, лица, находящиеся на психиатрическом лечении, наркозависимые и алкозависимые, трудоспособные несовершеннолетние, находящиеся в сложных семейных ситуациях, арестанты с альтернативными мерами содержания под стражей. Указанные лица должны составлять не менее 30% от общего количества кооперативных работников и должны быть членами самого кооператива. При этом, согласно статистике, лица, страдающие наркозависимостью, составляют 9,9 % от общего числа занятых в кооперативе работников, 9,6% – лица с психическими заболеваниями, 14,7% – иные лица, находящиеся в неблагоприятном положении¹.

Один из любопытных подходов закона Италии от 8.11.1991 № 381 ярко прослеживается в его статье 2, согласно которой, кроме самих работников кооператив также должен включать добровольных членов, которые осуществляют свой труд бесплатно. Согласно официальной статистике, количество указанных лиц в социальном кооперативе составляет в среднем 20% от общего числа занятых лиц². Они зачисляются в специальный раздел акционерного реестра и их количество не может превышать половины от общего числа членов. Указанным добровольным членам могут выплачиваться только документально подтвержденные и фактически понесенные расходы. Налоговые органы, аудиторы имеют право оспаривать произведенные выплаты волонтерам кооператива, если они были незаконны. Но, несмотря на то что они не получают заработную плату, на них распространяется гарантия государственного медицинского страхования³. Добровольными членами кооператива могут быть только физические лица.

¹ См.: Antonio Thomas, (2004). Op. cit. P. 250.

² См.: Antonio Thomas, (2004). Op. cit. P. 248.

³ См.: Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы. С. 113.

При этом участниками кооператива могут быть государственные и частные юридические лица, если это предусмотрено их уставами.

Следует отметить, что добровольчество в Европе существенно изменилось в течение последних десяти лет. Сегодняшние добровольные работники прагматичны и больше сосредоточены на «продуктивных» целях и видах деятельности, которые соответствуют конкретным социальным потребностям. Добровольцы являются инициаторами производственного процесса, дают возможность производить товары или оказывать услуги, которые ранее не были доступны или которые были доступны только в случае привлечения оплачиваемых работников. Зачастую создание кооператива осуществляется исключительно силами добровольцев¹. В основе выбора добровольцев лежат разные и независимые мотивы. Каким бы ни был мотив добровольца, его роль в социальном кооперативе сложно переоценить. Многочисленные, более или менее организованные формы добровольной службы обеспечивают широкое поле для сотрудничества и возможности выработки профессионализма. Добровольцы особенно заинтересованы во вкладе своих сил в общий проект, который позволяет обеим сторонам эффективно строить совместную работу.

Многие авторы подчеркивают функциональный подход к добровольчеству (волонтерству), исследовав мотивы лиц, которые они для себя выбирают. По мнению экспертов, все мотивы добровольцев можно разделить на шесть групп: 1) защитные мотивы – это способ защиты человека от трудностей жизни; 2) ценностные мотивы – это способ выразить альтруистические и гуманистические ценности; 3) карьерные мотивы – путь к улучшению карьерных перспектив; 4) социальные мотивы – это способ развивать и укреплять социальные связи; 5) образовательные мотивы – это

¹ См.: Borzaga Carlo, Galera Giulia and Zandonai Flaviano. ITALY. From social cooperatives to a broader legal conception of social enterprise. URL: http://emes.net/content/uploads/publications/WP_08_01_SE_WEB.pdf (дата обращения 07.03.2017).

способ получать знания, навыки и умения; б) мотивы личностного развития – способ помогать и духовно расти¹.

Добровольчество в социальном кооперативе включает в себя сочетание этически-вдохновляющей мотивации с желанием получить практический опыт, который затем может привести к росту профессиональных навыков и, возможно, поспособствует плавному выходу на рынок труда. С другой стороны, сами социальные кооперативы выигрывают от наличия волонтеров, опираясь на доступность бесплатной рабочей силы и продуктивность их новых идей и свежей энергии, а также на профессиональную, материальную и эмоциональную поддержку.

Восприятие добровольцев в кооперативе в качестве важнейших структурных компонентов заставляет использовать сложные системы управления и мотивационные аспекты, что зачастую приводит к повышению ответственности. Действительно, те добровольцы, чья работа не оплачивается, вынуждены искать более выгодные условия труда. Волонтеры должны иметь возможность вносить свой вклад добровольно и свободно управлять своим участием. Безусловно, добровольцы, как правило, производят меньше, чем обычные работники, поскольку они менее охотно выполняют порученную работу в рамках сокращенного рабочего дня. Добровольцы, как показывает практика, менее склонны к следованию правилам. В этом отношении наличие харизматичного лидера в организации будет иметь ключевое значение для волонтеров, поскольку они очень заинтересованы в подражании действиям первого².

Таким образом, одним из достоинств правового положения социального кооператива является реализация возможностей не только в

¹ См.: Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R.D., Copeland, J., Stukas, A.A., Haugen, J. & Meine, P. Understanding and assessing the motivations of volunteers: A functional approach // Journal of Personality and Social Psychology. 74. 1998. P. 1517, 1518. URL: <http://qps.ru/68JYE> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Antonio Thomas, (2004). Op. cit. P. 254.

обеспечении социально-трудовой интеграции социально незащищенных лиц, но и его способность мобилизовывать добровольцев, способствуя развитию Третьего сектора Италии.

Что касается отечественной юрисдикции, то в российском законодательстве до недавнего времени отсутствовал специальный нормативный правовой акт, регулирующий отношения в сфере добровольчества.

Однако 2018 год был объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным «Годом добровольца и волонтера»¹, и соответственно, указанное событие не могло обойтись без принятия соответствующих законов. 05.02.2018 на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> был опубликован новый Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», который вступил в силу 01.05.2018². Указанный закон в основном вносит изменения в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»³ и меняет его название, вводя наименование, – «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)».

В законе не определены формы и виды добровольческой (волонтерской) деятельности, а только перечисляются ее цели, к которым относятся: социальная поддержка и защита граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных; социальная реабилитация безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или

¹ См.: О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера): Указ Президента РФ от 06.12.2017 № 583 // СЗ РФ, 11.12.2017, № 50 (ч. III), ст. 7598.

² См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ // СЗ РФ, 12.02.2018, № 7, ст. 975.

³ См.: О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // СЗ РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3340.

интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам; содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов; социальная реабилитация детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных детей, а также детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и другие цели. При этом закон содержит их закрытый, исчерпывающий перечень. Представляется, что такое ограничение для указанной деятельности недопустимо.

Ранее, в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении находился законопроект № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)»¹ (ныне отклоненный). Указанный законопроект был вполне удачный, в нем достаточно подробно описывались цели, задачи, функции, формы добровольчества, приводилась его дефиниция. В отличие от нового Федерального закона, в его статье 5 указывались такие основные виды добровольческой (волонтерской) деятельности, как содействие в работе по социальной адаптации, интеграции и воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; участие в поиске пропавших без вести людей, останков участников Великой Отечественной войны и локальных войн. И самое важное, что перечень видов такой деятельности субъект законодательной инициативы оставлял открытым.

¹ См.: О добровольчестве (волонтерстве): Проект федерального закона № 300326-6 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=300326-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=300326-6) (Отклонен 21.02.2018) (дата обращения 25.02.2018).

С учетом передового зарубежного опыта Италии, представляется наиболее обоснованным, если цели добровольческой (волонтерской) деятельности будут расширены. В связи с этим, полагаем возможным расширить и дополнить статью 2 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» за счет включения в перечень лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, к которым указанный закон относит только детей-сирот, также людей с психическими заболеваниями, бывших пациентов психиатрических учреждений, наркозависимых, алкозависимых и подозреваемых/обвиняемых с избранными в отношении них альтернативными мерами содержания под стражей. Такой подход в полной мере будет соответствовать Резолюции 56/38 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 2001 года «Рекомендации о поддержке добровольчества».

Другим немаловажным достоинством законодательства Италии является возможность участия в кооперативе инвестора. Указанная диспозиция содержится в статье 4 закона Италии от 31.01.1992 № 59 «Новые правила в отношении кооперативов компаний» (*Nuove norme in materia di societa' cooperative – (итал.)*)¹. Для участия инвесторов в хозяйственной жизни организации необходимо, чтобы уставы кооперативов предусматривали возможность создания фондов для технологического развития или реструктуризации активов для улучшения бизнес-процесса. При этом вклады членов-инвесторов, как правило, представлены в виде переводных именных акций. Таким образом, социальный кооператив может предусмотреть четыре категории членства: 1) члены-сотрудники; 2) лица, нуждающиеся в

¹ См.: *Nuove norme in materia di societa' cooperative*, 31.01.1992, № 59 // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1992-02-07&atto.codiceRedazionale=092G0082> (дата обращения 07.03.2017).

социально трудовой реабилитации (от 30% до 50%); 3) члены-добровольцы (не менее 10%); 4) инвесторы¹.

Деятельность социальных кооперативов и соответствие ее критериям, определенным законодательством, контролируется компетентными государственными органами. Статья 3 Закона «О социальных кооперативах» предусматривает проведение профилактических проверок в отношении действующих социальных кооперативов, периодичность которых не может быть реже одного раза в год. По результатам проверки составляется отчет, который направляется в Министерство труда и социальной защиты, в течение сорока дней с даты его составления.

Важным событием в совершенствовании правового положения социального кооператива в развитии итальянского Третьего сектора стало принятие 13.06.2005 года, с учетом рекомендаций Европарламента, обобщившего европейский социально-предпринимательский опыт, закона № 118 «О делегировании Правительству полномочий по регулированию вопросов социального предпринимательства» (*Delega al Governo concernente la disciplina dell'impresa sociale – (итал.)*)². Указанный закон подтвердил определение социального кооператива как частной организации, вне зависимости от избранной организационно-правовой формы юридического лица, которая стабильно осуществляет основной вид экономической деятельности по производству или обмену товаров, оказанию услуг социального значения, направленных на достижение целей, представляющих общественный интерес (общественную пользу).

Если первоначально разрешены были два типа строго отделенных друг от друга кооперативов: «А» – оказывающий социальные услуги в сфере

¹ См.: Anastasio Guglielmo. *Il Lavoro nelle cooperative sociali: adempimenti e disciplina previdenziale*. URL: <http://qps.ru/YVqOF> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: *Delega al Governo concernente la disciplina dell'impresa sociale, 13.06.2005, № 118* // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2005-07-04&atto.codiceRedazionale=005G0147> (дата обращения 07.03.2017).

«общественной полезности» (центры агрегации для детей, центры для пожилых людей, инвалидов, центры по уходу на дому за престарелыми) и «В» – осуществляющий производственную деятельность, основанную на предоставлении рабочих мест людям, находящимся в неблагоприятном положении, численность которых должна составлять не менее 50% от общего числа занятых в кооперативе работников, то с принятием нового закона ситуация изменилась: социальные кооперативы получили право совмещать различные социальные цели, приобретая черты кооперативов типов «А» и «В». Смешанные кооперативы стали называться – социальные кооперативы типа «А+В»¹.

Вместе с тем, в Законе «О социальных кооперативах» также уточняются направления предпринимательской деятельности, раскрывающие понятие «общественная полезность (социальная полезность)». Указанное понятие включает в себя следующие элементы: а) социальная помощь, социальное обеспечение, б) медико-санитарная помощь, здоровье, в) социальная защита и здравоохранение, г) образование, обучение и профессиональная подготовка, д) защита окружающей среды, е) укрепление культурного наследия, ж) социальный туризм, з) академическое и постакадемическое образование, и) научно-исследовательская деятельность и оказание культурных услуг, к) внешкольное образование, л) поддержка социальных предприятий и т.д.².

Эти общественно полезные сферы не ограничивают деятельность кооперативов типа «В», нацеленных на социально-трудовую интеграцию лиц, находящихся в «неблагоприятном положении». Данные кооперативы вправе осуществлять любые виды предпринимательской деятельности, что

¹ См.: Antonio Thomas, (2004). Op. cit. P. 248.

² См.: Decreto Legislativo 24.03.2006 «Disciplina dell'impresa sociale , a norma della legge 13 giugno 2005, n. 118» // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2006-04-27&atto.codiceRedazionale=006G0176¤tPage=1> (дата обращения 07.03.2017).

не повлияет на их статус «социального кооператива» и соответствующую государственную поддержку. Однако, оказывая общественно полезные услуги, они повышают степень своей социальной полезности и вправе рассчитывать на дополнительную помощь¹.

Закон также предусматривает правило о том, что некоммерческие ассоциации и фонды, которые хотят быть зарегистрированы в качестве социальных кооперативов, должны предоставить доказательства своей социально-предпринимательской природы. И наоборот, хозяйственные общества, желающие заниматься социальным предпринимательством, должны помимо требований к осуществлению общественно полезной деятельности, соблюдать порядок ограничения распределения прибыли. Так, Гражданский кодекс Италии в статье 2514 устанавливает запрет для кооперативов на распределение дивидендов в размере доли от реально внесенного капитала, которая превышает максимальную процентную ставку по сберегательным почтовым сертификатам, увеличенную на два с половиной пункта. Также указанная статья предусматривает запрет на распределение резервных фондов между членами кооператива². Подобные правовые ограничения вполне оправданы и устанавливаются в целях обеспечения общественных интересов³.

Во исполнение закона о делегировании Правительству полномочий по регулированию вопросов социального предпринимательства, Президентом Италии был принят соответствующий Декрет от 24.03.2006 № 155 «Дисциплина социальных предприятий по закону от 13.06.2005 № 118» (*Disciplina dell'impresa sociale, a norma della legge 13 giugno 2005, n. 118* –

¹ См.: Borzaga Carlo, Galera Giulia and Zandonai Flaviano. Op. cit.

² См.: Codice Civile Italiano (Гражданский кодекс Италии) // Поисковая нормативно-правовая база Италии. URL: <http://www.leggeonline.info/codicecivile/> (дата обращения 07.03.2017).

³ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Юристъ. М., 2004. С. 106.

(итал.))¹. Следует отметить, что законодательные декреты и декреты-законы Италии относятся к правовым актам, имеющим силу закона. Они представляют собой коллегиальные решения Совета Министров, оформленные в виде декретов Президента Итальянской Республики (ч. 5 ст. 87 Конституции Италии). Данными нормативными актами могут регулироваться вопросы, отнесенные к сфере компетенции Парламента, и могут вноситься изменения в действующие законы. Согласно статье 76 Конституции Италии, законодательные декреты представляют собой акты делегированного законодательства².

Статья 1 Декрета гласит, что статус социального кооператива (социального предприятия) могут получить все частные организации, упомянутые в книге V Гражданского кодекса Италии, чья деятельность является стабильным и основным видом экономической деятельности. Часть 3 статьи 2 указанного нормативного акта раскрывает понятие «основной вид деятельности», определяя его как деятельность корпорации, осуществляющей социальное предпринимательство, для которой соответствующие доходы выше, чем 70% от общей суммы всех ее доходов³. Для расчета указанного порогового коэффициента учитываются только доходы, напрямую полученные от реализации своей общественно полезной деятельности, за исключением доходов от арендной платы, доходов от прироста капитала, условных активов от договоров с корпорациями, осуществляющими контроль⁴.

¹ См.: Decreto Legislativo 24.03.2006 «Disciplina dell'impresa sociale, a norma della legge 13 giugno 2005, n. 118».

² См.: Малиновская В.М. Понятие и источники административного права Италии // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 43.

³ См.: Avvio e gestione d'impresa // Сайт торгово-промышленной палаты г. Новара, раздел «социальные предприятия». URL: http://www.no.camcom.gov.it/Page/t08/view_html?idp=1353 (дата обращения 07.03.2017).

⁴ См.: Alessandro Messina, Barbara Siclari. Verso L'Impresa. I nuovi decreti attuativi del 155/2006. P. 2. URL: http://coopalreves.it/download/impresa_sociale_decreti.pdf (дата обращения 07.03.2017).

Субъект социального предпринимательства в своем наименовании обязан содержать термин «социальный кооператив» или «социальное предприятие», другим юридическим лицам использование такого термина запрещено. Такие кооперативы включаются в коммерческий реестр, который ведется в торгово-промышленных палатах каждого города Италии. Введение реестра кооперативов стало обязательным с 23.06.2004, что позволило определить, какие социальные кооперативы относятся к типу «А», а какие – к типу «В», и сколько каждый кооператив включает добровольных членов¹. Для включения в реестр кооперативов необходимо предоставить устав кооператива, документ, подтверждающий финансовую составляющую, социальный отчет, подготовленный в соответствии с руководящими правилами, утвержденными указом министра социальной политики. Подача этих документов должна быть произведена в течение тридцати дней после учреждения².

Таким образом, согласно Декрету 2006 в качестве социальных предприятий могут быть учреждены и функционировать следующие организационные конструкции:

- Кооперативы – организации, принадлежащие работникам, производителям или клиентам, деятельность которых регулируется статьей 2511 Гражданского кодекса Италии. Указанная статья гласит, что кооперативы – это компании с переменным капиталом и с взаимными объектами, зарегистрированные в специальном реестре и упомянутые в статье 2512 Гражданского кодекса Италии. Деятельность компании должна быть направлена на достижение мутуалистических (взаимовыгодных) целей. При этом в примечании к статье указано, что к мутуалистическим целям относится обеспечение производителей товаров, исполнителей услуг или

¹ См.: Anastasio Gugliermo. *Il Lavoro nelle cooperative sociali: adempimenti e disciplina previdenziale*. P. 36. URL: <http://qps.ru/YVqOF> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: *Avvio e gestione d'impresa*. Op. cit.

занятых лиц более выгодными условиями, чем те, которые они получили бы на обыкновенном рынке.

- Коммерческие корпорации – организации, принадлежащие инвесторам, деятельность которых регулируется статьей 2247 Гражданского кодекса Италии.
- Традиционные некоммерческие организации – то есть ассоциации и фонды, деятельность которых регулируется книгой I Гражданского кодекса Италии¹.

Наконец, важно отметить, что в соответствии с Декретом 2006 года в случае ликвидации, слияния, поглощения или продажи компании, оставшиеся активы должны быть пожертвованы некоммерческим общественным организациям, ассоциациям, комитетам, фондам и церковным образованиям². Согласно статье 13 Декрета, вновь образованные юридические лица, появившиеся в результате реорганизации путем слияния, поглощения, разделения или выделения из ранее осуществлявших социальное предпринимательство кооперативов, обязаны сохранить свою социальную направленность. Такое законодательное решение обусловлено сохранением общего интереса, на благо которого работают социальные кооперативы. Административные органы социального кооператива обязаны сообщить Министерству труда и социальной политики о любых процессах, связанных с реорганизацией кооператива, которое должно проверить порядок приобретения активов и назначения бенефициаров³.

Как и у некоммерческих организаций, основными финансовыми инструментами поддержки социального кооператива выступают:

¹ См.: Directorate general for internal policies. Police department A: economic and scientific policy // Официальный сайт Европейского Парламента. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578969/IPOL_STU\(2016\)578969_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578969/IPOL_STU(2016)578969_EN.pdf) (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Alessandro Messina. Op. cit. P. 3.

³ См.: Decreto Legislativo 24.03.2006 «Disciplina dell'impresa sociale, a norma della legge 13 giugno 2005, n. 118». Op. cit.

пожертвования, гранты на оказание помощи, государственная поддержка, налоговые льготы и другие институциональные средства. К наиболее известным субъектам, обеспечивающим инфраструктуру поддержки социального предпринимательства в Италии, относятся следующие организации: Этический банк (ethical bank) – созданное в 1994 году финансовое учреждение, посредством которого вклады и сбережения лиц реинвестируются на реализацию социально-экономических инициатив; Компании развития социальных предприятий (cosis) – компании финансового развития, которые обеспечивают поддержку социальных кооперативов и проектов, имеющих социальную миссию; Управление взаимных ассоциаций (MAG) – организация, способствующая поддержке и укреплению социального сотрудничества, обеспечивающая личностный рост работников и их устойчивое развитие; Консорциум Джино Маттарели – организация, предоставляющая кредиты и авансы социальным кооперативам, а также предлагающая технические, финансовые консультационные услуги; Икреа (iccrea) – единственный созданный в 2000 году в Италии банк, основной целью которого является поддержка кооперативной системы, предоставляющий широкий спектр финансовых, кредитных, страховых услуг по низким ценам¹.

Долголетнему и успешному существованию кооперативов должны способствовать не только сторонние организации, но и сами социальные предприятия. Согласно Закону Италии от 31.01.1992 «Новые правила в отношении общественных компаний», кооперативы обязаны вносить 3% своего годового дохода в Фонд Маркони – фонд, объединяющий совместные ресурсы кооперативов для поддержки следующего поколения социальных кооперативов в Италии². П. Гослинг предполагает, что это обстоятельство является ключевым фактором, способствующим развитию и поддержанию

¹ См.: Antonio Thomas, (2004). Op. cit. P. 259.

² См.: Nuove norme in materia di societa' cooperative, 31.01.1992, № 59. Op. cit.

устойчивости социального предпринимательства и кооперативного сектора в Италии¹. Социальные кооперативы также обязаны содержать резервные фонды, в которые независимо от их объема должны отчисляться средства в размере не менее 30% чистой годовой прибыли. В порядке и в размерах, предусмотренных законом, доля чистой годовой прибыли должна отчисляться в фонды взаимопомощи, учрежденные для поддержки и развития кооперации (ст. 2545-четыре Гражданского кодекса Италии). В соответствии с положениями ст. 2545-пять, собрание принимает решение об использовании части прибыли, которая осталась нераспределенной после применения части один и два указанной статьи². При этом доля прибыли, выделяемая на неделимые резервы, не является частью налогооблагаемого дохода.

Подзаконные акты Италии также предусматривают предоставление кооперативам налоговых льгот. В частности, в соответствии со статьей 11 Указа Президента Италии от 29.11.1973 № 601 доходы, полученные в результате работы кооператива, не облагаются доходом на прибыль юридического лица (IRPEG), если сумма «реальной заработной платы, выплачиваемой участникам, больше чем 50% от всех других расходов, за исключением тех, которые касаются сырья и расходных материалов. Если, однако, размер вознаграждения составит менее 50%, но не ниже 25% от общей суммы прочих расходов, налог на прибыль уменьшается вдвое»³. Данная налоговая политика способствует обеспечению гарантированного достойного уровня заработной платы членам социальных кооперативов, повышению их качества жизни и социальной защищенности.

¹ См.: Gosling, P. Social cooperatives in Italy: Lessons for the UK. London: Social Enterprise London. P. 9. URL: <http://socialeconomyaz.org/wp-content/uploads/2011/06/SocialCooperativesInItaly.pdf> (дата обращения 07.03.2017).

² См.: Codice Civile Italiano (Гражданский кодекс Италии). URL: <http://www.leggeonline.info/codicescivile/> (дата обращения 07.03.2017).

³ См.: L'Ires per le cooperative // Официальный сайт информационной новостной системы Италии. URL: http://www.fiscooggi.it:8080/attualita/articolo/lires-le-cooperative-3?quicktabs_3=2 (дата обращения 07.03.2017).

Помимо этого, обездоленные и работающие лица в кооперативе типа «В» освобождены от уплаты национальных страховых взносов. На социальные предприятия распространяется пониженная ставка налога на добавленную стоимость в зависимости от товаров и услуг, о которых идет речь. Ставка НДС, применяемая к социальным предприятиям, составляет минимум 4% по сравнению со стандартной ставкой в 22% для других корпораций. Также налоговые льготы предлагаются тем, кто покупает «облигации солидарности», используемые для финансирования некоммерческой деятельности¹.

Таким образом, в Италии применяется целая система налоговых льгот и преференций. Это во многом отличает социальное итальянское законодательство от британского, в котором предоставление налоговых льгот социальным предприятиям не предусмотрено. Итальянский подход способствует стабильному развитию социальных кооперативов и решению социальных задач. Основываясь на указанных выводах, целесообразно учесть зарубежный опыт при совершенствовании положений отечественных нормативных правовых актов в сфере поддержки социального предпринимательства.

Однако итальянские социальные кооперативы, несмотря на все описанные достоинства, имеют ряд недостатков. К ним относятся: преследование множества целей, приводящее к потере четко выстроенной стратегии управления; отсутствие четко определенного собственника, что приводит к появлению внутренних конфликтов; недостаточно высокий процент доходов, что способствует недостаточности финансового развития; отсутствие у членов кооператива управленческих и предпринимательских компетенций.

¹ См.: Daniel Edmiston. The Italian Social Innovation Policy Agenda. P. 5. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/43787023.pdf> (дата обращения 07.03.2017).

Однако на фоне положительных сторон указанного института эти недостатки теряются и не оказывают существенного влияния на дальнейшую его судьбу. Такие социальные предприятия имеют уникальные возможности для борьбы с маргинализацией и десоциализацией. Мобилизация внутреннего потенциала личности для самостоятельного решения социальных проблем наименее защищенных слоев населения обеспечивает им достойный уровень жизни. Система управления указанными кооперативами демонстрирует уникальную способность учитывать потребности социально незащищенных категорий граждан.

Таким образом, итогом проведенного в настоящем параграфе исследования следует признать выявленные и оцененные критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса социального кооператива и условий его государственной поддержки, правовой моделью которого признается итальянский социальный кооператив.

Данный статус может получить любая коммерческая и некоммерческая организация, взявшая на себя социально-предпринимательскую миссию, отвечающая требованиям, влияющим на определение типа социального кооператива: «А» – социально-трудовой интеграции (трудоустройство, с гарантированным минимальным размером заработной платы, не менее 50% от численности лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации); «В» – общественной пользы (преимущественное оказание общественно полезных (социально – значимых услуг); «А+В» – смешанного типа. В каждом из трех типов кооперативов регламентировано количество волонтеров, имеющих легальный статус; ограничение размера распределения прибыли в общественных интересах; обязательное отчисление в государственный гарантийный фонд поддержки социального предпринимательства (до 3% прибыли), способствующее развитию гражданского общества.

Настоящий подход легализации социального предпринимательства

наиболее оптимален при определении правового положения субъектов социального предпринимательства, относящихся к социально-ориентированным организациям социально-трудовой интеграции лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Реализация данного подхода способствует мобилизации внутреннего потенциала для самостоятельного решения социальных проблем наименее защищенных слоев населения, что обеспечивает им достойный уровень жизни.

2.2. Социально ориентированные корпоративные организации США и Германии: особенности определения статуса социального предпринимателя

В отличие от Европы, в Соединенных Штатах Америки в силу исторически сложившихся особенностей, легализация субъекта социального предпринимательства осуществляется посредством негосударственной сертификации, в результате которой социальному предприятию присваивается статус «B corporation» («B» – от Benefit, обозначает «выгодный, полезный»), то есть «общественно полезной корпорации», предоставляющей возможность участия, в зависимости от присвоенного рейтинга общественной полезности, в социальных инвестиционных проектах частного бизнеса и государства. Несмотря на то, что в Российской Федерации еще не сложились, как в США, традиции поддержки частными благотворительными инвестиционными фондами некоммерческого сектора, способного составить альтернативу государству в оказании социально значимых услуг, тем не менее, критерии «общественной полезности», на основании которых присваивается статус «B corporation», несомненно представляют интерес для российской правотворческой практики.

К сожалению, следует признать отсутствие в России вышеотмеченных отношений, подобно сложившимся за столетие в США, между гражданским обществом и крупным бизнесом. Роль государства в социальной сфере, как и в советский период, является доминирующей, при этом роль некоммерческого сектора остается незначительной. По-прежнему 98,8% организаций социального обслуживания представляют государственный сектор и лишь 1,2% состоит из негосударственных организаций¹. О

¹ План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 годы), утвержден приказом Министерства труда социальной защиты РФ от 30.04.2014 № 282 // СПС Консультант

социальной ответственности бизнеса многие предприниматели имеют смутное представление. В связи с этим нужно быть большим оптимистом, чтобы копировать в России американский подход развития социального предпринимательства. Вместе с тем некоторые элементы этого опыта могут быть востребованы уже сегодня.

В настоящее время курс социальной политики, взятый на разгосударствление социальной сферы, является одним из приоритетных ее направлений. В целях совершенствования системы стимулирования российских организаций к повышению информационной открытости и прозрачности результатов воздействия их деятельности на общество и окружающую среду, включая экономическую, экологическую и социальную составляющие, распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2017 года № 876-р утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчетности¹ (далее – Концепция), разработанная во исполнение пункта 9 раздела III плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»². Концепция пока не предполагает возможность рейтинговой сертификации с присвоением статуса «социально-предпринимательской» (социально ответственной, социально полезной) организации, но изучение американского опыта несомненно скажется на расширении возможностей для объективной оценки на основе публичной нефинансовой отчетности вклада результатов деятельности российских организаций в общественное развитие.

Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=547494;req=doc> (дата обращения 10.07.2017).

¹ См.: Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/49565.html> (дата обращения 10.07.2017).

² См.: План мероприятий («дорожная карта») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утвержден распоряжением Правительства РФ от 08.06.2016 № 1144-р // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199767/ (дата обращения 10.07.2017).

В США, в отсутствие специального федерального закона о социальном предпринимательстве, нет и единой государственной системы сертификации. Любая социально ориентированная организация, независимо от организационно-правовой формы, основывающая деятельность на идеологии социального предпринимательства, вправе сертифицироваться у любого рейтингового агентства. У инвесторов и потребителей услуг в настоящее время особое признание среди указанных рейтинговых агентств получила некоммерческая организация «B Lab», которая успешно конкурирует с другими крупными агентствами указанного сегмента, такими как Det Norske Veritas, Underwriters Laboratories и Technischer Überwachungsverein, нацеленными на продвижение программ по ускорению роста социального предпринимательства.

Сертификационное рейтинговое агентство «B Lab» было основано в 2006 году в округе Делавэр в Пенсильвании Джейм Коемом Гилбертом, Бартом Хоулаханом и Эндрю Кэссоем. Основу его популярности составляет то обстоятельство, что «B Lab» выдает специальные сертификаты (B Lab certification или B Corporation certification) для корпораций и выпускаемой ими продукции, соответствующие критериям социальной и экологической эффективности, рейтинг которых получил заслуженное доверие¹. Первый сертификат B Lab был выдан в 2007 году. Сегодня эти корпорации распределены по 60 разным отраслям экономики, а общий их доход составляет около \$2,9 миллиарда². Приобретенный сертификационный статус «B corporation» или «B Corp» — это «знак качества» организации, отвечающей строгим критериям в области социальной ответственности, воздействия на окружающую среду, прозрачности и управления, использующей собственные ресурсы для решения социальных и

¹ См.: Опыт развития социального предпринимательства в США. URL: <http://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255> (дата обращения 25.07.2017).

² См.: Не корысти ради. Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2012/04/12/7497/> (дата обращения 25.07.2017).

экологических проблем. В этой направленности несомненно прослеживается идеологическая общность «В Lab» и российской концепции развития публичной нефинансовой отчетности.

Рейтинги «В Lab» оцениваются по четырем основаниям: социальная ответственность, сотрудники, потребители, сообщество и окружающая среда. Так, например, по критерию «Сотрудники» оценивается степень участия работников корпорации в уставном капитале общества, по критерию «Потребители» – удовлетворение потребностей сообщества в товарах и услугах по цене, качеству, безопасности, полезности и экологической чистоте, по критерию «Окружающая среда» – экологический эффект положительного воздействия на сообщество и окружающую среду¹.

Наибольший интерес вызывают критерии сертификации по основанию «Социальная ответственность», оцениваемому по разделам: «Управление», «Прозрачность» и «Справедливая торговля». Если требования к «Управлению» и «Прозрачности» к корпорации, претендующей на статус «В corporation», во многом совпадают с уже ранее анализируемыми в настоящем исследовании критериями, позволяющими отнести предпринимателей к «субъектам социального предпринимательства», разработанными Европейским исследовательским центром (EMES), то термин «справедливая торговля» (англ. Fairtrade) там не встречается и требует отдельного пояснения.

Под «справедливой торговлей» (нравственными правилами поведения поставщика) понимается популярное во многих зарубежных странах общественное движение, обеспечивающее правовые гарантии производителям товара, оптимальную стоимость высокоэкологичной

¹ См.: Кицай Ю.А. Особенности правового положения социальных корпоративных организаций США и Канады в сравнении с европейским опытом // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 498.

продукции и охрану окружающей среды¹. Движение защищает интересы мелких производителей товаров ручной работы, обеспечивает конкурентоспособность и оптимальную, справедливую стоимость таких продуктов, как чай, кофе и т.п., соразмерную высоким затратам на их производство. Для сельхозпроизводителей и ремесленников из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки участие в «справедливой торговле» позволяет бороться с безработицей, что позволяет рассматривать это движение составной частью социального предпринимательства. В России принципы «справедливой торговли» так же, как и социального предпринимательства, мало известны и понятны.

Пора признать очевидный факт, который уже не подвергается сомнению в странах социальной экономики, что сегодня конкурентоспособность хозяйствующего субъекта не может быть достигнута посредством «ценовой» конкуренции, то есть уменьшением заработной платы и увеличением цены продукции, что неминуемо приведет к социальной катастрофе. Социализация экономики, предпринимательства приводит и к социализации конкурентного механизма², когда конкурентные преимущества в большей степени обеспечиваются не экономическими, а нематериальными, социальными факторами производства³. В отличие от миллионов россиян, находящихся за чертой бедности, для современного зарубежного потребителя определяющее значение при покупке товара имеет не цена продукции, а ее потребительская ценность: качество, безопасность, экологичность. Поэтому бренды товаров с сертификатом «B Corp» (Certified B Corporation™), подтверждающие высокое качество и экологичность

¹ См.: Синицына Е. Справедливая торговля – социальный бизнес на борьбе с бедностью // Портал Cloudwatcher. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/1/view/70/> (дата обращения 29.07.2016).

² См.: Попов Ю.Н., Гришина Т.В. Конкуренция и социализация рыночной экономики // Труд и социальные отношения. 2012. № 11. С. 24.

³ См.: Барков А.В. Корпоративно-правовое обеспечение защиты конкуренции и конкурентоспособности на рынке социальных услуг // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2016. № 4 (68). С. 41.

продукции мирового уровня, реально способствуют обеспечению конкурентных преимуществ социальных предпринимателей, удовлетворяя возрастающие потребности общества.

Вместе с тем, с социализацией всех сфер общественного устройства происходит главное изменение. Человеческий капитал, о необходимости развития которого так часто говорят сегодня в России в программных стратегических документах, а не природные ресурсы (газ, нефть и т.д.) становятся решающим фактором производства. «Человеческий капитал» — это не нищие и безработные граждане, а высоко профессиональный и соответственно высоко оплачиваемый «средний класс» общества, поэтому для развития человеческого капитала нужны инвестиции. Прекрасно это понимая, социальному предпринимателю становится выгодно повышение заработной платы своим сотрудникам, поскольку такие профессионалы способны более качественно удовлетворить потребности клиента. В результате социальная функция предпринимательской деятельности начинает преобладать над экономической, обеспечивая конкурентные преимущества, а предпринимателю становится прибыльно быть социально ответственным¹.

Примечательно, что статус «B corporation» для американского социального предпринимателя, в отличие от европейского статуса «социального кооператива», не дает право на налоговые льготы. В российских условиях конкуренции социально ориентированных некоммерческих организаций за бюджетную поддержку, мотивация американских социальных предпринимателей не понятна. Однако социальное предпринимательство в Соединенных Штатах Америки развито не хуже, чем в Европе, так как оно в условиях динамично развивающихся отношений способствует обеспечению конкурентных преимуществ

¹ См.: Мамонтов В.Д., Меркулова Е.Ю. Индивидуальное и социальное начала современного предпринимательства // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 4. Т. 10. С. 64.

предпринимателя, количество которых неизменно растет и насчитывает уже более 140 тысяч, способствуя формированию «четвертого сектора» экономики¹.

Может создаться впечатление, что в США, в отличие от европейских стран, государство не занимается развитием социального предпринимательства. Это впечатление обманчиво. В США государство выдает гарантии, обеспечивая предоставление льготных кредитов, гарантирует доступ социальным предпринимателям к выполнению социальных заказов различных государственных учреждений, учувствует в различных формах государственно-частного партнерства². При этом приоритетом заключения соответствующих соглашений пользуются социальные предприниматели со статусом «B corporation», имеющие наивысший сертификационный рейтинг, служащий им при этом защитой от недружественных поглощений³.

Для подтверждения высокого рейтинга социальные предприниматели ежегодно отчитываются перед «B Lab» и проходят сертификацию каждые два года. Эта процедура для каждой социальной корпорации, претендующей или подтверждающей статус «B Corporation», осуществляется на возмездной основе, ее оплата устанавливается для каждой организации отдельно в зависимости от ее дохода⁴. Оплата сертификации не гарантирует получения

¹ См.: Опыт развития социального предпринимательства в США. URL: <http://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255> (дата обращения 25.07.2016).

² См.: Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. № 2 (16). 2012. С. 112.

³ См.: Gupta, A., (2011). L3cs and B corps: new corporate forms fertilizing the field between traditional for-profit and nonprofit corporations // N.Y. j. of law & business. N.Y. Vol. 8. № 1. P. 224.

⁴ См.: Cooney, K., (2012). Mission control: Examining the institutionalization of new legal forms of social enterprise in different strategic action fields. In B. Gidron and Y. Hasenfeld (Eds.) Social Enterprise: An Organizational Perspective / Hampshire, England: Palgrave Macmillan. P. 14.

статуса. Более 900 организациям, не отвечающим критериям, «B Lab» отказала в получении статуса «B Corporation»¹.

До 2008 года к рейтинговой сертификации прибегали преимущественно некоммерческие организации, составляющие основу социального предпринимательства. Однако с легализацией в некоторых американских штатах специально предназначенных для социально-предпринимательской деятельности коммерческих низкодоходных корпораций с ограниченной ответственностью (англ. Low-Profit Limited Liability Company – L3C) и – общественного блага (англ. Benefit corporation) ситуация изменилась. Данные хозяйственные общества, не ставящие в качестве одной из основных целей извлечение прибыли, также конкурируют с некоммерческими организациями за статус «B Corporation».

Первая низкодоходная корпорация с ограниченной ответственностью легализована в штате Вермонт в 2008 году в дополнение к общему закону об обществах с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company – LLC)². Сегодня — это самая признанная в США коммерческая организационно-правовая форма субъекта социального предпринимательства. Наряду с Вермонтом данное хозяйственное общество легализовано в Вайоминге, Иллинойсе, Луизиане, Мичигане, Мэне, Северной Каролине и в Юте, а еще 26 Штатов готовы последовать их примеру³.

Правовое положение низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью не отличается от традиционного общества с ограниченной ответственностью, за исключением необходимости отвечать еще трем дополнительным критериям, которые закрепляются в уставных документах L3C: 1) заинтересованность в достижении не менее одной общественно

¹ См.: Не корысти ради. Филантроп. Электронный журнал о благотворительности.

² См.: Cooney, K., (2012). Mission control: Examining the institutionalization of new legal forms of social enterprise in different strategic action fields. In B. Gidron and Y. Hasenfeld (Eds.) Social Enterprise: An Organizational Perspective / Hampshire, England: Palgrave Macmillan. P. 13.

³ См.: Опыт развития социального предпринимательства в США. С. 19.

полезной цели; 2) отсутствие стремления к получению максимальной прибыли, но финансирование общественно полезной деятельности; 3) не преследование политических целей¹. Регистрация ЛЗС может в различных штатах несущественно отличаться и может быть произведена путем создания новой низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью или внесения изменений в устав уже существующего ООО².

Закон о корпорациях общественного блага (Benefit corporation) принят в апреле 2010 года в штате Мэриленд. Согласно этому закону «Benefit corporation» — это не сертификационный статус некоммерческого рейтингового агентства «B Lab», а одноименное название организационно-правовой формы корпорации, разделяющей социально-предпринимательскую идеологию. Вместе с тем, это не отменяет необходимости, для включения в социальные инвестиционные программы, получения в «B Lab» или любом другом агентстве, статуса субъекта, прошедшего сертификацию на соответствие общественно полезным целям. На сегодняшний день зарегистрировать корпорацию общественного блага (Benefit corporation) можно в тринадцати штатах: Вашингтон, Вермонт, Вирджиния, Гавайи, Иллинойс, Калифорния, Луизиана, Массачусетс, Мэриленд, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Пенсильвания и Южная Каролина³.

Корпорация общественного блага так же, как и низкодоходная корпорации с ограниченной ответственностью (ЛЗС), является типичной гибридной организацией, сочетающей в себе признаки коммерческой и некоммерческой организаций. Различия их состоят в том, что правовое положение ЛЗС базируется на законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью, а Benefit corporation – на различных видах легально существующих корпораций. Инвестиционный потенциал у

¹ См.: Cooney, K., (2012). Mission control: Examining the institutionalization of new legal forms of social enterprise in different strategic action fields. P. 13.

² Ibid.

³ См.: Опыт развития социального предпринимательства в США. С. 20.

публичных акционерных корпораций несколько выше, чем у обществ с ограниченной ответственностью, что делает корпорацию общественного блага привлекательной для потенциальных акционеров.

В связи с тем, что корпорация общественного блага представляет собой гибридную организацию, обязанности директоров также смешаны. В своих ежегодных публичных отчетах перед акционерами они ответственны как за полученный социальный, так и экономический эффекты предпринимательской деятельности. Вместе с тем, в отличие от традиционной корпорации, директора освобождаются от повышенной ответственности перед акционерами корпорации общественного блага так же, как и в низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью¹.

В Германии в марте 2013 года, в след за США, также легализована предназначенная для осуществления социально-предпринимательской деятельности специальная организационно-правовая форма юридического лица – некоммерческое общество с ограниченной ответственностью (*gemeinnützige GmbH – gGmbH*), также действующее на базе традиционного германского ООО (*GmbH*). Особенность правового положения немецкого некоммерческого общества с ограниченной ответственностью заключается в том, что оно относится к некоммерческим юридическим лицам, о чем свидетельствует маленькая буква «g» перед обозначением ООО (*gGmbH*). Однако, как и у американской низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью – L3C, правовое положение которой базируется на законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью, так и деятельность некоммерческого общества с ограниченной ответственностью – *gGmbH* регулируются положениями одноименного германского закона об ООО, а вместе с тем и Торгового кодекса.

Есть все основания считать *gGmbH* гибридной организацией, сочетающей признаки некоммерческих и коммерческих организаций. К

¹ Там же.

типичным некоммерческим признакам относятся: запрет на распределение прибыли и обязанность ее направления на достижение целей, отвечающих критериям общественной пользы; право на льготы, как и у любой другой некоммерческой организации в соответствии с параграфами 51-68 Германского налогового уложения. Некоммерческое общество с ограниченной ответственностью – gGmbH как коммерческая организация, обязана формировать уставной капитал в размере 25 тысяч евро, как у любого общества с ограниченной ответственностью – GmbH. Правовое положение австрийской gGmbH тождественно немецкому некоммерческому обществу с ограниченной ответственностью¹.

В российской научной литературе наибольшее внимание изучению специальных организационно-правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности, в контексте социализации зарубежного корпоративного законодательства и правового обеспечения конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере, уделено Ю.А. Кицай². Особый интерес представляет ее вывод о том, что социализированные организационно-правовые формы юридических лиц в зарубежных странах также входят в число нематериальных факторов, обуславливающих их конкурентные преимущества. Обращая внимание на то, что во многих странах континентальной Европы, в Великобритании, США, Канаде существуют специальные социализированные организационно-правовые формы юридических лиц, Ю.А. Кицай полагает целесообразным легализацию подобной организационно-правовой формы юридического лица и установление ее критериев в Гражданском кодексе РФ³. Несмотря на

¹ См.: Барков А.В. Европейские тенденции социализации экономики и права в развитии германского и российского законодательства о юридических лица // Юстиция. 2015. № 2. С. 78.

² См.: Кицай Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. М.: Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2016. 240 с.

³ Там же. С. 125, 126.

творческий и оригинальный подход исследователя, позволим себе некоторые замечания в отношении ее научной позиции.

Полагаем, что в отношении европейского социального кооператива и корпорации общественных интересов Великобритании и Канады, как это будет доказано в следующем параграфе настоящего исследования, применение термина «организационно-правовые формы юридических лиц» не корректно, так как эти понятия означают правовой статус субъекта социального предпринимательства, который может быть получен юридическим лицом вне зависимости от его организационной формы. Представляется, что легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица оправдана лишь в качестве дополнительного правового средства в случае, если решена общая проблема легализации правового статуса субъекта социального предпринимательства, универсального как для социализированных коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, что в большей степени соответствует социально-предпринимательской идеологии.

В частности, подобный подход, как показывают результаты исследования в настоящем параграфе, применим к решению данной проблемы в США. Однако, как уже отмечалось, американский подход к легализации правового статуса субъекта социального предпринимательства пока, к сожалению, в целом не приемлем для России, ввиду неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Неприемлема и легализация российской специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица, как альтернативного решения, без определения правового положения субъекта социального предпринимательства.

Предложение о закреплении специальной организационно-правовой формы юридического лица и ее критериев в ГК РФ, с точки зрения юридической техники, также может быть предметом дискуссии.

Представляется, что более убедительно выглядит предложение Г.Ф. Ручкиной, А.В. Баркова и др. о легализации в российском законодательстве социально-ориентированного хозяйственного общества, как разновидности общества с ограниченной ответственностью, за счет внесения поправок в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹. Этот подход был успешно апробирован в зарубежной правоприменительной практике при легализации в Германии некоммерческого общества с ограниченной ответственностью (gGmbH), а также – низкодоходной корпорации с ограниченной ответственностью (L3C) в США. Достоинство этого технического решения в том, что оно не потребует корректировки ГК РФ.

Вместе с тем, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Достоинство легализации субъекта социального предпринимательства в США посредством присвоения статуса «B corporation» – «общественно полезной корпорации» заключается в универсализации подхода, учитывающего интересы в соответствии с социально-предпринимательской идеологией, как социализированных коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, вне зависимости от их организационно-правовых форм.

Доказано, что легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица как альтернативного решения без определения в целом правового положения субъекта социального предпринимательства не может достичь ожидаемого эффекта. Данную конструкцию следует рассматривать в качестве дополнительного правового инструмента решения социальных проблем.

Выявлено, что американская негосударственная рейтинговая сертификация присвоения статуса субъекта социального предпринимательства, при всех ее несомненных достоинствах оценки социального и экологического

¹ См.: Ручкина Г.Ф. Социальное обслуживание населения в Российской Федерации: совершенствование правового регулирования: Монография / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 33.

общественного воздействия, отвечающая строгим критериям в области социальной ответственности, воздействия на окружающую среду, прозрачности и управления, в настоящее время не приемлема для России ввиду доминирования государства в социальной сфере, неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Вместе с тем, идеи, содержащиеся в критериях оценки социального и экологического воздействия субъекта социального предпринимательства, могут быть востребованы при совершенствовании российской концепции развития публичной нефинансовой отчетности для определения ценности вклада в общественное развитие российских организаций.

2.3. Критерии предоставления статуса корпорации общественных интересов по законодательству Великобритании и Канады

Британский законодательный подход, воспринятый практически без изменений в Канаде и повлиявший на развитие южнокорейского законодательства, отличается от итальянского и американского правоприменительного опыта уникальностью критериев, необходимых для приобретения статуса корпорации (в английской традиции – компании) общественных интересов (Community Interest Company – (англ.)), легализующей субъект социального предпринимательства и придающей его деятельности особую социально-предпринимательскую направленность. В законодательстве о социальном предпринимательстве Италии акцент сделан на трудоустройстве социально уязвимых граждан, в США – на обеспечении конкурентных преимуществ и эффективности рыночных показателей социальных корпораций, ориентированных на общественную пользу. Британский подход – идеологически ближе к американскому. Вместе с тем, социально-предпринимательский приоритет компании общественных интересов в Великобритании заключается не только в максимизации конкурентных преимуществ и рыночных показателей, но и гарантированной направленности прибыли компании на социальные нужды (общественную пользу)¹, что делает британский опыт чрезвычайно привлекательным для совершенствования российского правоприменения.

Термин «компания общественных интересов» (Community Interest Company – CIC, для удобства в тексте будет использована данная английская аббревиатура) впервые был введен в оборот Правительством Соединенного Королевства в 2005 году, получив закрепление в Законе «О компаниях: аудит, исследования и общественные предприятия 2004» (Companies (Audit,

¹ См.: Kerlin, J. Op. cit. P. 250.

Investigations and Community Enterprise) Act 2004 – (англ.))¹. Однако легальная дефиниция названной формы социального предпринимательства в британских законодательных актах отсутствует. Вместе с тем это не мешает сформировать представление о правовом положении данной компании путем исследования его признаков, содержащихся в отдельных регулятивных нормах законодательства Великобритании.

В научной литературе можно встретить мнение, что компанию общественных интересов «следует рассматривать как дополнение к имеющимся организационно-правовым формам юридических лиц²», содержащимся в английском Законе о компаниях, что не вполне точно. Корректнее полагать, что «Community Interest Company» – это правовой статус субъекта социального предпринимательства, который могут приобрести все коммерческие организации, упомянутые в Законе о компании, а в некоторых случаях и некоммерческие благотворительные организации, прошедшие реорганизацию. CIC's очень разнообразны: они могут включать в себя общественные предприятия, социальные фирмы, взаимные организации, действующие на местном, региональном, национальном или международном уровнях³.

CIC – это компания, бизнес которой преследует социальные цели и чьи излишки принципиально реинвестируются для подобных целей, ни в коем случае не сводящихся к необходимости максимизации прибыли для акционеров или участников. Компании общественных интересов призваны решать широкий спектр социальных и экологических проблем, в связи с чем они работают во всех областях экономики и социальной сферы.

¹ См.: Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/27/contents> (дата обращения 01.06.2015).

² Кицай Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. С. 87.

³ См.: Community interest company // Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Community_interest_company (дата обращения 01.06.2015).

Закон о компаниях 2006 года (Companies Act 2006 – (англ.)) предусматривает деление всех компаний по общему критерию на «ограниченные» (limited – (англ.)) и «неограниченные» (unlimited – (англ.)). Ответственность участников первых компаний ограничена либо акциями, либо гарантиями. Ответственность вторых неограниченная¹.

Второе деление компаний предусматривает два их вида: публичные (public – (англ.)) и частные (private – (англ.)). И первые, и вторые могут быть как ограниченными, так и неограниченными. Эти два вида компаний были выделены английскими законодателями в связи с имеющимся в реальности различием между компаниями, используемыми с целью ведения малого бизнеса, и компаниями, используемыми широкой общественностью как способ инвестирования собственных средств².

Третий отдельный, обособленный вид компаний, указанный в Законе о компаниях 2006 года, – CIC – «Компания общественных интересов». В разделе 6 части 1 Закона указано, что CIC могут стать компании, ответственность участников которых ограничена акциями, а также компании, ответственность участников которых ограничена гарантией³.

Таким образом, на организационном уровне у социального предпринимателя, учреждающего компанию общественных интересов, есть два выбора: ограничить общество с помощью гарантий или с помощью акций. При ограничении гарантией общество функционирует по принципу благотворительной организации, гарантируя, что вся прибыль будет реинвестирована в компанию. При ограничении акциями общество развивается по модели смешанных ценностей и функционирует как типичная

¹ См.: Companies Act 2006 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения 01.06.2015).

² См.: Петникова О.В. Права участников корпоративных отношений по праву Великобритании: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 35.

³ См.: Антонова А.Ю. Великобритания: новый закон о компаниях. Основные новеллы, практика применения // Управление корпоративными финансами. 2010. № 4. С. 227.

компания с ограниченной ответственностью¹. При этом после того, как учреждена компания с ответственностью участников, ограниченной гарантией, она не может быть преобразована в компанию, ответственность участников которой ограничена акциями, и наоборот².

Таким образом, в качестве СИС могут быть зарегистрированы следующие виды компаний: частные организации, ответственность участников которых ограничена акциями (private companies limited by shares – (англ.)); публичные организации, ответственность участников которых ограничена акциями (public companies limited by shares – (англ.)); частные организации, ответственность участников которых ограничена гарантией (private companies limited by guarantee – (англ.)), что позволяет сделать вывод о влиянии итальянского правоприменительного опыта на развитие британского законодательства в данной области, так как единственно возможной правовой формы для подобного предприятия законом не предусмотрено³. Соответственно, сама «компания общественных интересов» по сути не является самостоятельной организационной правовой формой юридического лица и представляет собой вышеперечисленные виды компаний с полученным особым статусом.

Несмотря на некую схожесть с благотворительными организациями, СИС не является таковой. Однако британское законодательство позволяет благотворительным организациям реорганизовываться в СИС с согласия

¹ См.: Robert, T. Esposito, (2013). The social enterprise revolution in corporate law: A primer on emerging corporate entities in Europe and the United States and the case for the benefit corporation. 4 Wm. & Mary Bus. L. Rev. P. 675. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmblr/vol4/iss2/7> (дата обращения 01.06.2015).

² См.: Community interest companies: guidance chapters. Chapter 3 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: [https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/605413/cic-12-1333-community-int erest-companies-guidance-chapter-3.pdf](https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/605413/cic-12-1333-community-interest-companies-guidance-chapter-3.pdf) (дата обращения 01.06.2015).

³ См.: Гришина Я.С. Британская компания общественных интересов (Community Interest Company) как оптимальная модель социального предприятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 188.

уполномоченных органов в сфере благотворительности Англии или Шотландии. В таком случае она теряет благотворительный статус и лишается налоговых льгот. Но при всем этом она может управлять СИС и контролировать бизнес: в этом случае последней компании будет разрешено передавать активы в благотворительную организацию¹. Мотивы и достоинства перерегистрации благотворительных организаций в компании общественных интересов достаточно убедительно рассмотрены Я.С. Гришиной², что исключает необходимость рассмотрения этого вопроса в данном исследовании.

Закон «О компаниях: аудит, исследования и общественные предприятия 2004» предусматривает наличие специального должностного лица, – регулятора, осуществляющего контроль над деятельностью СИС по выполнению указанных выше требований. Данный госслужащий назначается госсекретарем на пятилетний срок и реализует свои полномочия совместно с департаментом по бизнесу и инновациям.

Как производственная организация, компания общественных интересов должна быть сначала зарегистрирована в Управлении по регулированию компаний общественных интересов (The Office of the Regulator of Community Interest Companies – (англ.)). Основатели общества также должны подписать официальный документ, в котором подробно изложены способы достижения «общественных целей»³. Директор несет ответственность за предоставление ежегодных отчетов в контрольно-надзорный орган, подтверждающих, что доступ к услугам, предоставляемым обществом, имеется не только у ограниченной группы населения. В них также содержатся сведения о вознаграждении директоров, объявленных дивидендах и процентах,

¹ См.: Office of the Regulator of Community Interest Companies. Frequently Asked Question // Официальный сайт Управления по регулированию деятельности компаний общественных интересов. URL: <http://qps.ru/VZyK1> (дата обращения 01.06.2015).

² См.: Гришина Я.С. Американский и европейский опыт социального предпринимательства: сравнительно-правовая характеристика. С. 69.

³ См.: Robert, T. Esposito, (2013). Op. cit. P. 676.

выплаченных по любым ограниченным кредитам. В отчете должна содержаться информация о выполнении компанией уставной цели и социально значимых задач¹. Цель нормативного регулирования компании общественных интересов – убедиться в ее соответствии критерию «общественного интереса». Такой подход, безусловно, должен гарантировать прозрачность социальной направленности деятельности СИС.

При регистрации СИС учредитель должен предоставить регистратору заявление о заинтересованности в регистрации. Для определения серьезности намерений претендента учитывают три момента: 1) цели, для которых компания создана; 2) круг мероприятий, в которых компания намерена участвовать; 3) а также какое сообщество будет получать выгоду от этой деятельности. Важно отметить, что существует два вида деятельности, которые не приемлемы для «компании общественных интересов». Во-первых, это политическая агитация или деятельность, направленная на поддержку политических кампаний. Во-вторых, это деятельность, в которой единственными бенефициарами являются члены или сотрудники конкретного органа или работодателя, если отсутствует какая-либо более широкая общественная польза². При регистрации СИС необходимо оплатить регистрационный сбор, стоимость которого в настоящий момент составляет 35£. После регистрации компания получает уникальный номер и обязана подготовить и предоставить документы соответствующему регистратору. Указанный процесс регистрации компании в Великобритании в последующем был реализован в законодательстве Южной Кореи.

На первый взгляд, прослеживается некоторая зависимость компании от регистратора, но это не так. Правительство определило, что регулирующий орган применяет подход «легкого прикосновения» к регулированию.

¹ См.: Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004.

² См.: Community Interest Company // Исследовательская платформа Lexology. URL: <http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=056ec313-1fb9-4ab0-b4c7-127a7e6e148c> (дата обращения 01.06.2015).

Основной его задачей является поощрение развития бренда СИС, оказание ему помощи и поддержание доверия в целом, но при этом обеспечивается самостоятельное развитие. Это отличает СИС от социальных предприятий Южной Кореи, где оказывается более сильное влияние со стороны Правительства на их развитие.

Очень важным инновационным решением законодателя в Великобритании стало не только осуществление контроля за выполнением компаниями их общественно полезных функций и ограничение их ответственности, но и закрепление правового механизма по сдерживанию активов, заключающегося в ограничении распределения прибыли внутри компании. Указанный механизм носит название «запертых средств» или «блокировки активов» (asset lock – (англ.))¹.

«Блокировка активов» – это общий термин, объединяющий все средства, направленные на обеспечение того, чтобы активы, включая любую прибыль или другие «излишки», полученные от ее деятельности, были использованы на благо общества. Передача активов должна удовлетворять определенным требованиям. К примеру, в соответствии с п. 22 раздела 6 Правил о компаниях общественных интересов 2005 года (The Community Interest Company Regulations 2005 – (англ.)), обществу, ответственность участников которого ограничена акциями, разрешено привлекать капитал и распределять дивиденды между акционерами в пределах 35% от общего размера прибыли компании². При этом компании, ответственность участников которых ограничена гарантией, не имеют акционерного капитала, и, следовательно, акционерам не могут выплачивать дивиденды.

¹ См.: Community interest companies: guidance chapters. Chapter 6 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/416360/14-1089-community-interest-companies-chapter-6-the-asset-lock.pdf (дата обращения 01.06.2015).

² См.: The Community Interest Company Regulations 2005 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2005/1788/contents/made> (дата обращения 01.06.2015).

Что касается социальных предприятий, ответственность участников которых ограничена акциями, то они могут выплачивать дивиденды инвесторам со статусом «лица с заблокированными активам». В данном случае размер выплачиваемых дивидендов не имеет границы, но подчиняется ограничениям, которые применяются к обычным компаниям, к примеру, ограничениям по распределению прибыли. Если выплата дивидендов такими компаниями производится инвесторам, не имеющим статус «лица с заблокированными активам», то размер дивидендов подлежит ограничению. Таким образом, установление «верхнего предела выплаты дивидендов» или «крышки на дивиденды» (dividend cap – (англ.)) способствует установлению баланса между интересами СИС и инвесторами. Указанный предел гарантирует, что дивиденды не превышают сумм инвестиций и прибыли, полученных компанией¹. При этом, если «компания общественных интересов» не использует все свои полученные дивиденды в данном финансовом году, все неиспользованные активы можно перенести вперед на срок до пяти лет².

Начиная с 01 октября 2014 года, «верхний предел выплаты дивидендов» должен соответствовать максимальной совокупной единице. Значение данной величины сводится к тому, что 66% прибыли (2/3 прибыли) СИС должны реинвестироваться в компанию или использоваться для социально значимой цели, для которой компания была создана³. Указанный положительный опыт обязательного реинвестирования был также перенят Южной Кореей⁴.

¹ См.: Community interest companies: guidance chapters. Chapter 6.

² См.: Company law solutions. URL: <http://www.communitycompanies.co.uk/community-interest-companies> (дата обращения 01.06.2015).

³ Idem.

⁴ См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. С. 107.

В CIC, существующей как компания, ответственность участников которой ограничена акциями, должна быть введена «крышка на дивиденды» с целью предоставления привлекательной инвестиционной возможности, часто необходимой для стимулирования и поддержания финансовой составляющей организации при ее регистрации, и обеспечения того, чтобы большая часть полученной прибыли применялась в интересах сообщества. В компаниях, ответственность участников которых ограничена акциями, в случае несостоятельности компании, ее члены теряют свои инвестиции. В компаниях, ответственность участников которых ограничена гарантией, ее члены могут потерять номинальную стоимость сумм, которые они согласились выплатить в порядке исполнения обязательств, в случае ее ликвидации или банкротства.

Как показывает практика, наиболее распространенная форма CIC – это публичные компании, уставный капитал которых поделен на определенное количество акций. Например, компания может иметь уставной капитал в 1000 фунтов стерлингов, разделенный на 1000 акций, по 1 £ каждая. После того, как член внес полную номинальную стоимость акции компании, он не несет дополнительной ответственности по обязательствам компании. Если акции являются только частично оплаченными, от члена может потребоваться заплатить сальдо по требованию компании или ликвидатора¹.

Важное место в жизни социальных компаний играет процесс привлечения капитала в компанию и получение льгот. Компании общественных интересов имеют право на гранты и льготные кредиты от Институтов общественно-финансового развития (Community Development Finance Institutions – CDFIs – (англ.)), которые недоступны частному бизнесу. Однако инвесторы могут получить налоговый вычет в размере 5%,

¹ См.: Community interest companies: guidance chapters. Chapter 3 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/605413/cic-12-1333-community-interest-companies-guidance-chapter-3.pdf (дата обращения 01.06.2015).

если будут вкладывать инвестиции в эти институты. Правительство Великобритании ожидает от СИС самофинансирования за счет внутренних инвестиций и доходов от торговли. К ним могут относиться: выпуск акций, ссуды от физических лиц или бизнес сферы, выпуск облигаций¹.

СИС может извлекать выгоду из широкого спектра вариантов кредитования. В литературе приводятся примеры с торговыми доходами, грантами, кредитованием на основе активов, схемами владения акциями сотрудников, начислениями на активы либо посредством ипотеки (плата за основные фонды), либо путем плавающего сбора (плата за колебания базы активов). Существует целый ряд финансовых учреждений, которые стремятся поддерживать СИС. Также существуют инвестиционные фонды, финансируемые Правительством, – Фонд развития капитала и Фонд социального инвестирования (Adventure Capital Fund and Futuresbuilders – (англ.)), а также финансовые институты развития сообществ, которые являются известными сторонниками СИС. Компании общественных интересов участвуют в различных социальных сферах, включая предоставление социальных и персональных услуг: образования, здравоохранения, социальной работы, а также получают доход от использования недвижимости (включая ее аренду). Дополнительные сферы, которые влияют на развитие социальных предприятий, включают в себя оптовую торговлю, розничную торговлю, финансовое посредничество, гостиничный и ресторанный бизнес, предоставление социального жилья².

Несмотря на положительную роль в развитии социального предпринимательства, СИС имеет ряд недостатков:

¹ См.: Social Entrepreneurs // Официальный сайт организации по поддержке социального предпринимательства в Великобритании. URL: <https://unltd.org.uk/> (дата обращения 01.06.2015).

² См.: Galera, G., Borzaga, C. Social enterprise: An international overview of its conceptual evolution and legal implementation. P. 14.

1) большой документооборот – ведение реестров, ежегодная декларация, информирование регистратора о любых изменениях в деятельности предприятий;

2) личная ответственность членов руководящего органа – в случае, если они действуют вне пределов полномочий, они могут привлекаться к ответственности в виде штрафов;

3) высокое налогообложение – налоги на прибыль, гербовый сбор; отсутствие возможности обязательного снижения налоговой ставки;

4) финансовые фонды не всегда имеют желание финансировать СИС.

Как указывают эксперты, самым существенным недостатком британской СИС, по сравнению с итальянскими кооперативами, является отсутствие налоговых льгот (справедливости ради отметим, что отсутствие налоговых льгот компенсируется серьезным финансированием из Правительственного инвестиционного фонда)¹.

Указанные компании обязаны платить налог на доход и налог на добавленную стоимость, впрочем, как и другие организации в Соединенном Королевстве. Чтобы компенсировать эту потерю потенциального дохода, СИС может изыскивать средства из инвестиционного фонда Правительства или из национального лотерейного фонда².

С другой стороны, налоговая политика государства заставляет СИС заниматься коммерческой деятельностью. Это типичная гибридная социально-предпринимательская организация «общественной пользы». Промежуточное положение СИС, между традиционными коммерческими и некоммерческими организациями, несмотря на то что британское законодательство относит их к организациям Третьего сектора, позволяет ее

¹ См.: Doeringer, M.F. *Fostering Social Enterprise: A Historical and International Analysis* (January 8, 2010). P. 313. URL: <http://qps.ru/r1lj2> (дата обращения 01.06.2015).

² Idem.

владельцам вести деятельность как на благо общества, так и на личное благо. Дихотомия уставных целей является их важным преимуществом¹.

Таким образом, в отличие от социальных кооперативов континентальной Европы, компании общественных интересов Соединенного Королевства объясняют значение социальных предприятий с точки зрения смешанных ценностей. С 2004 года компании общественных интересов развиваются быстрее, чем любые другие социальные предприятия Европы. Спустя менее чем два года после их появления, в Соединенном Королевстве насчитывалось уже более 100 подобных компаний. На апрель 2012 года в стране было зарегистрировано 6400 компаний общественных интересов, что в два раза превышало их ожидаемое количество. На сегодняшний день зарегистрировано 10897 CIC². Ускоренный рост числа компаний во многом объясняется тем, что они могут функционировать в любом секторе экономики. Компании успешно развиваются в сфере экологии, сельского хозяйства, дошкольного воспитания и в промышленном секторе.

Британский правоприменительный опыт легализации субъекта социального предпринимательства заслуженно высоко оценен в Канаде, где в июле 2013 года приняты поправки к Закону о коммерческих корпорациях, позволяющие регистрировать Community Contribution Company – C3 (компанию, действующую в интересах общества). C3 — это статус субъекта социального предпринимательства. Правовое положение канадской компании C3 аналогично британской CIC, — блокируются активы, ограничивается выплата дивидендов участникам, устанавливается

¹ См.: Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы. С. 117.

² См.: Statistics Community Interest Companies registered in May 2015 // Официальный сайт Правительства Великобритании. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/431086/companyListMonthly_May2015.csv/preview (дата обращения 01.06.2015).

обязанность реинвестирования 2/3 прибыли в интересах общества и т.п.¹. Последний критерий представляется особенно привлекательным.

Отдел социального предпринимательства, созданный в мае 2006 года при «Департаменте третьего сектора» (The Office of the Third Sector – OTS) Кабинета министров Великобритании, достаточно широко дает определение субъекта социального предпринимательства (социального предприятия)². Эта организация с преимущественно социальными целями реинвестирует часть прибыли в «общественных интересах», что отличает ее от компаний, целью которых является максимизация прибыли в пользу своих акционеров. Критерий «общественного интереса» также сформулирован пространно и представляет собой принцип: «считает ли разумный человек, что деятельность компании способствует благополучию общества»³. Вместе с тем, все компенсируется императивным требованием об ограничении в распределении прибыли⁴. Представляется вполне логичным, что если требование об обязательном реинвестировании в «общественных интересах» двух третей прибыли выполняется, то это действительно избавляет от необходимости законодательного определения видов социально-предпринимательской деятельности, как это предполагается в итальянском законодательстве, раскрывающем понятие «общественная полезность».

В связи с новым этапом развития социального предпринимательства в России, изучение западного опыта построения социального государства может служить верным шагом в данном направлении. Социально-предпринимательский опыт Великобритании представляет особый интерес, так как компания общественных интересов представляет собой

¹ См.: Канадский закон // Портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство. URL: <http://www.nb-forum.ru/news/zakon-canada.html> (дата обращения 25.07.2016).

² См.: Социализация предпринимательства на примере Великобритании и США // НП «Московский центр развития предпринимательства», 2008. URL: <http://qps.ru/Nq2g7> (дата обращения 25.07.2016).

³ См.: The Community Interest Company Regulations 2005.

⁴ См.: Robert, T. Esposito, (2013). Op. cit. P. 677.

универсальную конструкцию, позволяющую заниматься коммерческой деятельностью, эффективно решая при этом и социальные проблемы. А система «запертых средств» позволяет сделать ее наиболее успешной и оптимальной в области социального предпринимательства. Некоторые эксперты полагают, что именно британский опыт должен быть положен в основу формирования оптимальной российской модели социального предприятия¹. По мнению Я.С. Гришиной, «возникновение привлекательной для бизнеса и некоммерческого сектора компании общественных интересов следует рассматривать как правовую инновацию, способную оптимально удовлетворить социально-имущественные потребности граждан»².

Среди достоинств СИС можно выделить: ее гибкую структуру, востребованную и привлекательную для среднего и крупного бизнеса. При этом указанную организационно-правовую форму могут использовать благотворительные организации, что также можно отнести к правовой новации. СИС дает возможность осуществлять предпринимательскую деятельность в общественных интересах и при этом проводить контроль создаваемых структур. К тому же при всех своих достоинствах компания общественных интересов является достаточно рентабельной, что позволяет ей привлекать высококвалифицированные кадры с высокой заработной платой, которые справляются с решением социальных проблем в обществе³.

СИС представляет собой наиболее универсальную форму социального предпринимательства, поскольку позволяет расширять доступ к капиталу, необходимому для удовлетворения потребностей организации и ее членов. СИС также является привлекательной для социально мотивированных

¹ См.: Гришина Я.С. Британская компания общественных интересов (Community Interest Company) как оптимальная модель социального предприятия. С. 187.

² Гришина Я.С. Публично-правовые средства обеспечения социально-имущественных потребностей в механизме правового регулирования социального предпринимательства. С. 163.

³ См.: Гришина Я.С. Британская компания общественных интересов (Community Interest Company) как оптимальная модель социального предприятия. С. 189-190.

инвесторов, которые предоставляют средства на решение социальных проблем с одновременным получением финансовых выгод, хотя и на условиях невысоких доходов и длительного срока возврата¹. Данная организация является гибридной, включает черты как коммерческой, так и некоммерческой организации, что способствует реализации интересов обоих секторов и позволяет решать не только общественные вопросы, но и извлекать для себя прибыль.

Ввиду успешной деятельности британской модели социального предприятия представляется целесообразным предусмотреть подготовку специального законопроекта в сфере социального предпринимательства в части указания обязательных четких критериев корпораций, которым может быть предоставлен статус социальных. Данное нововведение позволит предопределить добросовестность будущей отечественной модели социально ориентированного предприятия. А также направить вектор социального развития страны по пути создания аналогичной системы «запертых средств», которая снизит риск появления недобросовестных предпринимателей с социально-направленной деятельностью и не позволит им отходить от уставных целей.

Таким образом, важно отметить, что организационно-правовой формой социально-предпринимательской организации общественных интересов признается британская компания, модель которой легализована в ряде американских и азиатских стран. Достоинства статуса компании общественных интересов заключаются в том, что его может приобрести практически любое хозяйственное общество, закрепившее в уставе в качестве основного вида деятельности оказание социально значимых (общественно полезных) услуг, а также в обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы. Жесткий публичный контроль,

¹ См.: Васильчук И.П. Социальные предприятия: особенности организационно-правового устройства и финансирования // Бізнесінформ. 2014. № 8. С. 62.

состоящий из системы правовых запретов: «крышки на дивиденды» (dividend cap), «запертых средств» (asset lock), способствует установлению баланса между общественными и частными интересами. Гибкое корпоративное управление и контроль (в органах управления коллегиально взаимодействуют представители инвесторов, потребителей социально-значимых услуг, местного самоуправления) позволяют эффективно оценить качество услуг и степень общественной пользы.

2.4. Правовое положение субъектов социального предпринимательства в Южной Корее: критерии статуса и условия его государственной сертификации и поддержки

В настоящий момент социально-экономический кризис затронул не только европейские страны, но и страны Восточной Азии. Воодушевившись опытом Европы и США, азиатские страны пытаются найти рациональное решение назревших социальных проблем в своем регионе. Одним из антикризисных инструментов, позволяющим преодолеть указанные трудности, является социальное предпринимательство. Однако, несмотря на определенный интерес к социальному предпринимательству в таких странах, как Гонконг, Китай, Сингапур, Тайвань и Япония, единственной страной в Восточной Азии, легализовавшей понятие субъекта социального предпринимательства посредством закрепления статуса «социальное предприятие» на законодательном уровне, является Южная Корея¹.

Южная Корея ориентирована на формирование социального государства. В статье 34 Конституции Южной Кореи четко закреплено, что все граждане имеют право на условия жизни, достойные человека, а государство обязуется прилагать все усилия по обеспечению их социальной защиты и благосостояния. В целях реализации своих конституционных обязательств перед народом, Правительство Южной Кореи одним из направлений социальной политики выбрало создание эффективной, основы для поддержки социальных предприятий – финансовой и нормативной², аналогов которой не существует во многих странах мира.

¹ См.: Bidet, E., Eum, H. S., (2011). Social enterprise in South Korea: History and diversity // Social Enterprise Journal. Vol. 7. № 1. P. 70. URL: http://orbi.ulg.ac.be/bitstream/2268/118365/1/Bidet_Eum_2011_Social_enterprise%20in%20South%20Korea_orbi.pdf (дата обращения 17.03.2017).

² См.: Kim, Y. D. and Yoon, S., (2012). Current status and policy implications for fostering social entrepreneur // American Journal of Economics and Business Administration. Vol. 4. № 3.

Социальная политика поддержки социального предпринимательства в рассматриваемой стране достаточно эффективна. В Южной Корее до 2014 года насчитывалось более 1100 сертифицированных социальных предприятий, к 2017 году их количество увеличилось до 3000¹. Их вклад в экономическое развитие страны не оспаривается. Согласно ежегодному рейтингу агентства «Bloomberg», Южная Корея занимает первое место среди пятидесяти самых инновационных стран мира, чему не мало способствуют социальные предприятия². На такой экономический рост повлияли многие исторические факты.

Так, в конце 1980-х годов в Корее наступил экономический кризис, создавший беспрецедентную массовую безработицу в стране. Позднее, в период 1997-1998 годов, последовал Азиатский финансовый кризис, также сопровождавшийся огромной безработицей (1,5 млн человек): 10 тыс. человек ежедневно лишались источников существования, 58 тыс. компаний, особенно мелких и средних, разорились³. В 1999 году начинается реализация стратегии по созданию «самообеспечивающихся организаций», являющихся прототипом современных социальных предприятий. Этот период в истории Южной Кореи принято называть неолиберальным⁴. В этом же году принимается Закон «О социальном обеспечении», в рамках которого были предприняты попытки реализовать программу по социальным пособиям и трудоустройству безработных. При этом процесс трудоустройства таких лиц

P. 156. URL: <http://thescipub.com/PDF/ajebasp.2012.155.165.pdf> (дата обращения 17.03.2017).

¹ См.: Shang Liang, (2016). The Development of Social Enterprises in a Developmental State // International Journal of Social Science and Humanity. Vol. 6. № 10. P. 777. URL: <http://www.ijssh.org/vol6/747-CH413.pdf> (дата обращения 17.03.2017).

² См.: These Are the World's Most Innovative Economies // Официальный сайт агентства Блумберг. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-17/sweden-gains-south-korea-reigns-as-world-s-most-innovative-economies> (дата обращения 06.04.2017).

³ См.: Сидельников М. Южная Корея: десять лет спустя страна на пороге нового кризиса // rodon.org: информ.-справочный портал. URL: <http://www.rodon.org/polit-081015111540> (дата обращения 06.04.2017).

⁴ См.: Shang Liang. (2016). Op. cit. P. 775.

возлагался на частные и добровольческие организации. Стратегия государства сводилась к возложению социальных функций на частный сектор. Правительство корейского государства всеобщего благосостояния стремилось свести к минимуму свое участие в финансировании в области социальной сферы.

В 2003 году начинают возникать новые социальные проблемы, такие как старение общества и снижение рождаемости. В этой связи встал вопрос о формировании долгосрочных правительственных программ преодоления безработицы и создания сервисов социальных услуг. Критической проблемой политики также был быстрый рост числа пожилых лиц, уменьшение рождаемости, расширение участия женщин в рабочем процессе. Дилемма Правительства заключалась в том, чтобы долгосрочно побороть безработицу и реализовать социальное обеспечение.

В 2003 году Правительство Южной Кореи издает программу «социального рабочего места» как способ решения двойной проблемы: безработицы и социального обслуживания граждан страны. Программа опиралась на некоммерческие частные организации для создания рабочих мест путем расширения сферы предоставления услуг тем, кто не может заказать услуги или не получает государственные услуги от Правительства. Таким образом, Правительство Кореи выступило политической фигурой, ориентированной на бизнес¹. Именно череда экономических кризисов вызвала в Южной Корее ориентацию на социальное предпринимательство и смену акцентов в стратегии по государственному благосостоянию².

¹ См.: Lim, H., (2009). Democratization and the transformation process in East Asian developmental states: Financial reform in Korea and Taiwan. Asian Perspective. P. 9. URL: <https://qps.ru/pMir7> (дата обращения 15.05.2017).

² См.: Kwon Soonman, (2001). Economic Crisis and Social Policy Reform in Korea // International Journal of Social Welfare 10. P. 97. URL: [http://unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/15486FE63B4B04A6C1256C77004B02F1/\\$file/kwo2long.pdf](http://unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/15486FE63B4B04A6C1256C77004B02F1/$file/kwo2long.pdf) (дата обращения 15.05.2017).

Развитие законодательства в сфере социального предпринимательства в Южной Корее прошло следующие этапы своего становления: январь 2007 года – принятие Закона о развитии социального предпринимательства; декабрь 2010 года – создание при Министерстве труда агентства по поддержке социального предпринимательства; июнь 2011 – проведение первого съезда социальных предпринимателей; апрель 2013 – учреждение национального агентства по поддержке социального предпринимательства.

Первым важным шагом на пути к формированию социальной экономики в Южной Корее послужило принятие 3 января 2007 года Закона «О развитии социального предпринимательства»¹. Развитие данного сектора в стране и решение социальных проблем было бы невозможным без создания самостоятельного специального закона. Другим, не менее важным нормативным правовым актом в указанной сфере, является Постановление о реализации Закона «О развитии социального предпринимательства», утвержденное Указом Президента в июле 2007 года, которое детализирует и конкретизирует положения самого закона².

В статье 1 указанного Закона определена его цель – оказание содействия социальной интеграции лиц и улучшение качества жизни граждан, путем расширения социальных услуг, которыми недостаточно обеспечены лица в обществе, и путем создания новых рабочих мест на социальных предприятиях, а также их дальнейшее продвижение. Поддержка

¹ См.: Social Enterprise Promotion act 03.01.2007 (Закон о развитии социального предпринимательства) // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL: http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng;jsessionid=1CCeUcprlMjfwEKQrFEImRYSg1bkIIhA4vn5joclJay8114X6aavvE3lxohnm1Nw.moleg_a2_servlet_engine2?pstSeq=57937&pageIndex=7 (дата обращения 15.04.2017).

² См.: Enforcement decree of the social enterprise promotion act (Постановление о реализации Закона о развитии социального предпринимательства) // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL: http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng;jsessionid=1Nt1NAb0Aq1f4LcoAMM2ZUZMA0V1N25AGtfPIDGSqczeb6PK9DNo1QUAVkmbK1wj.moleg_a2_servlet_engine2?pstSeq=57938&brdSeq=33&pageIndex=7 (дата обращения 15.04.2017).

социального предпринимательства в Корею способствует повышению конкурентоспособности малых и средних предприятий, а также обеспечению занятости, через содействие сбалансированному развитию национальной экономики¹. В этой нацеленности идеологии социального предпринимательства на запланированный результат прослеживается влияние европейского правоприменительного опыта.

Согласно законодательному определению, южнокорейское социальное предприятие представляет собой организацию, занимающуюся деятельностью по производству и продаже товаров и оказанию социальных услуг незащищенным слоям населения, преследующую цель повышения качества жизни местных жителей, либо создающую рабочие места для таких категорий населения, при условии прохождения процедуры сертификации. Указанные предприятия должны преследовать хотя бы одну из следующих целей: создание рабочих мест либо оказание социальных услуг. Министерство труда вправе присвоить статус «социальная услуга» в индивидуальном порядке, даже если социально значимая деятельность не соответствует легальным критериям².

Хотя Закон «О развитии социального предпринимательства» требует от социальных предприятий предоставления социальных услуг и рабочих мест для обездоленных лиц, государственные органы также обращают внимание на необходимость получения прибыли социальными предприятиями. Эти два разнородных требования создают напряженность, поскольку трудно получить прибыль и в то же время предоставлять обездоленным группам людей услуги и товары. Аналогичным образом, социальное предприятие

¹ См.: Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14 // social-idea.ru: банк социальных идей. 2017. URL: <http://www.social-idea.ru/monthlyNews/Kratkij-obzor-opyht-podderzhki-i-razvitiya-social-nogo-predprinimatel-stva-v-respublike-Koreya-EZHEMESYACHNYH-OBZOR-2-14> (дата обращения 15.04.2017).

² См.: Гришина Я.С. О поддержке субъектов малого и среднего бизнеса в области социального предпринимательства: мнение эксперта о достоинствах и недостатках законопроекта. С. 72.

редко предоставляет социальные услуги, если в основном фокусируется на получении прибыли. Для достижения этих двух целей большинство социальных предприятий одновременно предоставляют социальные услуги, как для широкой общественности, так и для людей, находящихся в неблагоприятном положении¹.

Согласно классификации Агентства по продвижению социального предпринимательства KoSEA (Kore Social Enterprise Promotion Agency – (англ.)), в Южной Корее есть пять типов социальных предприятий: предприятия по созданию рабочих мест, по обслуживанию социально незащищенных категорий граждан, по развитию местных сообществ, смешанные, другие². Вместе с тем представляется, что основной акцент политики социального предпринимательства сделан на создание рабочих мест для незащищенных групп населения. 60% сертифицированных социальных предприятий ориентированы на создание рабочих мест и оказание социальных услуг. Указанные два типа предприятий ориентированы на пожилых людей, людей с ограниченными физическими возможностями, женщин, прервавших карьеру, беженцев из Северной Кореи³.

Многие эксперты отмечают ограниченность политики приоритетного развития программ по созданию рабочих мест. Более 50% работников на социальных предприятиях – это люди из незащищенных слоев населения. Социальные предприятия проводят обучение работников и предлагают им достойную работу. Однако сферы деятельности, в которых могут быть задействованы работники из незащищенных слоев населения, очень

¹ См.: Kyungsik Irene Shim. Social Enterprise as a transformative engine for urban communities: Korea as a case study // Sixth Urban Research and Knowledge Symposium 2012. P. 9. URL: <https://qps.ru/5XU9m> (дата обращения 15.04.2017).

² См.: Опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Южной Корее. Grand Prix // Официальный сайт союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/f/3/f3ec4871ec6a01defec3483dd76fd416.pdf> (дата обращения 15.04.2017).

³ Там же.

ограничены. И в этой ситуации, когда предприятия вынуждены и обучать, и обеспечивать своих сотрудников работой, очень трудно достигать финансовой эффективности без государственной поддержки¹.

Что касается занятости, социальные предприятия стремятся нанимать безработных людей и обучать их, в то время как Правительство и частные фирмы могут предоставлять только временные рабочие места для обездоленных групп, таких как бедные и инвалиды². При этом в корейском социальном предприятии могут быть задействованы самозанятые семейные работники, труд которых не оплачивается (лица, работающие в семейном бизнесе без выплаты официальной заработной платы). Указанные работники составляют около 30% от общего количества занятых в Южной Корее лиц³.

Общим критерием для любой социальной цели является требование, чтобы доход от предпринимательской деятельности организации-претендента превышал 30% от размера выплачиваемой заработной платы.

Для предприятия с первой целью – трудоустройство социально незащищенных граждан важно, чтобы количество социально обездоленных работников было не менее 50% от общего числа работников. Для предприятий со второй целью – оказание услуг социально незащищенным гражданам – объем оказываемых социальных услуг должен составлять более 60% от всех видов оказываемых услуг. В смешенном типе предприятие должно обеспечить работой и предоставить услуги 30% социально незащищенных лиц. Здесь также прослеживается влияние итальянского законодательства, проступают контуры конструкций кооперативов типов «А» и «В» и «А+В».

¹ Там же.

² См.: Kyujin Jung, Hee Soun Jang, Inseok Seo. Government-driven social enterprises in South Korea: lessons from the Social Enterprise Promotion Program in the Seoul Metropolitan Government. P. 5. URL: <https://qps.ru/CtJuP> (дата обращения 15.04.2017).

³ См.: Bidet Eric. Social enterprise in South Korea: history and diversity. P. 72. URL: http://orbi.ulg.ac.be/bitstream/2268/118365/1/Bidet_Eum_2011_Social_enterprise%20in%20South%20Korea_orbi.pdf (дата обращения 15.04.2017).

При этом в статье 2 Закона указывается, что «незащищенные слои населения» (обездоленные) – это класс людей, которые испытывают трудности с приобретением социальных услуг и нуждаются в их рыночной цене или в работе в обычных условиях на рынке труда. Но данное определение по сути бланкетное и квалифицирующих признаков данной правовой категории не дает. Конкретизацию указанное положение находит в статье 2 Постановления о реализации Закона. Согласно данной статье, к такой категории людей относятся: а) лица, среднемесячный доход которых составляет 60% общенационального среднемесячного дохода семьи или меньше; б) пожилые лица, поименованные в Законе «О содействии занятости пожилого человека»; в) инвалиды, в соответствии с Законом «О занятости, пропаганде и профессиональной реабилитации инвалидов»; г) жертвы сексуальной торговли, которые указаны в Законе «О предотвращении сексуального трафика и защиты от него»; д) иные лица, в том числе долговременные безработные, признанные в качестве обездоленных Министром труда.

Таким образом, законодательство Кореи дает перечень конкретных групп людей, которые относятся к категории «обездоленные». Аналогичный подход также был отмечен и в юрисдикции Италии. В отечественном законодательстве отсутствуют подобные системообразующие признаки «социального предпринимательства», что существенно замедляет темпы развития данного института в нашем государстве. Для развития социального предпринимательства в политике любой страны должны быть четко поставлены задачи и определен предмет такой деятельности. Поэтому первым важным шагом в Российской Федерации на пути социализации законодательства должно быть нормативное закрепление категорий людей, нуждающихся в социальной интеграции. Южная Корея, конкретизировав перечень таких лиц, встала на верный путь поддержки и обеспечения социально-предпринимательской деятельности.

Законодатель также верно пошел по пути сертификации социальных предприятий. Без жесткого контроля Правительства, выраженного в проведении сертификации, невозможно определить выполнение социальных целей. Такой ведомственный контроль способствует устранению теневых предприятий, лишь внешне выполняющих поставленные императивы. Для того чтобы обеспечить сертификацию предприятий, Правительство Южной Кореи разработало специальные требования к сертификации социальных предприятий, которые нашли отражение в статье 8 Закона. Согласно указанной статье, для успешного прохождения сертификации предприятие должно удовлетворять следующим требованиям: 1) должно иметь одну из следующих организационно-правовых форм: корпорация, ассоциация, коммерческая или некоммерческая частная организация; 2) должно привлекать наемных работников и вести бизнес в таких видах деятельности, как производство и реализация товаров и услуг в социальной сфере (социальное обслуживание). Статья 3 Постановления раскрывает виды социального обслуживания: уход за детьми, искусство, туризм и спортивное обслуживание, охрана лесов, помощь в организации сестринского дела и т.д.; 3) основной целью организации должно быть повышение качества жизни местных жителей, а также предоставление уязвимым группам граждан социальных услуг или рабочих мест; 4) в принятии решений должны принимать участие как руководство предприятия, так и работники; 5) доходы от осуществляемой деятельности должны соответствовать или превышать нормы, предусмотренные соответствующим Указом Президента; 6) должно иметь учредительные документы в соответствии со статьей 9 Закона; 7) должно тратить 2/3 распределяемой прибыли за год на социальные цели; 8) должно удовлетворять другим требованиям в случае оперативных указаний. Очевидно, что в подходе к сертификации южнокорейских социальных предприятий прослеживаются элементы американского и британского опыта.

Важным правовым средством, направленным на сохранение и развитие социальных предприятий в Южной Корее, является обязанность пожертвования своих активов в случае ликвидации другому социальному предприятию в размере 2/3 от оставшегося имущества.

Успешными примерами сертифицированных социальных предприятий в Южной Корее могут быть: «Beautiful Store» (англ.) – сеть из 120 благотворительных и перерабатывающих магазинов в 16 различных городах в Корее, которая использует наемных работников, находящихся в трудной жизненной ситуации, наркозависимых и алкозависимых, и распределяет полученную прибыль от продажи товаров по благотворительным организациям. Это один из примеров тех предприятий, которые преследуют социальную цель – трудовую интеграцию¹. Другим примером является «The Test Kitchen» (англ.) – производитель органических крекеров, который нанимает на работу исключительно пожилых людей². Другим интересным примером социального предприятия, служащего «повышению качества жизни местных жителей», является компания «Dr Noah» (англ.), производящая зубные щетки, сделанные из бамбука, выращенного во Вьетнаме. Она обеспечивает доход для бамбуковых фермеров, поставляет дешевые зубные щетки для социально незащищенных групп граждан и уменьшает использование неэкологичного пластика³.

Статус «социального предприятия», гарантирующий право на государственную поддержку, в Южной Корее может быть присвоен любой из социально ориентированных организаций, вне зависимости от ее

¹ См.: Сайт сети магазинов Кореи «Beautiful Store». URL: <http://eng.beautifulstore.org/> (дата обращения 15.04.2017).

² См.: Сайт сети производителей «The Test Kitchen». URL: <http://thetestkitchen.co.kr/> (дата обращения 15.04.2017).

³ См.: «Dr Noah» [Презентационный ролик про значение зубных щеток компании «Dr Noah»] 2015 // Видео хостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ky7v8aJiBXQ> (дата обращения 15.04.2017).

организационно-правовой формы¹. Данный подход и сегодня в целом сохранил такую же тенденцию. Вместе с тем, хотя система сертификации демонстрирует твердую приверженность Правительства Южной Кореи к поддержке социальных предприятий, она также имеет некоторые неблагоприятные последствия. Многие социальные предприятия отмечают, что система сертификации наносит ущерб их устойчивости путем прямого субсидирования их расходов на персонал. Действительно, некоторые социальные предприятия сталкиваются с трудностями в продолжении своего бизнеса после окончания трехлетней программы субсидирования заработной платы. По официальным данным, начиная с 2007 года, прекратило свое существование 131 сертифицированное социальное предприятие. В связи с этим, Правительство переключилось на оказание поддержки социальным предприятиям, находящимся в меньшей зависимости от правительственных субсидий, более финансово устойчивым и более конкурентоспособным частным корпорациям².

После вступления в силу в декабре 2012 года Закона «О кооперативах» (Korean Co-operative Fundamental law – (англ.)) в Южной Корее стремительно появляются социальные кооперативы. Это позволило ожидать восстановления общества, находящегося под грузом индустриализации, и оживления добровольного сотрудничества людей через группы взаимопомощи³. Однако социальный кооператив в Южной Корее – это не статус субъекта социального предпринимательства, как в Италии, а разновидность кооператива.

¹ См.: Кицай Ю.А. Особенности правового положения социальных корпоративных организация в Азии: социально-предпринимательский аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 199.

² См.: Ecosystem for supporting social business in South Korea // Сайт многостороннего инвестиционного фонда «Fomin». URL: <https://qps.ru/QqhzU> (дата обращения 05.04.2017).

³ См.: Опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Южной Корее. Grand Prix.

В корейском социальном кооперативе, как и итальянском, помимо добровольцев обязательно должны быть оплачиваемые работники. Это вполне закономерно, так как без указанного требования невозможно создать дополнительные рабочие места. Согласно корейскому законодательству, существуют два типа кооперативов: общие и социальные. Социальные кооперативы действуют как некоммерческие организации, в которых 40% социального кооперативного бизнеса должно быть для «общественного блага». Социальные кооперативы – это бизнес-структура, в которой работники (рабочие) организации также являются ее собственниками (в отличие от внешних акционеров для акционерных корпораций Южной Кореи). По своей структуре они напоминают наши потребительские кооперативы (ст. 116 ГК РФ).

В социальных предприятиях прослеживается слабая независимость от государства. Несмотря на то что Правительство оказывает существенную помощь таким предприятиям, оно также преследует цель развития бизнес-устойчивых социальных предприятий, чтобы они действовали по принципу самодостаточности и самоокупаемости, что впоследствии должно исключить какую-либо поддержку. Акцент на предпринимательский уклон социальных предприятий был замечен еще в результате первого процесса утверждения организаций-претендентов в 2007 году, где из 113 компаний-заявителей одобрено было только 36¹.

Что касается процесса организации и реализации средств поддержки, то Министр труда и занятости может предоставить профессиональные консультации в области управления бизнесом, технологий, налогообложения, трудовой организации деятельности, бухгалтерского учета и т.д., то есть все те умения и навыки, которые могут потребоваться для учреждения и функционирования социального предприятия. Указанные функции Министр

¹ См.: Cho Youngbok. The Result of the First Approval Process of Social Enterprises and Future Task. Labor Review 2007. P. 56.

труда и занятости может поручить учреждениям или частным организациям, финансируемым Правительством (статья 9–10 Закона).

Финансовая поддержка социальных предприятий подразделяется на поддержку для создания предприятий и поддержку, осуществляемую во время их деятельности. Согласно аналитическим данным, примерно 70% прибыли корейское социальное предприятие получает от деловой активности, остальная часть — это правительственная поддержка. Это контрастирует с британскими компаниями общественных интересов, в которых прибыль от предпринимательской деятельности составляет не менее 86%¹.

Важную роль в развитии социального предпринимательства также играют субсидии. В Южной Корее местное Правительство может предоставить субсидии или займы на покупку земли, затраты на оборудование или на аренду государственных земель, которые могут потребоваться для создания и функционирования социальных предприятий. Государственные учреждения на основании Закона «О содействии развитию малых и средних предприятий» могут способствовать преимущественной покупке товаров и услуг, произведенных социальными предприятиями (статья 12 Закона).

Для уже созданных предприятий государство и органы местного самоуправления могут предоставить сокращение налоговых ставок или освободить от национальных или местных налогов в соответствии с условиями, предусмотренными Законом «О корпоративном налоге», а также другими законами. Государство также может предусмотреть страховые премии в качестве компенсации от несчастных случаев на производстве. Правительство Южной Кореи расходует средства по стимулированию социального бизнеса в нескольких направлениях. Начинаящим

¹ См.: Lee K. Overview of Korean Urbanization in the 1990s // The Journal of Korean Urban Geography. № 3. 2000. P. 5.

предпринимателям предоставляются льготные кредиты сроком на 8 лет с процентной ставкой на 2,5% – 3% ниже официальной банковской¹.

Не менее важным средством поддержки социального предпринимательства является «ассоциированное предприятие», то есть предприятие, которое оказывает различные виды помощи социальным предприятиям, такие как финансовая и деловая. Указанные предприятия также могут быть освобождены от национальных или местных налогов в соответствии с условиями, предусмотренными Законом «О корпоративном налоге», с целью проявления заинтересованности в их развитии.

Указанные ассоциированные предприятия, а также специально учреждённое агентство по содействию социальным предприятиям, играют важную роль в развитии указанного сектора. Их уставные цели и задачи оказывают немалое влияние на рост социальных предприятий. Действительно, само государство не в силах своими административными методами оказывать существенное влияние на развитие социальных предприятий. Частные коммерческие и некоммерческие организации, обладая существенным опытом и стремлением, также могут оказать существенное воздействие на развитие социального предпринимательства. В совокупности с такими организациями государство сможет быстрее разрешить назревшие социальные проблемы.

Соответственно, Закон «О развитии социального предпринимательства» предусматривает несколько программ поддержки социальных предпринимателей, отвечающих критериям «социального предприятия», включая покрытие расходов на заработные платы в течение двух лет, субсидии на развитие бизнеса, консультирование предприятий, принимающих на работу людей из незащищённых слоев населения. Подобные правительственные программы поддержки приводят к быстрому

¹ См.: Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14.

количественному росту социальных предприятий и рабочих мест для незащищенных групп населения в стране¹. Государство вводит также правовые стимулы для социальных предприятий, участвующих в социальных заказах для государственных нужд. В соответствии с планом развития социального предпринимательства на 2013–2017, Правительство Кореи запланировало потратить более 1 млрд. вон на государственные закупки у социальных предприятий². В отличие от стран Европы, исследуемая азиатская модель социального предпринимательства помимо средств поддержки также предусматривает меры ответственности за неследование выбранной предприятием цели. К таким мерам Закон относит аннулирование сертификации, применение штрафов и т.д.

Таким образом, ключевая роль в развитии социального предпринимательства в Южной Корее, как и в Европе, отводится Правительству, которое разрабатывает и реализовывает экономическую политику, используя ресурсы для достижения своих целей³. После утверждения предприятий Правительство предлагает финансовые субсидии на начальный капитал и различные налоговые льготы. Только те социальные предприятия, которые Правительство утвердило и сертифицировало, могут использовать в своем наименовании словосочетание «социальное предприятие». Среди отличительных черт модели социального предприятия Южной Кореи можно выделить: 1) сильную зависимость от политики Правительства, которое сохраняет возможность вмешательства в деятельность социальных предприятий⁴; 2) предпосылкой для его создания

¹ См.: Опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Южной Корее. Grand Prix.

² См.: Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14.

³ См.: Shang Liang. (2016). Op. cit. P. 775.

⁴ См.: Stubbs, R. (2009). What ever happened to the East Asian developmental state? The unfolding debate. The Pacific Review. Vol. 22. № 1. P. 15.

послужило не гражданское общество, а Правительство страны¹; 3) социальные предприятия выступают в качестве инструмента политики государства.

Социальное предпринимательство в Южной Корее не только изменило способ реагирования организаций гражданского общества на социальные проблемы, но и послужило поводом для традиционных организаций социальной экономики к сотрудничеству с гражданским обществом. Иными словами, социальное предпринимательство оказалось адекватным средством для социальных движений в изменившемся контексте и дало возможность воссоздать гражданское общество в качестве Третьего сектора.

Социальные предприятия имеют большое значение во многих отношениях. Во-первых, социальные предприятия участвуют в тех областях рынка, где традиционные предприятия не хотят участвовать, и в процессе даже получают прибыль. Во-вторых, они предоставляют людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, возможность участвовать в экономике не только в качестве части рынка труда, но и в качестве более широкого общества. В-третьих, социальные предприятия предлагают новые решения социальных проблем через коммерческий бизнес. В-четвертых, социальные предприятия могут более эффективно предоставлять высококачественные социальные услуги. Наконец, социальные предприятия приносят этические модели потребления в конкурентное общество.

В условиях развития социального законодательства в нашей стране изучение уникального южнокорейского опыта в социальной сфере является, бесспорно, ценным и необходимым. Более того, в России, к сожалению, на законодательном уровне отсутствует закрепление форм и средств поддержки подобных предприятий, что не может негативно не сказываться на развитии

¹ См.: Defourny, J., Nyssens, M. (2010). Op. Cit. P. 10.

государственно-частного партнерства в социальной сфере¹. С учетом приведенного зарубежного опыта, считаем возможным предусмотреть в Российской Федерации специальные механизмы по поддержке и развитию социального предпринимательства.

Представляется, что в Южной Корее, в первую очередь, использован опыт Великобритании по осуществлению предпринимательской деятельности в форме «компаний общественных интересов» (СІС), на что указывает необходимость реинвестирования 2/3 прибыли на решение социальных проблем. Также заметен американский опыт сертификации социальных корпораций и европейский опыт социальных кооперативов, что существенно поспособствовало достижению заметных результатов в развитии социальной экономики в короткий срок. Однако в Южной Корее, в отличие от Великобритании, критерии социального предприятия более конкретизированы². В данном контексте верно отмечено Я.С. Гришиной, что южнокорейская модель социального предпринимательства, впитавшая в себя достоинства многих других моделей, будет более полезна при формировании российского социального предпринимательства³.

Таким образом, важным достоинством южнокорейского подхода, интегрировавшего в долгосрочную государственную программу поддержки социального предпринимательства положительный британский и итальянский правоприменительный опыт, а также опыт сертификации социально-предпринимательских организаций США, является принятие в развитие программы специального национального закона о поддержке

¹ См.: Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социальных услуг в сфере развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 270.

² См.: Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. С. 107.

³ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 363.

социального предпринимательства и ряда Постановлений Правительства. Сертифицированные социальные организации (предприятия) вправе претендовать на государственное стимулирование – субсидии на развитие бизнеса, финансирование уставного капитала, льготные кредиты сроком до 8 лет с процентной ставкой на 2,5% – 3% ниже официальной банковской, налоговые льготы, компенсацию расходов на заработную плату в течение двух лет, преимущественную закупку товаров и услуг для государственных нужд, безвозмездное консультирование. За несоблюдение требований законодательства предусмотрены правовые ограничения в виде административной (аннулирование сертификации, применение штрафов и т.д.) и уголовной ответственности.

Глава 3. РОССИЙСКИЕ ПРАВотВОРЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

3.1. Правовая регламентация статуса субъекта социального предпринимательства в Российской Федерации: критическая оценка правотворческих и доктринальных подходов

Отмечая возрастающую роль антикризисного механизма социального предпринимательства в зарубежных странах, Правительство Российской Федерации за последние пять лет неоднократно обращало внимание на необходимость его легализации. Президент РФ также в своем Послании Федеральному собранию 01.03.2018 сделал основной акцент на социально-экономическом развитии страны¹. В перечне поручений Президента РФ введение в правовое поле понятия «социальное предпринимательство» по-прежнему указано в числе приоритетных задач². В Государственную Думу Российской Федерации периодически вносятся различные варианты законопроектов³, направленных на развитие социального

¹ См.: Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета, № 4, 02.03.2018.

² См.: Перечень поручений президента РФ // Официальный сайт «Президент РФ». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55419> (дата обращения 01.11.2017).

³ См.: Проект ФЗ № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (внесен депутатами ГД РФ Р.М. Марданшиным, М.Б. Терентьевым, И.Н. Игошиным, членом СФ А.А. Борисовым) (отклонен 08.12.2017). Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://goo.gl/cVCH1a> (дата обращения 05.01.2018); Проект ФЗ № 843126-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части формирования основ государственной поддержки социального предпринимательства), внесенный членами СФ РФ Л.Н. Боковой, Г.Н. Кареловой; депутатами ГД РФ Р.М. Марданшиным, Е.Л. Николаевой, С.П. Кузиным, А.Н. Пономаревым (не действует) // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/57721894/> (дата обращения 07.07.2017); Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов к отклонению. Приложение 2

предпринимательства посредством внесения дополнений в действующие нормативные правовые акты¹. В пояснительных записках к законопроектам субъекты законодательной инициативы ссылаются на потенциал зарождения социального предпринимательства в нашей стране, на возможности регулирования социальных проблем, отсутствие адекватного нормативно-правового, финансового обеспечения². Предпринимались также попытки внесения на рассмотрение специального Федерального закона «О социальном предпринимательстве»³. Однако они пока оказались безуспешными.

Главной проблемой в легализации социального предпринимательства представляется определение критериев субъекта социального предпринимательства, предоставляющих право на государственную поддержку, без решения которой все остальные вопросы становятся бесперспективными. Каждый из когда-либо внесенных на рассмотрение в нижнюю палату Федерального Собрания РФ законопроектов, безусловно, имел свои достоинства, но ни один из них в полной мере не отражал всех аспектов социально-предпринимательской идеологии, не учитывал достоинства всех четырех (итальянского, американского, британского и южнокорейского) правотворческих подходов. В связи с этим, актуальность критического анализа российских правотворческих подходов к определению

к проекту ФЗ № 249303-6 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBB86A143257C440050E608](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBB86A143257C440050E608) (дата обращения 07.07.2017).

¹ См.: Авторизированная система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 01.02.2017).

² См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/\\$FILE/624513-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/$FILE/624513-6.PDF?OpenElement) (дата обращения 05.06.2016).

³ См.: Предпринимательство в социальной сфере // Официальный сайт агентства стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/social/business/> (дата обращения 25.01.2017).

правового статуса субъекта социального предпринимательства с оценкой перспектив использования зарубежного опыта сомнению не подлежит.

Первое указание на легализацию в российском законодательстве определения социального предпринимательства как «предпринимательской деятельности, осуществляемой в целях оказания социальных услуг»¹, было дано в октябре 2013 года по итогам встречи Председателя Правительства Д.А. Медведева с предпринимателями социальной сферы. Уже в декабре 2013 года инициативная группа подготовила поправки в законопроект об основах социального обслуживания. Суть поправок сводились к наполнению новым содержанием понятия «исполнитель социальных услуг». В незатейливо предложенной редакции данные исполнители – это «осуществляющая деятельность по социальному обслуживанию бюджетная организация, подведомственная органу государственной власти в области социального обслуживания, (организация социального обслуживания) или коммерческая организация, индивидуальный предприниматель и социально ориентированная некоммерческая организация, основным (предусмотренным уставом) видом деятельности которых является осуществление социального обслуживания (социальный предприниматель)»².

Данный правотворческий подход не нашел поддержки. Очевидно, что определение социального предпринимательства как деятельности, осуществляемой в целях оказания социальных услуг, идеологически узко и значительно сужает предмет социально-предпринимательских отношений и сферу ответственности социального предпринимателя. Также отсутствуют

¹ Поручения по итогам встречи с предпринимателями в социальной сфере // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/7515> (дата обращения 17.08.2017).

² См.: Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов к отклонению. Приложение 2 к проекту ФЗ № 249303-6 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://goo.gl/i4p9Ee> (дата обращения 07.07.2017).

критерии идентификации субъекта социального предпринимательства, влияющие на предоставление государственной помощи.

Следующие попытки легализации социального предпринимательства развернулись на базе внесения изменений в Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации¹». Данному подходу способствовали некоторые обстоятельства, определившие его перспективность. Дело в том, что в отсутствие легального определения критериев субъекта социального предпринимательства, начиная с 2011 года единственными рамочными документами, определяющими государственный подход к поддержке социального предпринимательства, служили ежегодные приказы Министерства экономического развития². В них, на подзаконном уровне, социальные предприниматели рассматриваются в качестве социально ориентированной части субъектов малого и среднего бизнеса. Это пока единственный правовой документ, который дает определение «социальному предпринимательству» как социально-

¹ См.: О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ // Российская газета, 31.07. 2007, № 164.

² См.: Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2012 году предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2012 № 223 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/FAHNC> (дата обращения 30.07.2015); Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 24.04.2013 № 220 (ред. от 16.05.2013) // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/RxGe9> (дата обращения 30.07.2015); Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2014 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 01.07.2014 № 411 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/4Mbsk> (дата обращения 30.07.2015); Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/7AWC6> (дата обращения 30.07.2017).

ответственной деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, направленной на решение социальных проблем. Соответствие определенным в приказах критериям предоставляет им возможность претендовать на конкурсной основе на получение государственной помощи.

Согласно приведенным в пункте 7.4.1 Приказа Минэкономразвития¹ критериям, для получения определенной государственной поддержки (субсидий федерального бюджета) субъект социального предпринимательства должен отвечать хотя бы одному из двух условий.

Во-первых, обеспечивать занятость инвалидов, женщин, имеющих детей в возрасте до семи лет, сирот, выпускников детских домов, людей пенсионного возраста, лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – лица, относящиеся к социально незащищенным группам граждан), а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы в течение двух лет, предшествующих дате проведения конкурсного отбора, при условии, что среднесписочная численность указанных категорий граждан среди их работников составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25%.

Во-вторых, предоставлять услуги в таких сферах, как содействие профессиональной ориентации и трудоустройству, включая содействие занятости и самозанятости лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан; социальное обслуживание лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, и семей с детьми в области здравоохранения, физической культуры и массового спорта; проведение занятий в детских и молодежных кружках, секциях, студиях; организация социального туризма – только в части экскурсионно-познавательных туров для лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан;

¹ См.: Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167 (с изменениями на 28 ноября 2016 года) // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/7AWC6> (дата обращения 30.07.2017).

оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам; производство и (или) реализация медицинской техники, протезно-ортопедических изделий, а также технических средств, включая автотранспорт, материалы, которые могут быть использованы исключительно для профилактики инвалидности или реабилитации инвалидов; обеспечение культурно-просветительской деятельности (музеи, театры, школы-студии, музыкальные учреждения, творческие мастерские); предоставление образовательных услуг лицам, относящимся к социально незащищенным группам граждан; содействие вовлечению в социально активную деятельность лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы в течение двух лет и лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом.

Данный подход и нашел свое отражение в проектах Федеральных законов (ныне не действующих) № 843126-6 и № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части формирования правовых основ государственной поддержки социального предпринимательства)¹ (далее – Законопроекты). Несмотря на то что Законопроекты отклонены, положения, содержащиеся в них, представляют повышенный интерес в целях настоящего исследования.

Законопроект № 624513-6 предполагал внесение изменений в ст. 26 «Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в области социального предпринимательства». В статье под социальным предпринимательством предлагалось понимать социально ориентированную деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства,

¹ См.: Авторизованная система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 01.02.2017).

направленную «на достижение общественно полезных целей, решение социальных проблем, в том числе оказание поддержки лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации»¹. Данные субъекты могли рассчитывать на финансовую, имущественную, консультационную, информационную и другую поддержку при выполнении хотя бы одного из условий, во многом, но не во всем, текстуально совпадающих с вышеотмеченными критериями Приказа Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167.

В частности, в Законопроекте учитывалось, что оказание услуг социально незащищенным категориям граждан может быть лишь одним из видов деятельности социального предпринимателя, но не основным. И некоторые недобросовестные предприниматели, получив соответствующую государственную поддержку, смогут заниматься другой сферой предпринимательской деятельности. Для пресечения возможного злоупотребления, в Законопроекте, в отличие от Приказа Минэкономразвития, продуманно закреплялся дополнительный критерий – процент выручки: «в качестве основного вида экономической деятельности осуществляются следующие виды деятельности по производству товаров (выполнению работ, оказанию услуг), выручка от осуществления которых без учета налога на добавленную стоимость составляет не менее 70 процентов...».

Данный правотворческий подход обладает рядом других достоинств и основан на итальянском социально-предпринимательском правоприменительном опыте, что выглядит вполне логично. В России, так же как в Италии, роль государства как законодателя в организации решения социальных проблем высока. «Субъект социального предпринимательства» так же, как в итальянской традиции «социальный кооператив» – статус,

¹ См.: Законопроект № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://goo.gl/cVCH1a> (отклонен 08.12.2017) (дата обращения 05.01.2018).

предоставляющий право на государственную поддержку. Первое условие предоставления субъекту социального предпринимательства поддержки по смыслу близко к критерию, определяющему правовое положение итальянского социального кооператива типа «В» – «социально-трудовой интеграции», второе – социального кооператива типа «А» – «общественной пользы». Эти условия конкретизированы дополнительными критериями. В частности, доля работников в организации социально-трудовой интеграции должна составлять не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25%, что направлено на обеспечение достойного уровня жизни социально незащищенных групп граждан.

Вместе с тем представляется, что российский подход, предлагавшийся в Законопроекте № 624513-6, также несовершенен и обладает рядом недостатков. Первое, на что в нем обращалось внимание – это направленность социально-предпринимательской деятельности «на оказание поддержки лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации», что принципиально идеологически неверно. В итальянском законодательстве, как уже отмечалось, перечисляются категории граждан, нуждающиеся в трудоустройстве (социально-трудовой интеграции) и находящиеся «в неблагоприятном положении»¹. В соответствии с идеологией социального предпринимательства — это лица, мобилизующие свой внутренний потенциал, для самостоятельного решения возникших социальных проблем. Государство при этом оказывает не помощь, а социальное сопровождение, не способствующее формированию иждивенческих отношений. В российском законодательстве в настоящее время термин «трудная жизненная ситуация» применяется в отношении характеристики обстоятельств, ухудшающих «условия жизнедеятельности гражданина и последствия которых он не может

¹ См. параграф 2.1 настоящего исследования.

преодолеть самостоятельно»¹, как оснований для государственной социальной помощи.

Определение «трудной жизненной ситуации» с несколько иным смыслом ранее существовало в пункте 4 статьи 3 утратившего силу Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» 1995 года², но из нового закона³, в связи с переориентированием концепции социального обслуживания на рыночные механизмы, в 2013 году было исключено. В связи с изменением смысла легальной формулировки термина «трудная жизненная ситуация», произвольное его использование в законодательных актах уже недопустимо. Взгляды ученых, основанные на недействующем законодательстве, в частности Я.С. Гришиной, считающей возможным при корректировке ст. 26 анализируемого нами Законопроекта, ограничиться указанием на то, что «обеспечивается занятость лиц, признаваемых находящимися в трудной жизненной ситуации в соответствии с законодательством Российской Федерации»⁴, должны быть скорректированы. В этих условиях термин, примененный в Приказе Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167 (с изменениями на 28 ноября 2016 года) «лица, относящиеся к социально незащищенным группам граждан», в качестве родового понятия лиц, нуждающихся в обеспечении занятости (социально-трудовой интеграции), более удачен и может быть взят за основу при совершенствовании законодательства и правотворчества.

¹ См.: О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3699.

² См.: Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ // Российская газета, 19.12.1995, № 243 (утратил силу).

³ См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 № 442-ФЗ // СЗ РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 7007.

⁴ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 445.

Вместе с тем, следующим принципиальным замечанием к анализируемому правотворческому подходу, отраженному в Законопроекте, является то, что он сужает круг потенциальных субъектов социального предпринимательства и поэтому не может быть признан универсальным. Плюралистический подход к признанию субъектом социального предпринимательства всех субъектов малого и среднего бизнеса, вне зависимости от организационно-правовой формы¹, мог бы быть поддержан, если бы распространялся и на некоммерческие организации, являющиеся базовой основой развития социально-предпринимательского сектора во всем мире. Однако это не так. Статья 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого и среднего предпринимательства относит только следующие юридические лица: хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальных предпринимателей.

При таком подходе, из буквального толкования указанной нормы следует, что субъектами социального предпринимательства могут быть коммерческие организации, за исключением потребительских кооперативов, на которых Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»², в силу специфического, промежуточного между коммерческими и некоммерческими организациями правового положения, не распространяется (п. 3 ст. 1 Закона). Хотя на них распространяются общие

¹ См.: Гришина Я.С. Зарубежный опыт правового обеспечения социального предпринимательства и его влияние на развитие российского законодательства о поддержке малого и среднего бизнеса // Право и бизнес: Конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 397.

² См.: О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ // Российская газета, 24.01.1996, № 14.

положения ГК РФ о некоммерческих организациях и правила ст. 123.2 ГК РФ. Следовательно, легализация социального предпринимательства на базе законодательства о малом и среднем предпринимательстве также в целом не сможет решить проблему. Таким образом, без должного внимания остались некоммерческие организации, занимающиеся приносящей доход деятельностью, чем исключается целый сегмент организаций, способствующих достижению социально необходимых, полезных целей.

Законопроект, основываясь на итальянском социально-предпринимательском правоприменительном опыте, не предусматривал всех его положительных аспектов: возможность создания смешенных кооперативов типа «А+В», дополнительного критерия – обязательного количества членов-добровольцев. Не регламентировался порядок сертификации, приобретения и утраты статуса субъекта социального предпринимательства как условий предоставления и прекращения прав на поддержку и другие важнейшие вопросы с учетом зарубежного социально-предпринимательского правоприменительного опыта США, Великобритании и Южной Кореи¹, что не может не восприниматься критически.

Очевидно, что законы о социальном обслуживании, о малом и среднем предпринимательстве или о некоммерческих организациях, в силу ограниченности предметов правового регулирования, учитывают интересы только какой-либо отдельной части субъектов социального предпринимательства и в связи с этим не способны кардинально повлиять на развитие российского социального предпринимательства. Инкорпорирование отдельных норм в существующие законы и подзаконные акты не даст должного эффекта, так как решение проблемы требует системного подхода, что обуславливает необходимость принятия специального универсального

¹ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 237.

закона «О социальном предпринимательстве», учитывающего недостатки предыдущих Законопроектов.

Представляется, что концептуально закон «О социальном предпринимательстве» должен включать: 1) положения о развитии социального предпринимательства, включая легальную дефиницию социального предпринимательства и субъекта социального предпринимательства, без привязки к конкретным организационно-правовым формам¹ (при этом развитие социальных предприятий должно идти по пути создания гибридных форм, включающих черты как коммерческих, так и некоммерческих организаций); 2) критерии (условия) отнесения организаций к субъектам социального предпринимательства (многие авторы справедливо отмечают, что, к примеру, не закрепление в специальном законе о социальном предпринимательстве такого критерия для определения социально значимой деятельности, как реинвестирование прибыли, может создать почву для злоупотреблений правом в указанной сфере)²; 3) порядок получения социального статуса предприятиями (так называемая «сертификация»); 4) положения о корпоративной социальной ответственности и другие. Важно отметить, что некоторые авторы ставят знак равенства между понятием «социальная ответственность бизнеса» и «корпоративная социальная ответственность», понимая под этим явлением выполнение «социо-эколого-экономических обязательств, установленных законами, этическими нормами и правилами, принятыми в обществе³». Также в науке отмечается, что реализация корпоративной социальной ответственности способствует переходу к высокому уровню социализации

¹ См.: Баркова Л.А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи. С. 14.

² См.: Гришина Я.С. Зарубежный опыт правового обеспечения социального предпринимательства и его влияние на развитие российского законодательства о поддержке малого и среднего бизнеса. С. 403.

³ Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. 2011. № 23. С. 117.

корпоративного законодательства, предпринимательства и впоследствии – к индустриальному обществу¹. Однако в настоящее время в юридической литературе наиболее дискуссионным является вопрос относительно возможности причисления к корпорациям отдельных организационно-правовых форм некоммерческих организаций² и, соответственно, возможность реализации ими «корпоративной социальной ответственности». Так Ю.Н. Андреев относит ассоциации и союзы к корпорациям с некоторой долей условности, поскольку они не занимаются предпринимательской деятельностью, а в основном создаются только для координации предпринимательской деятельности коммерческих организаций, представления и защиты их интересов, в связи с чем они выполняют функции управляющей организации для коммерческих структур, способствуют бизнесу, являются своего рода корпорациями второго уровня³. Таким образом, придерживаясь указанной точки зрения, можно резюмировать, что указанные юридические лица, будучи связанными с коммерческими организациями, все же могут нести «корпоративную социальную ответственность». Соответственно между понятиями «социальная ответственность бизнеса» и «корпоративная социальная ответственность» наблюдается этимологическая схожесть.

Дефиниция «социального предпринимательства», основанная на идеологических ценностях, поможет отличить социально ориентированные организации от квазисоциальных. Существование закона позволит заявить о

¹ См.: Кицай Ю.А. Новый статус некоммерческих организаций как исполнителей общественно полезных услуг // Успехи современной науки и образования. 2016. № 5. Т. 2. С. 91.

² См.: Лескова Ю.Г. Некоммерческие корпорации в гражданском праве: проблемы теории и практики // Право и бизнес: Конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 127.

³ См.: Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 205.

себе и привлечь внимание со стороны заинтересованных субъектов. Социальное предпринимательство должно включать не только возможность удовлетворения потребностей в социальном обслуживании, но и инструменты для эффективного ведения бизнеса. Универсальная задача, которая должна стоять перед законодателем, – создание условий для использования гибридной модели социального предпринимательства, балансирующей между получением прибыли и миссией удовлетворения социальных потребностей¹. Это будет способствовать наилучшему процессу реализации положения Европейской социальной хартии (п. 13.) о праве каждого человека, не имеющего достаточных средств, на социальную помощь. Социальное предпринимательство должно базироваться на любой частной деятельности, осуществляемой в интересах общества и основанной на предпринимательских началах. Главной целью такого предпринимательства должно быть достижение определенных экономических и социальных целей².

В отечественной юрисдикции ранее уже предпринимались попытки принятия специализированного закона в области социального предпринимательства. Первый законопроект о социальном предпринимательстве был представлен на заседании экспертного совета по развитию социального предпринимательства Государственной Думы Российской Федерации в 2013 году³. По причине отсутствия социальной инфраструктуры и развитой системы поддержки субъектов социального предпринимательства, принятие законопроекта было отложено.

В отечественной доктрине данная позиция также нашла своих сторонников. За необходимость принятия отдельного специального закона,

¹ См.: Kyungsik Irene Shim. *Op. cit.* P. 13.

² См.: Kyujin Jung, Hee Soun Jang, Inseok Seo. *Op. cit.* P. 3.

³ См.: Социальному предпринимательству дадут законодательное определение // Официальный сайт новостного портала Новый Бизнес. URL: <http://www.nb-forum.ru/social/laws/gos-duma-socialnoe-predprinimatelstvo.html> (дата обращения 07.04.2017).

который упорядочил бы общественные отношения в сфере социального предпринимательства, выступает Я.С. Гришина. По мнению автора, реализация концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства в идеале должна получить завершённый вид путем легализации Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства». Название закона не случайно: государство должно не только легализовать социальное предпринимательство, но и обеспечить (гарантировать) его развитие¹.

По мнению эксперта, в законе следует предусмотреть критерии определения социального предпринимательства, социальных предприятий, оснований предоставления государственной поддержки, а также перечень видов предпринимательской деятельности, направленных на достижение общественно полезных целей, перечень которых должен быть открытым². Такой подход позволит повысить результативность законодательного регулирования социальной деятельности³.

Вместе с тем, отдавая должное научному творчеству Я.С. Гришиной, впервые на доктринальном уровне обосновавшей концепцию специального Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства», тем не менее, нельзя не обратить внимание на то, что ее авторский подход к легализации субъекта социального предпринимательства принципиально не отличается от предложенного в законопроекте о социальном предпринимательстве, в свою очередь основанного на подходе Минэкономразвития. Критически анализируя существующие Законопроекты, профессор Я.С. Гришина ограничивается

¹ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 432.

² См.: Гришина Я.С. Перспективы реализации концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства: концепция Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» // Предпринимательское право. Приложение к журналу. М.: Юрист, 2016. № 1. С. 36.

³ См.: Кадол Н. Ф. Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике. С. 8-9.

формулировкой предложений по совершенствованию правового статуса субъекта социального предпринимательства, но готового решения не предлагает, что, при накоплении богатого зарубежного опыта, уже не может считаться достаточным.

В оригинальном исследовании Ю.А. Кицай, основанном на компаративистском анализе зарубежных моделей социального предпринимательства¹, ее предложение о закреплении специальной организационно-правовой формы юридического лица для участия в социально-предпринимательской деятельности и ее критериев в ГК РФ может лишь рассматриваться в качестве дополнительного основания легализации правового статуса субъекта социального предпринимательства в специальном законе и неспособного в целом повлиять на решение проблемы развития российского социального предпринимательства.

Таким образом, следует констатировать отсутствие на правотворческом и доктринальном уровне целостного непротиворечивого универсального взгляда на критерии правового статуса субъекта социального предпринимательства. Представляется, что система критериев статуса субъекта социального предпринимательства как условий государственной поддержки должна формироваться на основе творческого развития южнокорейского правоприменительного опыта, оптимизировавшего итальянский, американский и британский законодательные подходы, способного к более успешной его адаптации в российских условиях и с учетом достоинств и недостатков российского правотворчества и правоприменения.

В законодательстве Южной Кореи статус «социального предприятия (социального предпринимателя)» присваивается при нацеленности индивидуального предпринимателя или организации на решение социальных

¹ См.: Кицай Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. 240 с.

проблем в случаях¹, организационно напоминающих конструкции итальянских социальных кооперативов типов «А» и «В» и «А+В», но с дополнительными критериями, более нацеленными на повышение уровня социальной защищенности «незащищенных лиц», в российской терминологии «лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан». Оценка критериев на соответствие определенным законом требованиям осуществляется в ходе государственной сертификации уполномоченным органом. Важно отметить, что термин «сертификация» к отечественным организациям, согласно действующему российскому законодательству, не применим. В соответствии с законодательством о техническом регулировании² сертификация представляет собой форму подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, документам по стандартизации или условиям договоров, а объектами сертификации являются продукция, процессы производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, работы и услуги, а также иные объекты, в отношении которых документами по стандартизации, системами добровольной сертификации и договорами устанавливаются требования. То есть процедура сертификации в настоящее время применяется только в отношении подтверждения соответствия продукции, работ, услуг и иных объектов предъявляемым требованиям и не применима к иным процессам, в частности к легализации статуса субъектов или их деятельности. Однако действующее законодательство в таких случаях предусматривает лицензирование определенных видов деятельности, которые требует наибольшего контроля со стороны государства³. В ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»

¹ См.: Social Enterprise Promotion act 03.01.2007.

² См.: О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ // Российская газета, 31.12.2002, № 245.

³ См.: О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ // Российская газета, 06.05.2011, № 97.

приводится перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии. Но, так как с учетом зарубежного правоприменительного опыта, социальные предприятия могут заниматься предпринимательской деятельностью в любых социально значимых сферах, распространение указанного закона на все сферы деятельности человека повлечет непредвиденные последствия для экономической деятельности всей страны. Таким образом, наиболее верным будет не приравнивать к объектам лицензирования все социальные предприятия, а именно ввести для них процедуру сертификации, которая должна быть предусмотрена не в Федеральном законе «О техническом регулировании», который регулирует совершенно иные правоотношения, а в законе «О социальном предпринимательстве». Соответственно, не произойдет смешение понятий: «сертификация» для продукции, работ, услуг и «сертификация» как процесс легализации статуса субъекта социального предпринимательства.

Напомним, что присвоение данного статуса возможно в случаях, если основной целью деятельности социального предпринимателя является:

1. Предоставление социальных услуг, а доля незащищенных лиц среди всех граждан, которым оказаны услуги, составляет не менее 50%;
2. Трудоустройство незащищенных лиц, а доля незащищенных трудоустроенных граждан среди работников предприятия составляет не менее 50%;
3. Одновременно трудоустройство незащищенных лиц и предоставление им социальных услуг. В этом случае количество трудоустроенных незащищенных лиц среди всех работников социального предприятия и количество незащищенных граждан среди всех в целом обслуженных лиц должны составлять не менее 30%.

При этом необходимо принять во внимание следующие замечания. В южнокорейском законодательстве «социальная услуга» несколько шире, чем в России и ближе по смыслу к понятию «общественно полезные услуги»,

перечень которых утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 года № 1096¹. В этот перечень включены услуги по оказанию содействия в трудоустройстве несовершеннолетних граждан; социальной адаптации безработных граждан на рынке труда; содействию занятости и самозанятости инвалидов; социальному сопровождению семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; социально-бытовой адаптации инвалидов; оказанию социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста; профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; профилактике социального сиротства; содействию устройству детей на воспитание в семью; психолого-медико-педагогической реабилитации детей; санаторно-курортному лечению детей и молодёжи; присмотру и уходу за детьми; дополнительному образованию граждан пожилого возраста и инвалидов; профилактике социально значимых заболеваний; патронажу семей, имеющих лиц, страдающих тяжёлыми заболеваниями; паллиативной медицинской помощи. Однако термин «общественно полезные услуги» в настоящее время ассоциируется с социально ориентированными некоммерческими организациями, которым в целях их государственной поддержки может присваиваться статус «исполнителя общественно полезных услуг» и поэтому не может служить в качестве универсального правового средства, характеризующего социально-предпринимательскую деятельность.

Под социально ориентированными некоммерческими организациями в соответствии со статьей 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» понимаются организации, осуществляющие такие виды деятельности, как социальная поддержка и защита граждан; подготовка

¹ См.: Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания: Постановление Правительства РФ от 27.10.2016 г. № 1096 // СПС Гарант. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/978702/#ixzz4OwzMsf1> (дата обращения 25.03.2017).

населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам; охрана окружающей среды и защита животных; охрана и в соответствии с установленными требованиями содержание объектов (в том числе зданий, сооружений) и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений; оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина; профилактика социально опасных форм поведения граждан; благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности. Эта деятельность тоже представляет собой оказание услуг, которые могут быть обозначены, как «социально ориентированные услуги». Данный термин по тем же причинам, что и «общественно полезные услуги» не может служить в качестве универсального правового средства, характеризующего социально-предпринимательскую деятельность, так как соотносим с некоммерческими организациями и легально не применим к субъектам малого и среднего предпринимательства.

Вместе с тем, в российском праве есть легальный термин «социально значимые услуги»¹, который может считаться универсальным для всех субъектов социального предпринимательства, не зависимо от организационно-правовой принадлежности, более объемный по отношению к социальным², общественно полезным и социально ориентированным услугам, которые как показывает анализ, частично между собой пересекаются. К «социально значимым», в приложении № 1 к «Стандарту развития конкуренции в субъектах Российской Федерации», относятся услуги: дошкольного образования; медицинские; розничной торговли; ЖКХ; перевозок пассажиров наземным транспортом; широкополосного доступа в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; дополнительного образования детей; детского отдыха и оздоровления; психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья; услуги в сфере культуры; социального обслуживания населения. Перечень «социально значимых услуг» может быть расширен и уточнен регионом самостоятельно, с учетом региональной специфики, что допускает считать эти услуги в целях определения социально-предпринимательской деятельности родовым понятием по отношению к социальным, общественно полезным и социально ориентированным услугам.

Вместе с тем, полагаем уточнение перечня видов социально-предпринимательской деятельности, как это предлагается в Законопроекте, в условиях сложившейся терминологической неопределенности, занятием бесперспективным. Представляется, что данная проблема наиболее успешно решена в британском законодательстве, закрепившем обязательное условие для социального предпринимателя – реинвестирование 66% прибыли в

¹ См.: Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 5.09.2015 г. № 1738-р // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://qps.ru/uEohb> (дата обращения 16.12.2016).

² См.: Об основах социального обслуживания граждан в РФ: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // СЗ РФ. 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 7007.

решение социальных проблем, что следует предусмотреть и в России. При таком подходе становится не так важно, осуществляется ли социальная, общественно полезная, социально ориентированная или социально значимая деятельность.

Южнокорейский подход выглядит убедительным по следующим причинам. Если в социальном предприятии предоставление социальных (социально значимых) услуг нуждающимся гражданам является основным видом деятельности, то доля таких лиц должна составлять не менее 50%. Указанный показатель никак не может быть меньше. Если данное процентное соотношение изменить в сторону уменьшения, то получится, что основным видом деятельности будет вовсе не оказание социальных услуг. Следовательно, достижение социального эффекта не произойдет. Таким образом, 50% – это минимально возможный объем социальных (социально значимых) услуг, который должно оказывать предприятие.

Если же основная цель социального предприятия – обеспечение занятости граждан (трудовая интеграция), то среднесписочная численность работников, находящихся в трудном положении, среди всех работников также должна составлять не менее 50%. Такое соотношение представляется наиболее удачным, так как 50%-ая численность незащищенных лиц среди всех работников предприятия – это тот числовой экватор, который позволяет соблюсти баланс социальных и частных интересов. В данном контексте верное замечание делает О.Ю. Ильина: «Частный интерес не может быть реализован вне публичного порядка, а публичный интерес утрачивает смысл, если он прямо или косвенно не направлен на обеспечение реализации частного, т.е. должен быть паритет интересов»¹. Если такое соотношение будет меньше 50%, то предприятие утратит социальное назначение.

¹ Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., Городец, 2007. С. 43.

Желательно, чтобы в социальном предприятии был задействован как можно больший процент лиц из указанной категории граждан.

Вместе с тем и доля в фонде оплаты труда социального предприятия лиц, относящихся к социально незащищенным группам граждан, должна составлять не менее 25%. Я С. Гришина подтверждает обоснованность этого критерия существующей апробированной долголетней практикой нормативных требований к предприятиям, использующим труд инвалидов в целях их льготного налогообложения¹. В этом случае данный дополнительный критерий, предложенный в Законопроекте, но отсутствующий в южнокорейском законодательстве, следует поддержать как гарантирующий определенную степень социальной защищенности этой категории граждан.

Однако, если субъект социального предпринимательства будет преследовать смешанную цель, то указанное распределение социальных направлений должно вести к снижению предъявляемых требований по сравнению с социальными предприятиями, преследующими одну цель, как это сделано в Южной Корее. В противном случае, если оставить критерии в неизменном виде, это может привести к тому, что ни одна из поставленных целей предприятия не будет достигнута. Думается, что данный южнокорейский подход может быть взят за основу в России.

Вместе с тем, представляется, что в целях развития социального предпринимательства в российском законодательстве, как и южнокорейском нормативно-правовом акте, должно содержаться весьма полезное указание на то, что «в случае если деятельность субъектов социального предпринимательства обладает высокой социальной полезностью, но частично не отвечает определенным критериям, Министерство экономического развития вправе присвоить статус «субъекта социального

¹ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 447.

предпринимательства» в индивидуальном порядке по предложению регионального уполномоченного органа по поддержке социального предпринимательства».

Еще одним дополнительным условием для гарантированной государственной поддержки субъекту социального предпринимательства, к отмеченным в южнокорейском законодательстве, должно стать обязательное наличие волонтеров. С учетом итальянского правоприменительного опыта оптимальное их количество в социальном кооперативе составляет не менее 10%. Представляется, что в целях развития и поддержки волонтерского движения в России, закрепление аналогичной нормы будет целесообразно и в отечественном законодательстве. Вместе с тем полагаем возможным в порядке эксперимента ограничиться этим требованием в отношении субъекта социального предпринимательства, преследующего смешанную цель, – социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать критерии субъекта социального предпринимательства как условий его государственной поддержки.

Статус «субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя)» предоставляется по результатам государственной сертификации уполномоченным региональным органом при наличии одного из следующих условий, позволяющих претендовать на получение государственной поддержки:

- 1) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым такие услуги оказаны, составляет не менее 50%;

- 2) обеспечивается занятость лиц из социально незащищенных категорий граждан, среднесписочная численность которых среди всех

работников составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда работников составляет не менее 25%;

3) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым оказаны такие услуги, составляет не менее 30% и при этом одновременно обеспечивается занятость социально незащищенных граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 30%, а доля волонтеров – не менее 10%.

Государственную поддержку субъектов социального предпринимательства – коммерческих корпоративных организаций – целесообразно предоставлять при условии обязательного реинвестирования в решение социально значимых проблем не менее 66% прибыли организации.

В случае, если деятельность субъектов социального предпринимательства обладает высокой социальной значимостью, но частично не отвечает установленным критериям, федеральный уполномоченный орган вправе присвоить статус «субъекта социального предпринимательства» в индивидуальном порядке по предложению регионального уполномоченного органа по поддержке социального предпринимательства.

3.2. Перспективы применения положительного зарубежного правоприменительного опыта по совершенствованию правового положения субъекта социального предпринимательства

В зарубежных странах успехи в развитии социального предпринимательства во многом зависят от степени его поддержки, компенсирующей более низкие стартовые возможности в обеспечении конкурентоспособности потенциальных субъектов социального предпринимательства – некоммерческих и социально ориентированных коммерческих организаций¹. Именно поэтому жесткость и четкость определения критериев (условий), влияющих на присвоение статуса субъекта социального предпринимательства, рассматриваются как средства поддержки, для целей повышения эффективности бюджетных средств и во избежание появления недобросовестных предпринимателей, пытающихся получить незаслуженные преференции. В этой связи право на государственную поддержку, возникающее при легализации статуса субъекта социального предпринимательства, следует рассматривать одним из значимых элементов правового положения данного субъекта, совершенствование которого должно происходить с учетом положительного зарубежного правоприменительного опыта.

В Российской Федерации, в условиях отсутствия легализации социального предпринимательства и сбалансированной национальной правовой политики его развития, поддержка социальных предпринимателей находится на начальной стадии, а некоммерческих организаций и субъектов социально ориентированного малого бизнеса, как базы социального

¹ См.: Барков А.В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта). С. 68.

предпринимательства, бессистемна¹. Не ощущая полноценной государственной поддержки, в России занимаются социальным предпринимательством не более 1% корпоративных организаций. Для сравнения: во Франции примерно 50% корпораций занимаются социальным предпринимательством, в США – 70%, в Германии – 93%². Это означает, что государство пытается уделять внимание этому вопросу, но не всегда у него получается эффективно. Речь идет о необходимости совершенствования этого процесса.

Систему государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в настоящий момент составляют федеральные, региональные, муниципальные нормативные правовые акты, которые направлены на поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства. Организацию этой деятельности осуществляет государственный аппарат, представляющий собой совокупность государственных институциональных структур, ответственных за развитие предпринимательства; государственная инфраструктура поддержки субъектов предпринимательства, включающая некоммерческие и коммерческие организации, созданные с участием или без участия государства, деятельность которых иницируется, поощряется и поддерживается государством³.

Среди основных правовых актов в указанной сфере можно выделить: Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. В его пункте 1 статьи 16 определены такие формы

¹ См.: Гришина Я.С. Инновационно-правовое регулирование поддержки социального предпринимательства в сфере среднего и малого бизнеса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 63.

² См.: Панельная сессия «Предпринимательство в социальной сфере – драйвер позитивных изменений» // Официальный сайт информационного агентства России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3352100> (дата обращения 05.04.2017).

³ См.: Мусабилова Д.А. Правовые формы, условия и порядок государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ и субъектах РФ // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 12. С. 146.

поддержки, как: финансовая, имущественная, образовательно-консультационная поддержка. Оказание финансового содействия, определённые льготы, преференции в виде налоговых каникул, субсидирование ставки по кредитам или даже беспроцентное кредитование представляются достаточно эффективными мерами¹. При этом, в научной литературе обращается внимание, что наиболее действенным средством поддержки является предоставление субсидий субъекту предпринимательской деятельности из бюджетов различных уровней².

Достоинство данного средства заключается в том, что действующие правовые нормы позволяют обжаловать отказ в предоставлении субсидий субъекту малого и среднего предпринимательства в рамках той или иной программы. Так, Федеральный Арбитражный суд Дальневосточного округа в своем Постановлении от 28.10.2013 по делу № А51-26760/2012 поддержал выводы судов нижестоящих инстанций о доказанности незаконности действий Администрации города Владивостока об отказе в предоставлении обществу субсидии на возмещение части затрат, связанных с регистрацией юридического лица в начале предпринимательской деятельности³. В то же время запрещается предоставление предпочтения определенным категориям предпринимателей при распределении субсидий. К такому выводу пришел Восемнадцатый Арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 16.01.2012 по делу № А47-4615/2011⁴.

¹ См.: Стагниева Ю.И. Государственная поддержка развития социального предпринимательства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 324.

² См.: Отнюкова Г.Д. Государственная поддержка предпринимательской деятельности в форме субсидий // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 4. С. 24.

³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 октября 2013 г. по делу № А51-26760/2012 [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 10.04.2017).

⁴ См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 января 2012 г. по делу № А47-4615/2011 [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 10.04.2017).

В то же время, правовые средства поддержки, которые в совокупности опосредуют отмечаемые в законе формы, не конкретизируются, что подвергается критике специалистов. По мнению А.Н. Бикчинтаева, «значимым остается вопрос создания четко проработанных, отвечающих требованиям закона и интересам МСП¹ программ государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях, а также важным аспектом являются аналогичные программы на муниципальном уровне»². Вместе с тем, представляется, что наличие самих программ без указания конкретных правовых средств поддержки субъектов предпринимательства не даст должного эффекта, а существующий механизм участия в конкурсах Минэкономразвития, рассматриваемый в предыдущем параграфе, на выделение субсидий и других средств поддержки из федерального бюджета по-прежнему малоэффективен и непрозрачен³. Таким образом, наблюдается неполноценность функционирования указанного инструмента на уровне реализации и применения права⁴.

Поддержка некоммерческих организаций основывается на Федеральном законе «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ с учетом изменений, внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» от 05.04.2010 № 40-ФЗ. В части 2 ст. 31.1 Федерального закона приводятся конкретные виды, наряду с имущественной, информационной и консультационной, поддержки данных организаций:

а) предоставление льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах;

¹ Прим. автора. МСП – субъекты малого и среднего предпринимательства.

² См.: Бикчинтаев А.Т. Правовые формы и средства государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. 220 с.

³ См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства. С. 245.

⁴ Там же.

б) предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

Однако Налоговый кодекс РФ не содержит соответствующих правовых норм, регулирующих льготное налогообложение некоммерческих организаций, отвечающих требованиям социально ориентированных. Такой несистемный подход делает предоставление налоговых льгот таким организациям проблематичным. На практике предоставление таких льгот носит единичный характер. Таким образом, государство выполняет свои обязательства достаточно избирательно. В.С. Белых предоставление налоговых льгот относит к методам косвенного регулирования экономических процессов как системы способов публично - правового воздействия на экономику¹. В таком случае говорить об эффективности данного механизма можно с трудом.

Другим нормативным источником, представляющим интерес для настоящего исследования, является Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально - экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Согласно его п. 8 раздела III, реализация стратегических целей Концепции требует достижения социального согласия, содействия развитию механизмов социальной адаптации и социальной поддержки населения, снижения социального неравенства. В целях реализации программных стратегических установок принято Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации

¹ См.: Белых В.С. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 42.

Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»). В данном распоряжении отдельное место отводится такой сфере поддержки, как социальное предпринимательство. Согласно указанному акту, под субъектом социального предпринимательства понимается отдельная категория предприятий, действующих в социальной сфере, которую составляют предприятия, специализирующиеся на производстве продукции и предоставлении услуг в интересах социально уязвимых и малоимущих групп граждан либо создающие рабочие места для таких групп граждан.

В рамках реализации указанной Стратегии предполагается создание дополнительных мер поддержки малых и средних предприятий в области социального предпринимательства, в том числе предоставление субсидий на реализацию проектов в области социального предпринимательства, меры по популяризации такой деятельности и т.д. В целях повышения адресности при оказании поддержки также будут уточнены сферы, в которых может осуществляться деятельность, отнесенная к социальному предпринимательству, установлены критерии отнесения хозяйствующих субъектов к субъектам социального предпринимательства, что, как известно, пока не реализовано. К сожалению, Стратегия задает только основные направления в области развития и поддержки социального предпринимательства, но не называет самих составляющих – размеры софинансирования и компенсации затрат, связанных с началом ведения бизнеса, сущность повышения гибкости регулирования трудовых отношений на малых и средних предприятиях.

На муниципальном и региональном уровнях также издаются нормативные правовые акты по вопросам поддержки отдельных субъектов, деятельность которых не всегда, но зачастую связана с социальным предпринимательством. Однако, как правило, указанные акты носят временный, а иногда разовый характер. Примером может служить

Постановление Правительства Москвы от 25.12.2012 № 800-ПП «О мерах имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендующих объекты нежилого фонда, находящиеся в имущественной казне города Москвы» (ред. от 02.12.2016)¹, согласно которому, малые предприятия, имеющие основания для имущественной поддержки, получают ее в виде установления ставки льготной арендной платы в размере 3500 руб. за кв.м. в год. Примером муниципального нормативного правового акта может служить Постановление Главы администрации города Твери от 02.12.2009 № 3352 «Об утверждении Положения «О порядке предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на создание собственного дела (грантовая поддержка)». Согласно указанному Постановлению, для получения гранта претендент представляет бизнес - проект в следующих сферах: жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства и экологии, а также в социальной сфере. В социальную сферу входит предоставление услуг социально незащищенным категориям граждан, в том числе: перевозка инвалидов с использованием специализированных транспортных средств; уход за инвалидами и пожилыми людьми (домработницы, уборщицы, сиделки и др.); обучение инвалидов на дому или в специально организованных классах; организация досуга инвалидов и пожилых людей (клубы по интересам, экскурсии, концерты и др.) и т. д.².

Сомнений в том, что система государственной поддержки социального предпринимательства требует корректировки – нет. Вместе с тем известно,

¹ См.: О мерах имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендующих объекты нежилого фонда, находящиеся в имущественной казне города Москвы: Постановление Правительства Москвы от 25.12.2012 г. № 800-ПП [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 10.04.2017).

² См.: Постановление Главы администрации города Твери от 02.12.2009, № 3352 «Об утверждении Положения «О порядке предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на создание собственного дела (грантовая поддержка)» // Официальный сайт Администрации г. Твери. URL: <http://www.tver.ru/share/about/econom/2014/09/21032.docx> (дата обращения 25.04.2017).

что степень государственной помощи, при всем желании, не безгранична, а зависит от состояния экономики и государственного бюджета. В связи с этим представляется, что совершенствование механизма государственной поддержки должно основываться на поиске эффективного инструментария, способного минимизировать государственные расходы на социальную политику¹. В этом ключе целесообразно опереться на многолетний зарубежный опыт тех стран развитого правопорядка, которые традиционно стремятся нести достаточно низкий уровень государственных социальных расходов, пытаясь в соответствии с социально-предпринимательской идеологией оптимизировать усилия государства, бизнеса и гражданского общества в решении социальных проблем. Представляется, что наибольших успехов на данном поприще достигла Великобритания.

Несмотря на изобилие источников финансирования, социальные предприниматели в Великобритании неоднократно отмечали, что доступ к финансам является основным барьером, с которым они сталкиваются как при запуске компаний, так и в попытке достичь устойчивости. Потребности социальных предпринимателей меняются на разных этапах их роста. Стартовые социальные предприятия ищут капитал для проверки и доказательства жизнеспособности новой идеи, в то время как уже созданные организации могут требовать финансирования для роста или для уравнивания неравномерного потока наличных денежных средств. Учитывая, что социальное предпринимательство является ценным инструментом для преодоления растущего экономического неравенства, необходимость его поддержки сомнения не вызывает. Самыми распространенными средствами финансовой поддержки социальных предпринимателей во всем мире являются: гранты (grants – (англ.)),

¹ См.: Azemati, H., Belinsky, M., Gillette, R., Liebman, J., Sellman, A. & Wyse, A., (2013). Social impact bonds: lessons learned so far. Community Development Investment Review, 9 (1). P. 22. URL: <http://projects.iq.harvard.edu/files/siblabb/files/social-impact-bonds-lessons-learned.pdf> (дата обращения 10.04.2017).

социальные инвестиции (social investment – (англ.)), долгосрочный капитал (patient capital – (англ.)), ссуды (loans – (англ.)), облигации, включая социальные облигации (bonds/social bonds – (англ.)).

Одними из наиболее предпочтительных средств финансовой поддержки социальных предпринимателей являются гранты, представляющие безвозмездную форму финансирования. Они часто связаны с конкретными ожидаемыми социальными результатами. Гранты рассматриваются как свободные деньги, потому что проценты на них не начисляются, и они не должны быть возвращены¹. Даже среди более коммерчески настроенных социальных предпринимателей получение грантов, а не кредитов или инвестиций, является более предпочтительным². Гранты чаще используются социальными предпринимателями в трех областях: в апробировании новых инициатив, которые слишком рискованны для погашаемого финансирования; в оплате капиталовложений, которые помогают развивать активы и становиться более устойчивым; в оплате социальных издержек, которые не могут, но должны нести субъекты торговой деятельности.

Недостатка в негосударственных грантах британские социальные предприниматели не испытывают. Так, в конце 2016 года «Ключевой фонд» (The Key Fund – (англ.)), который находится в Великобритании, объявил о своей программе финансирования на сумму 10 млн фунтов стерлингов для общественных и социальных предприятий на всей территории северной и центральной части Соединенного Королевства. Кроме этого, фонд намерен вкладывать социальные инвестиции в 100 предприятий в год в течение

¹ См.: Wanda Wuttunee, Martin Chicilo, Russ Rothney, Lois Gray. Financing Social Enterprise An Enterprise Perspective. P. 3. URL: <http://usaskstudies.coop/documents/social-economy-reports-and-newsletters/Financing%20Soc%20Enterprise-part%202.pdf> (дата обращения 17.04.2017).

² См.: Mark Richardson, Dan Berelowitz. Investing In Social Franchising. P. 10. URL: <http://www.socialimpactconsulting.org.uk/uploads/1/0/1/8/10187028/icsf-social-franchising-complete-report.pdf> (дата обращения 17.04.2017).

следующих трех лет. Указанная сумма включает 5,5 млн фунтов стерлингов из фонда «Северное воздействие» (Northern Impact Fund – (англ.)), который финансируется другими фондами – фондом «Большой общественный капитал» (Big Society Capital – (англ.)) и «Большим лотерейным фондом» (Big Lottery Fund – (англ.)), который предлагает смешанные кредиты и гранты до 150 000 фунтов стерлингов. «Ключевой фонд» также получил 4,5 млн фунтов стерлингов новых финансовых средств от фонда «Большой общественный капитал» для поддержки общей инвестиционной деятельности. Фонд «Северное воздействие» открыт для заявок от социальных предприятий, действующих в Мидленде, Северо-Восточном районе, Северо-Западном, Йоркшире и Хамбере. Мэтт Смит (Matt Smith – (англ.)), исполнительный директор «Ключевого фонда», указывал, что фонд предлагает финансирование до 150 000 фунтов стерлингов, но типичные инвестиции будут составлять около 50 000 фунтов стерлингов, причем до 20 процентов от суммы, доступной в качестве гранта.

«Ключевой фонд» был одним из первопроходцев в указанном направлении, и его первоначальная модель политики продолжает основываться на грантах и кредитах. В докладе фонда говорится, что в 2015 году он инвестировал в общей сложности 10 млн фунтов стерлингов на 201 предприятие, которые получили средства в пределах от 5 000 до 300 000 фунтов стерлингов инвестиций и создали 37 новых предприятий, 293 рабочих места. Более того, Мэтт Смит указал, что отчет о социальном воздействии демонстрирует, какое значительное влияние оказывает этот сектор. Есть вдохновляющие предприятия и отдельные лица, которые не только создают рабочие места в некоторых наиболее неблагополучных областях, но также занимаются глубоко укоренившимися социальными

проблемами¹. Что касается «Большого лотерейного фонда», он выделяет на гранты около 40 процентов денег, полученных посредством Национальной лотереи Великобритании. Получателями грантов являются благотворительные фонды и социальные предприятия. Только в 2014 году фонд предоставил гранты почти на 700 млн фунтов стерлингов для осуществления проектов в поддержку здравоохранения, образования, окружающей среды, а также в благотворительных целях².

Очевидно, что данный механизм поддержки эффективен только в условиях сложившейся инфраструктуры поддержки социального предпринимательства, что в России пока отсутствует. В то же время, следует учитывать, что опора на гранты для покрытия расходов по доходам может подорвать финансовую независимость и помешать социальным предпринимателям разработать коммерчески устойчивые модели.

Другим эффективным инструментом поддержки в сфере социального предпринимательства являются социальные инвестиции, цель которых – создание положительного социального эффекта в различных сферах деятельности. Они выступают новым инструментом финансирования «с оплатой за исполнение». Создание социальным предпринимателем положительного социального эффекта в дополнение к своему финансовому развитию является достаточно перспективным направлением³. При этом социальный инвестор надеется получить возврат инвестиций с процентами от социально ориентированной деятельности, а обе стороны ожидают, что инвестиции приведут к достижению социального эффекта⁴.

¹ См.: £10m of funding for social enterprises announced // Официальный новостной портал civilsociety. URL: <https://www.civilsociety.co.uk/news/10m-of-funding-for-social-enterprises-announced.html> (дата обращения 25.04.2017).

² См.: Social enterprise in the UK. Developing a thriving social enterprise sector // Официальный сайт международной образовательной программы The British Council. P. 30. URL: <https://qps.ru/WLhxa> (дата обращения 17.04.2017).

³ См.: Hochstadter, A. K. & Scheck, B. What's in a Name: An analysis of impact investing understandings by academics and practitioners // Journal of Business Ethics. 132 (2). P. 455.

⁴ См.: Social enterprise in the UK. Developing a thriving social enterprise sector. Op. cit. P. 31.

Среди лидеров в данной сфере финансирования социального предпринимательства можно выделить «Большой общественный капитал» (Big Society Capital – (англ.)) – первый в мире социально инвестиционный банк. Он был открыт в апреле 2012 года в Великобритании, размер его капитала приблизительно 600 млн фунтов стерлингов. Задача банка – развитие рынка социальных инвестиций в Великобритании путем предоставления инвестирования социально ориентированным организациям. Он создает доступ к финансированию организаций социального сектора, а также повышает информированность субъектов социального предпринимательства об инвестициях. Среди благотворительных организаций, поддерживающих рост, эффективность и устойчивость социальных предпринимателей через модель венчурной филантропии отмечается Impetus – «Фонд прямых инвестиций» (The Private Equity Foundation (PEF) – (англ.)). Для достижения этих целей Impetus предоставляет управленческие знания и навыки ведения бизнеса, а также долгосрочное финансирование¹.

Другим, не менее важным инструментом поддержки социального предпринимательства в Великобритании является долгосрочный капитал. Как предполагает название, капитал вкладывается в социальное предприятие на долгосрочную перспективу. Пока денежные средства не возвращены, социальный предприниматель генерирует достаточную прибыль, чтобы в последующем осуществлять выплаты. Вложение долгосрочного капитала используется для предприятий, которые могут быть сочтены слишком рискованными для социальных инвесторов.

Не менее важную роль в развитии социального предпринимательства играют займы. Если организация реализует социальную цель, извлекая прибыль, у нее появляются активы и возможность заимствовать деньги у

¹ См.: Loder, J., Rocyn, G., Norman Jones and Will, (2013). Social invest in education. P. 2. URL: <http://youngfoundation.org/wp-content/uploads/2013/07/Social-investment-in-education-FINAL-updated-with-new-PEF-logo-1.pdf> (дата обращения 25.04.2017).

кредитной организации (банка). Но многие социальные предприятия имеют сложные бизнес-модели получения доходов от реализации социальной цели – государственные контракты и гранты, и коммерческие банки не верят в возможность возвращения займа. Учитывая, что социальные проекты часто имеют слишком высокий риск для коммерческого кредитора, многие финансовые учреждения создают специальные кредитные программы, в частности, специально для социальных предпринимателей. Кроме того, появились специализированные социальные банки. Так, некоторые банки в Великобритании предлагают услуги, предназначенные для удовлетворения потребностей некоммерческих организаций путем предоставления финансовых продуктов. Они включают овердрафт, оборотный капитал, кредиты. Социальные банки продолжают доминировать на британском рынке социальных инвестиций. При этом 82% всех социальных инвестиций приходится на четыре крупнейших социальных банка: Кооперативный банк (Co-operative Bank – (англ.)); Благотворительный банк (Charity Bank – (англ.)); Банк целевого единства (Unity Trust – (англ.)) и Триодос (Triodos – (англ.))¹.

Все эти инструменты поддержки: социальные инвестиции, долгосрочный капитал, ссуды (займы), так же, как и гранты, эффективны в условиях сложившейся частной инфраструктуры поддержки социального предпринимательства, которая в России еще только зарождается. Поэтому наибольший интерес для совершенствования российской правоприменительной практики вызывают правовые средства поддержки социального предпринимательства с участием государства, но при этом прежде всего предполагающих оптимизацию бюджетных социальных расходов, к которым относятся социальные облигации (облигации социального воздействия). Ввиду отсутствия в России подобного правового

¹ См.: Social enterprise in the UK. Developing a thriving social enterprise sector. Op. cit. P. 32.

инструментария поддержки, значимо остановиться на его характеристике более подробно.

В мировой практике чаще всего социальные облигации представляются в виде облигаций социального воздействия (Social impact Bonds (SIB) – (англ.)) или в виде облигаций развития (Development Impact Bonds (DIB) – (англ.)). Разница между указанными облигациями состоит в том, кто в конечном счете платит за результаты. В правоотношении с облигациями, влияющими на социальную сферу, плательщиком результатов является правительство, в то время как в правоотношении с облигациями, связанными с воздействием на развитие, плательщиком результатов является спонсор¹. Сам термин «Social impact Bond» был первоначально введен Джеффом Малганом, исполнительным директором фонда «Янг» (Young – (англ.))².

Во всем мире обозначенные облигации являются средствами социальной политики. В январе 2012 года Школой Кеннеди Гарвардского университета была создана организация «Инстиглио» («Instiglio» – англ.) – первый специализированный посредник для развития SIB и DIB в развивающихся странах. На своем сайте организация ведет всемирный список стран, развивающих социальные облигации, среди них: Великобритания, США, Австралия, Бельгия, Германия и др.³. Согласно статистическим данным, в 2016 году было разработано более 56 SIB (31 в Великобритании, 11 в США, 8 в Европе, 3 в Австралии, 2 в Канаде и 1 в Израиле) и два DIB; 60 из них находятся в процессе переговоров, половина из которых – в развивающихся странах. Несмотря на то, что большинство

¹ См.: What is an impact bond? // Сайт добровольческой организации «Instiglio». URL: <http://www.instiglio.org/en/impact-bonds/> (дата обращения 25.04.2017).

² См.: Социальные облигации «Social impact Bonds» и облигации для ускорения развития «Development Impact Bonds» // Официальный сайт некоммерческой компании Evolution & Philanthropy. С. 2. URL: <https://qps.ru/Hd1kN> (дата обращения 25.04.2017).

³ См.: What is an impact bond? Op. cit.

SIB имеют стоимость менее 5 млн долл. США, их размер может достигать более 30 млн долл. США¹.

Указанный предпринимательно-правовой инструмент позволяет частным инвесторам использовать капитал для общественных проектов, обеспечивающих социальные и экологические результаты. Если проект будет успешным, вложенные средства инвесторов погашаются правительством (Social Impact Bonds) или агентством по оказанию помощи, или другим спонсором филантропической направленности (Development Impact Bond), что впоследствии оставляет надежду на выплату процентов. Если проект «проваливается», проценты и часть капитала теряются. Следовательно, инвесторы поддерживают социальные проекты и выигрывают в финансовом плане, когда достигаются поставленные цели и результаты. Этот подход также упоминается в зарубежной литературе как «плата за успех».

Как видно из приведенного выше описания, название «облигация» является не совсем правильным, поскольку социальные облигации не похожи на традиционные облигации – долговые ценные бумаги, которые позволяют держателю получать фиксированный процент от номинальной стоимости до срока погашения. По своему содержанию социальные облигации больше приближены к инвестициям в акционерный капитал, которые выплачиваются только на основе достигнутых результатов.

Правоотношения в сфере социальных облигаций представляют собой один из инструментов государственно-частного партнерства, в котором один или несколько инвесторов предоставляют «авансовый» капитал для реализации общественных проектов. Правительство страны в лице государственного фонда или агентства заключает с посредником (спонсором проекта) договор на реализацию социального или экологического проекта в обмен на обещание выплаты, зависящее от социальных результатов,

¹ См.: Social and Development Impact Bonds // Сайт Программы развития Организации Объединенных наций. URL: <http://www.undp.org/content/sdfinance/en/home/solutions/social-development-impact-bonds.html> (дата обращения 25.04.2017).

достигнутых проектом. Посредник привлекает капитал для проекта за счет инвесторов. Инвесторами, как правило, выступают фонды, например, CAF Ventruesome, фонд Impetus Private Equity, фонд семьи Шмидта, Bridges Ventures, Big Issue Invest, FSE Group или банки, например, Goldman Sachs, Bank of America, или физические лица. Иногда также задействуются гаранты – третья сторона, которая вносит свой вклад в партнерство, предлагая гарантию займа, часто в качестве гранта, для снижения рисков инвестора. Некоторые из первых SIB в США имели таких гарантов, как Bloomberg Philanthropies и The Rockefeller Foundation. Затем спонсор заключает контракт с поставщиком услуг для достижения результатов проекта. Если цели проекта не будут выполнены, правительство не заплатит, и инвесторы потеряют часть или весь свой капитал. Если проект будет успешным, правительство выплатит вознаграждение с процентами посреднику и инвесторам. Также в указанном партнерстве есть независимый оценщик, который делает выводы по результатам программы и менеджер программы, который координирует заинтересованные стороны, проектирует, структурирует и реализует проект¹.

Целями создания такого государственно-частного партнерства являются:

- 1) Привлечение инвестиций в сферу воздействия с измеримыми социальными и экологическими результатами;
- 2) Предоставление доступа к капиталу для общественных проектов, особенно для превентивных и природоохранных мер;
- 3) Обеспечение большей уверенности в доходах при реализации общественных проектов;
- 4) Создание результативности и гарантированности в рациональном расходовании государственных ресурсов.

¹ См.: Alex Parkinson. Making sense of Social impact Bonds for companies. P. 3. URL: <https://www.conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TCB-GT-V1N13-Social-Impact-Bonds1.pdf&type=subsite> (дата обращения 25.04.2017).

Кроме того, в отличие от других моделей государственно-частного партнерства, в социальном партнерстве: а) финансирование предоставляется авансом, а не тогда, когда достигаются результаты; б) менеджеры финансируемых проектов должны сообщать о результатах проекта, предоставляя поставщикам услуг большую гибкость для итерации в целях повышения эффективности. Таким образом, первоначальная необходимость внедрения SIB обосновывалась необходимостью поддержания проектов, которые, в случае успеха, привели бы к экономии затрат для правительства – достаточно больших для погашения первоначальных инвестиций (капитал плюс проценты).

Первый SIB был запущен в Великобритании для финансирования реабилитации бывших заключенных из тюрьмы в Питерборо и сокращения рецидивизма. Спонсор привлек 17 инвесторов, инвестиции которых в проект составили около 17 млн долл. США. Основное внимание уделялось оказанию поддержки в удовлетворении неотложных потребностей правонарушителя и семьи до и после освобождения из тюрьмы, включая жилье, медицинские услуги, поддержку семьи, трудоустройство и профессиональную подготовку, льготы и финансовые консультации. По условиям договора, инвесторы получают проценты в размере от 2,5% до 13% от Министерства юстиции и «Большого лотерейного фонда», если программа снизит уровень рецидива не менее чем на 7,5%. Результаты для первой группы заключенных показали сокращение на 8,4%¹.

Два года спустя аналогичный инструмент был запущен для финансирования реабилитации молодежи в тюрьме Райкерс-Айленд в Нью-Йорке. Этот проект был профинансирован займом в размере 9,6 млн долл. США, предоставленным Goldman Sachs Urban Investment Group, а также

¹ См.: Social Impact Bonds in Estonia // Анализ проекта «Подготовительные действия для запуска в Эстонии облигация социальных действий». URL: <https://www.social-enterprise-finance.eu/sites/default/files/Final%20Report%20and%20Lessons%20Learned.pdf> (дата обращения 06.05.2017).

гарантией Bloomberg Philanthropies на сумму 7,2 млн долл. США. По условиям контракта, облигация должна была быть погашена Нью-Йорком, если рецидивизм уменьшится, по меньшей мере, на 10%. Однако проект не принес ожидаемых результатов, поэтому город не осуществил выплат инвесторам¹.

Модель SIB предлагает финансовые стимулы и структурированный подход для оценки проектов и измерения результатов. Тем не менее, достижение эффекта все еще зависит от бизнес-плана финансируемых проектов. Правительству, посреднику, инвесторам и поставщикам услуг необходимо согласовать временные рамки и показатели эффективности. В приведенном выше примере этот показатель – сокращение критического рецидивизма на определенное количество процентов. Проекты могут содержать более одного показателя эффективности. Следовательно, риск проекта частично или полностью передается частным инвесторам.

Очень важной тенденцией является адаптирование SIB для оказания помощи в программах, в которых плательщик выступал в качестве донорского агентства вместо правительства, то есть речь идет о DIB. В развивающихся странах государственные органы могут оказаться не в состоянии оплачивать улучшенные социальные / экологические результаты и должны полагаться на внешнюю помощь. Хотя несколько DIB находятся на продвинутой стадии проектирования, только два из них были завершены: один – в Индии по образованию детей, другой – в Перу по устойчивому производству кофе и какао (последний, по инициативе Фонда тропического леса Великобритании, Общего фонда для сырьевых товаров и Фонда семьи Шмидта, поддерживает различными средствами существование коренных народов и сохранение тропических лесов в Перуанской Амазонии). Кроме того, британский Департамент международного развития работает над DIB

¹ См.: Social and Development Impact Bonds. Op. cit.

для борьбы с «сонной болезнью» в Уганде. Наконец, ПРООН, Глобальный экологический фонд, Лондонское зоологическое общество и другие партнеры разрабатывают многостраничный DIB для сохранения носорогов в Африке и Азии. В рамках этой инициативы будет опробован инновационный механизм оплаты за работу с целью улучшения охраны носорогов на отдельных участках в Южной Африке, Кении и Непале. Множество инвесторов, вкладывающих средства в лечение диабета, инвестируют в улучшение услуг клиник по управлению диабетом для работы с конкретным населением высокого риска. В течение 4 лет правительство Мексики платит инвесторам за каждого человека, который успешно контролирует свой диабет, предотвращая осложнения здоровья и экономя деньги для правительства.

Таким образом, создание SIB может осуществляться в 6 шагов:

1. Формирование государственно-частного партнерства по приоритетной тематической области. Правительство в первую очередь определяет желаемые социальные или экологические результаты, которые должны быть приоритетными;
2. Разработка подробной информации о проекте и результатах. Посредник работает с правительством и поставщиком услуг, чтобы спроектировать шкалу критериев (метрику) успеха;
3. Мобилизация капитала. Посредник привлекает капитал от инвесторов. Он также может привлекать третьих лиц для предоставления частичной гарантии инвесторам;
4. Предоставление услуг. Поставщик услуг выполняет проект. Посредник отвечает за надзор, управление эффективностью, корректировки курса, управление финансами и отношения с инвесторами;
5. Подтверждение результатов. Независимый оценщик измеряет результаты, достигнутые проектом, на основе заранее определенного показателя;

6. Деблокирование платежа. В случае успеха и на основе результатов оценки правительство выплачивает авансовый капитал плюс проценты.

Если проект не достигает своих результатов, оплата не производится.

Прибыль от инвестиций для большинства SIB устанавливается в диапазоне, который ниже 7,5% (возможно, до 2%). Однако структура SIB обычно позволяет инвесторам получать более высокие процентные ставки или премии, если проект является особенно успешным. До настоящего времени максимальная внутренняя норма доходности составляла 13% для SIB Питерборо и 12,5% для SIB штата Нью-Йорк¹.

В целях стимулирования инноваций в сфере предоставления государственных услуг Соединенное Королевство создало фонды долгосрочных облигаций (т.е. «Инновационный фонд» и «Честный фонд») для финансирования большего количества SIB. Также в Соединенном Королевстве Правительство (кабинет Министров и «Большой лотерейный фонд») учредили два фонда – «Фонд социальных результатов» (20 млн фунтов стерлингов) и «Фонд более выгодных результатов» (40 млн фунтов стерлингов) – для непосредственной поддержки развития SIB. Эти средства помогают оплатить часть вознаграждения по результатам проектов (около 20%) для SIB.

Что касается правового регулирования указанных облигаций, то оно варьируется от страны к стране в зависимости от того, как закон трактует гибридные инвестиции и выдачу займов. В Российской Федерации пока отсутствуют такие облигации, но почва для их появления подготавливается. Так, с 1 января 2016 года вступил в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно его статье 3,

¹ Ibid.

государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества. Такой подход, изложенный в нормативном правовом акте, соответствует зарубежной практике.

Однако указанные облигации имеют ряд недостатков и сложности в процессе реализации. Они требуют поддающихся проверке количественных показателей, которые трудно получить по ряду проектов. Сложная структура переговоров, координации и реализации создает сравнительно высокие административные издержки. Серьезной трудностью является выбор социальной деятельности, в рамках которой осуществляется реализация облигации социального воздействия: неправильный подход может создать большие убытки на стороне посредника¹.

Вместе с тем, положительным моментом в развитии данного социально-предпринимательского инструмента является механизм распределения рисков, когда правительство передает риск выполнения проекта частным инвесторам. Указанное решение позволяет наиболее ответственно и обоснованно подходить к решению поставленных задач и, как показывает практика, является эффективным способом решения множества социальных проблем, а также средством раскрытия потенциала социального

¹ См.: Social impact bonds. Private finance that generates social returns // Результаты брифинга Европарламента. Август 2014. Р. 6. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/538223-Social-impact-bonds-FINAL.pdf> (дата обращения 26.04.2017).

предпринимательства. В качестве экспериментального проекта возможно использовать социальные облигации как средство поддержки социального предпринимательства в различных субъектах Российской Федерации.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать следующий вывод.

В целях совершенствования российской правоприменительной практики поддержки субъектов социального предпринимательства, представляется перспективным обращение к британскому правоприменительному опыту – к использованию, наряду с традиционными правовыми формами поддержки (финансовой, имущественной, консультационной, информационной), социально-предпринимательского правового инструментария (облигаций социального воздействия: социальных облигаций типов SIB и DIB). Соглашение о выплате дивидендов по облигациям социального воздействия заключается между сторонами государственно-частного партнерства: субъектом социального предпринимательства, инвестором, независимым экспертом, государством (менеджером программы). По правовой природе социальные облигации в большей степени приближены к инвестициям в акционерный капитал, которые выплачиваются только на основе достигнутых результатов, а не к ценным бумагам. Достоинство этой правовой формы оптимизации взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства заключается в возможности расходования бюджетных средств после оценки степени воздействия на решение конкретной социальной проблемы. Оценку перспективности данного социально-предпринимательского правового средства рекомендуется осуществить в виде экспериментального пилотного проекта в нескольких регионах РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования выявлено, что отсутствие легальной дефиниции социального предпринимательства, нормативно определенного правового положения субъектов социального предпринимательства, четких критериев их государственной поддержки тормозят развитие предпринимательской деятельности в социальной сфере, что в целом негативно сказывается на качестве жизни российских граждан. Предпринимаемая попытка решения данной проблемы, путем внесения изменений в различные федеральные законы, не учитывает в полной мере передовой зарубежный правоприменительный опыт социального предпринимательства. Нормативная фиксация правового положения субъектов социального предпринимательства наиболее оптимальна в специальном Федеральном законе «О социальном предпринимательстве» с учетом тенденций развития европейских (итальянской и британской), американской и южнокорейской правовых моделей социального предпринимательства, зарубежного опыта определения статуса субъекта социального предпринимательства и условий его государственной поддержки.

С учетом зарубежной правоприменительной практики к субъектам социального предпринимательства следует относить индивидуальных предпринимателей, негосударственные коммерческие или некоммерческие организации (социальных предпринимателей), осуществляющих социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей посредством трудовой интеграции и (или) оказания социально значимых услуг лицам, относящимся к социально незащищенным категориям граждан, при которой получение прибыли вторично, а приоритетность достижения социального эффекта является обязанностью, а не правом, как для других субъектов социально-ответственного

предпринимательства, не занимающихся социальным предпринимательством.

В зависимости от акцентов нацеленности на решение социальных проблем субъекты социального предпринимательства могут быть дифференцированы на социально-ориентированные организации: социально-трудовой интеграции и общественной пользы.

Определены современные мировые тенденции в сфере развития социального предпринимательства, ориентированные на принятие самостоятельных специальных законов и (или) внесение изменений в действующее законодательство, являющихся правовой формой выражения легальной дефиниции субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя), закрепления порядка приобретения (утраты) и критериев его правового статуса как условий, предоставляющих право на государственную поддержку.

Выявлены в мировой правоприменительной практике наиболее распространенные способы легализации субъекта социального предпринимательства путем:

1) предоставления статуса социального кооператива как коммерческим, так и некоммерческим, социально ориентированным организациям, отвечающим определенным в законодательстве критериям, вне зависимости от организационно-правовой формы (большинство европейских стран);

2) негосударственной рейтинговой сертификацией социально ориентированных, преимущественно некоммерческих организаций вне зависимости от организационно-правовой формы и государственной регистрацией специальных организационно-правовых форм осуществления социально-предпринимательской деятельности: низкодоходные корпорации с ограниченной ответственностью, социальные корпорации (США),

некоммерческие общества с ограниченной ответственностью (Германия, Австрия);

3) предоставления статуса корпорации (компании) общественных интересов социально ориентированным коммерческим юридическим лицам, реинвестирующим часть прибыли на социальные цели (Великобритания, Канада);

4) закрепления статуса «социального предприятия», отвечающего определенным в законодательстве общественно значимым критериям, прошедшего государственную сертификацию организаций (Южная Корея).

Общая закономерность развития законодательства зарубежных стран, регламентирующего правовое положение субъектов социального предпринимательства, проявляется в том, что данные субъекты вне зависимости от способа легализации и различий критериев определения статуса органично сочетают признаки как коммерческих, так и некоммерческих организаций, трансформируясь в гибридные социально-предпринимательские организации. К предпринимательским признакам субъектов социального предпринимательства относятся: непрерывная предпринимательская деятельность по производству (оказанию) общественно полезных товаров и (или) услуг; высокая степень самостоятельности и независимости от органов государственной власти; рисковый и инициативный характер общественно полезной деятельности. К некоммерческим признакам относятся: решение социальных проблем (общественная полезность) как основная цель деятельности; соблюдение социально-предпринимательских принципов солидарности и ответственности; свободное и добровольное членство; демократический процесс принятия решений и контроля над членами; ограничение распределения прибыли в общественных интересах.

Выявлены и оценены критерии предоставления субъекту социального предпринимательства статуса «социального кооператива» и условий его

государственной поддержки, правовой моделью которого признается итальянский социальный кооператив. Достоинство подхода заключается в том, что данный статус может получить любая коммерческая и некоммерческая организация, взявшая на себя социально-предпринимательскую миссию, отвечающая требованиям, влияющим на определение типа социального кооператива: «А» – социально-трудовой интеграции (трудоустройство, с гарантированным минимальным размером заработной платы, не менее 50% от численности лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации); «В» – общественной пользы (преимущественное оказание социально значимых услуг); «А+В» – смешанного типа. В каждом из трех типов кооперативов регламентировано количество волонтеров, имеющих легальный статус; ограничение размера распределения прибыли в общественных интересах; обязательное отчисление в государственный гарантийный фонд поддержки социального предпринимательства (до 3% прибыли), способствующее развитию гражданского общества. Реализация данного подхода способствует мобилизации внутреннего потенциала для самостоятельного решения социальных проблем наименее защищенных слоев населения и обеспечивает им достойный уровень жизни.

Критически оценен американский правоприменительный опыт легализации субъекта социального предпринимательства в США посредством присвоения статуса «B corporation» – «общественно полезной корпорации». Достоинство этого опыта заключается в универсализации подхода, учитывающего интересы в соответствии с социально-предпринимательской идеологией как социализированных коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, вне зависимости от их организационно-правовых форм.

Доказано, что легализация специальной социализированной организационно-правовой формы юридического лица как альтернативного решения без определения в целом правового положения субъекта

социального предпринимательства, не может достичь ожидаемого эффекта. Данную конструкцию следует рассматривать в качестве дополнительного правового инструмента решения социальных проблем.

Выявлено, что американская негосударственная рейтинговая сертификация присвоения статуса субъекта социального предпринимательства при всех ее несомненных достоинствах оценки социального и экологического общественного воздействия, отвечающая строгим критериям в области социальной ответственности, воздействия на окружающую среду, прозрачности и управления, в настоящее время не приемлема для России ввиду доминирования государства в социальной сфере, неразвитости некоммерческого сектора и инфраструктуры его поддержки частными благотворительными фондами. Вместе с тем идеи, содержащиеся в критериях оценки социального и экологического воздействия субъекта социального предпринимательства, могут быть востребованы при совершенствовании российской концепции развития публичной нефинансовой отчетности для определения ценности вклада в общественное развитие российских организаций.

Оценены достоинства критериев предоставления статуса корпорации общественной пользы субъекту социального предпринимательства, правовое положение которого строится на основе использования модели британской компании общественных интересов. Достоинства статуса корпорации общественной пользы, который может приобрести любое хозяйственное общество, закрепившее в уставе в качестве основного вида деятельности оказание социально значимых (общественно полезных) услуг, заключаются в эффективной правовой политике ограничений и стимулов социально-предпринимательской деятельности. Жесткий публичный контроль, состоящий из системы правовых запретов нецелевого использования имущества корпорации и распределения прибыли без учета общественных интересов, способствует установлению баланса между общественными и

частными интересами. Гибкое корпоративное управление и контроль (в органах управления коллегиально взаимодействуют представители инвесторов, потребителей социально значимых услуг, местного самоуправления) позволяют эффективно оценить качество услуг и степень общественной пользы. Требование об обязательном реинвестировании 66% прибыли в развитие общественно полезной сферы представляется более продуманным, чем в российской нормотворческой практике подходом, основанном на перечислении социально значимых видов предпринимательской деятельности.

Установлено, что достоинством южнокорейского подхода, интегрировавшего в долгосрочную государственную программу поддержки социального предпринимательства положительный британский и итальянский правоприменительный опыт, а также опыт сертификации социально-предпринимательских организаций США, является принятие в развитие программы специального национального закона о поддержке социального предпринимательства и ряда Постановлений Правительства, поскольку сертифицированные субъекты социального предпринимательства вправе претендовать на государственное стимулирование – субсидии на развитие бизнеса, финансирование уставного капитала, льготные кредиты сроком до 8 лет с процентной ставкой на 2,5% – 3% ниже официальной банковской, налоговые льготы, компенсацию расходов на заработную плату в течение двух лет, преимущественную закупку товаров и услуг для государственных нужд, безвозмездное консультирование. За несоблюдение требований законодательства предусмотрены правовые ограничения в виде административной (аннулирование сертификации, применение штрафов и т.д.) и уголовной ответственности.

В целях дальнейшей легализации в законодательстве Российской Федерации, с учетом достоинств зарубежного правоприменительного опыта, разработаны критерии правового статуса субъекта социального

предпринимательства как условий, предоставляющих право на государственную поддержку. Обосновано, что статус «субъекта социального предпринимательства (социального предпринимателя)» целесообразно предоставлять уполномоченным региональным органом по результатам проведенной государственной сертификации при выполнении одного из следующих условий:

1) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым такие услуги оказаны, составляет не менее 50%;

2) обеспечивается занятость лиц из социально незащищенных категорий граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда работников составляет не менее 25%;

3) основным уставным видом деятельности субъекта социального предпринимательства является предоставление (оказание) социально значимых услуг, а доля лиц, относящихся к социально незащищенным категориям граждан, среди всех лиц, которым оказаны такие услуги, составляет не менее 30% и при этом одновременно обеспечивается занятость социально незащищенных граждан, среднесписочная численность которых среди всех работников составляет не менее 30%, а доля волонтеров – не менее 10%.

Государственную поддержку субъектов социального предпринимательства – коммерческих корпоративных организаций – целесообразно предоставлять при условии обязательного реинвестирования в решение социально значимых проблем не менее 66% прибыли организации.

В случае, если деятельность субъектов социального предпринимательства обладает высокой социальной значимостью, но

частично не отвечает установленным критериям, федеральный уполномоченный орган вправе присвоить статус «субъекта социального предпринимательства» в индивидуальном порядке по предложению регионального уполномоченного органа по поддержке социального предпринимательства.

Обоснованно, что наряду с традиционными правовыми формами (финансовой, имущественной, консультационной, информационной) поддержки следует высоко оценить британский правоприменительный опыт поддержки социального предпринимательства с использованием облигаций социального воздействия (социальных облигаций), в связи с тем, что соглашение о выплате дивидендов по облигациям социального воздействия заключается между сторонами государственно-частного партнерства – субъектом социального предпринимательства, инвестором, независимым экспертом, государственным органом (менеджером программы). По правовой природе социальные облигации в большей степени приближены к инвестициям в акционерный капитал, которые выплачиваются только на основе достигнутых результатов, а не к ценным бумагам. Достоинство этой правовой формы оптимизации взаимодействия некоммерческого сектора, бизнеса и государства заключается в возможности расходования бюджетных средств при оценке степени воздействия на решение конкретной социальной проблемы. Оценку перспективности данного социально-предпринимательского правового средства рекомендуется осуществить в виде экспериментального пилотного проекта в нескольких регионах Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Международные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 05.04.1995, № 67; Российская газета, 10.12.1998.
2. Декларация о правах инвалидов (принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975) // Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения 29.08.2015).
3. Декларация о праве на развитие (принята резолюцией 41/128 на 97-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.1986) // Веб-сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения 29.08.2015).
4. Европейская социальная хартия // Бюллетень международных договоров, 2010, № 4.
5. Резолюции 56/38 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.2001 г. «Рекомендации о поддержке добровольчества» // Веб-сайт ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/478/83/PDF/N0147883.pdf?OpenElement> (дата обращения 29.08.2015).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

6. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета, 25.12.1993, № 237.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета, 08.12.1994, № 238-239.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета, 06.08.1998, № 148-149.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ, 2000, № 32, Ст. 3340.
10. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ // СЗ РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3340.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 05.02.2018 г. № 15-ФЗ // СЗ РФ, 12.02.2018, № 7, ст. 975.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ // Российская газета, 07.04.2010, № 72.
13. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ, 19.07.1999, № 29, ст. 3699.
14. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ // Российская газета, 17.07.2015, № 156.
15. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ // Российская газета, 06.05.2011, № 97.
16. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ // Российская газета, 24.01.1996, № 14.
17. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ // Российская газета, 31.07.2007, № 164.
18. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ // Российская газета, 31.12.2002, № 245.

- 19.** Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ, 16.02.1998, № 7, ст. 785.
- 20.** Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ // СЗ РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 7007.
- 21.** Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ // Российская газета, 19.12.1995, № 243 (утратил силу).

Подзаконные нормативно-правовые акты

- 22.** О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера): Указ Президента РФ от 06.12.2017 г. № 583 // СЗ РФ, 11.12.2017, № 50 (ч. III), ст. 7598.
- 23.** Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2012 году предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2012 г. № 223 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/FAHNC> (дата обращения 30.07.2015).
- 24.** Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 24.04.2013 г. № 220 (ред. от 16.05.2013) // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/RxGe9> (дата обращения 30.07.2015).
- 25.** Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2014 году предоставляются субсидии из

федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 01.07.2014 г. № 411 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/4Mbsk> (дата обращения 30.07.2017).

26. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // СЗ РФ, 24.11.2008, № 47, Ст. 5489.

27. Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 г. № 876-р // СПС Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/49565.html> (дата обращения: 10.07.2017).

28. Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания: постановление Правительства РФ от 27.10.2016 г. № 1096 // СПС Гарант. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/978702/#ixzz4OwzMsf1> (дата обращения 25.03.2017).

29. Об утверждении стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 05.09.2015 г. № 1738-р // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://qps.ru/uEohb> (дата обращения 16.12.2016).

30. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»): Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р // СЗ РФ, 13.06.2016, № 24, Ст.3549.

31. Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального

бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2015 г. № 167 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://qps.ru/7AWC6> (дата обращения 30.07.2017).

32. План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 годы)», утвержден приказом Министерства труда социальной защиты РФ от 30.04.2014 г. № 282 // СПС Консультант Плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;n=547494;req=doc> (дата обращения: 10.07.2017).

33. План мероприятий («дорожная карта») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утвержден распоряжением Правительства РФ от 08.06.2016 г. № 1144-р // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199767/ (дата обращения: 10.07.2017).

34. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 01.12.2016 г. // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 17.03.2017).

35. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. // Российская газета, № 46, 02.03.2018.

36. О мерах имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендующих объекты нежилого фонда, находящиеся в имущественной казне города Москвы: Постановление Правительства Москвы от 25.12.2012 г., № 800-ПП [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения 10.04.2017).

Муниципальные нормативные акты

37. Об утверждении Положения «О порядке предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на создание собственного дела (грантовая поддержка): Постановление Главы администрации города Твери от 02.12.2009 г. № 3352 // Официальный сайт Администрации г. Твери. URL: <http://www.tver.ru/share/about/econom/2014/09/21032.docx> (дата обращения 25.04.2017).

Законопроекты, пояснительные записки и поправки

38. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части формирования правовых основ государственной поддержки социального предпринимательства)»: Проект Федерального закона № 624513-6 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://goo.gl/cVCH1a> (отклонен 08.12.2017) (дата обращения 05.01.2018).

39. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в части формирования правовых основ государственной поддержки социального предпринимательства)»: Проект Федерального закона № 843126-6 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=843126-6> (не действует с 14.03.2016) (дата обращения 06.08.2016).

40. О добровольчестве (волонтерстве): Проект Федерального закона № 300326-6 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=300326-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=300326-6) (отклонен 21.02.2018) (дата обращения 25.02.2018).

41. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего

предпринимательства в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/\\$FILE/624513-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BD18528F05CBDC2643257D73003110E0/$FILE/624513-6.PDF?OpenElement) (дата обращения 05.06.2016).

42. Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов к отклонению. Приложение 2 к проекту ФЗ № 249303-6 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBBB86A143257C440050E608](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&arhiv/a_dz_6.nsf/ByID&067D7384EBBB86A143257C440050E608) (дата обращения: 07.07.2017).

Иностраные нормативные правовые акты

43. Конституция республики Италия // Официальный сайт Правительства республики Италия. URL: <http://www.governo.it/costituzione-italiana/principi-fondamentali/2839> (дата обращения 07.03.2017).

44. Конституция республики Южная Корея // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL: <http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng?pstSeq=54794> (дата обращения 07.03.2017).

45. Codice Civile Italiano (Гражданский кодекс Италии) // Поисковая нормативно-правовая база Италии. URL: <http://www.leggeonline.info/codicecivile/> (дата обращения 07.03.2017).

46. Companies (Audit, Investigations and Community Enterprise) Act 2004 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/27/contents> (дата обращения 01.06.2015).

47. Companies Act 2006 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL:

<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения 01.06.2015).

48. Decreto Legislativo 24.03.2006 «Disciplina dell'impresa sociale, a norma della legge 13 giugno 2005, n. 118» // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2006-04_27&atto.codiceRedazionale=006G0176¤tPage=1 (дата обращения 07.03.2017).

49. Delega al Governo concernente la disciplina dell'impresa sociale, 13.06.2005, № 118 // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2005-07-04&atto.codiceRedazionale=005G0147> (дата обращения 07.03.2017).

50. Disciplina delle cooperative sociali, 8.11.1991, № 381 // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1991-12-03&atto.codiceRedazionale=091G0410¤tPage=1> (дата обращения 07.03.2017).

51. Enforcement decree of the social enterprise promotion act // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL: http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng;jsessionid=INt1NAb0Aq1f4LcoAMM2ZUZMA0V1N25AGtfPIDGSqczeb6PK9DNo1QUAVkmbK1wj.moleg_a2_servlet_engine2?pstSeq=57938&brdSeq=33&pageIndex=7 (дата обращения 15.04.2017).

52. Nuove norme in materia di societa' cooperative, 31.01.1992, № 59 // Итальянский портал законодательства «NORMATTIVA». URL: <http://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=1992-02-07&atto.codiceRedazionale=092G0082> (дата обращения 07.03.2017).

53. Social Enterprise Promotion act 03.01.2007 // Официальный сайт Министерства государственного законодательства Южной Кореи. URL:

http://www.moleg.go.kr/english/korLawEng;jsessionid=1CCeUcprlMjfwEKQrFEImRYSg1bkIlhA4vn5joclJay8114X6aavvE3lxohnm1Nw.moleg_a2_servlet_engine2?pstSeq=57937&pageIndex=7 (дата обращения 15.04.2017).

54. The Community Interest Company Regulations 2005 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2005/1788/contents/made> (дата обращения 01.06.2015).

55. Zakon o socialnem podjetništvu. // Официальный вестник республики Словения. URL: <https://www.uradni-list.si/glasilo-uradni-list-rs/vsebina/102703> (дата обращения 07.03.2017).

Судебные акты

56. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5.03.2009 г. № 376-О-П «По жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017).

57. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.1997 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года» [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017).

58. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2016 г. по делу № А47-4615/2011 [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017).

59. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2013 г. по делу № А51-26760/2012 [Электронный ресурс]. –

Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения 10.04.2017).

Монографии и учебные издания

60. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 464 с.
61. Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2012. 328 с.
62. Барков А.В. Цивилистическая концепция правового регулирования рынка социальных услуг. М.: ИГ Юрист, 2008. 494 с.
63. Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепции социального предпринимательства с учетом возможности его применения в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 84 с.
64. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.
65. Гришина Я.С. Механизм взаимодействия частных и публичных правовых средств обеспечения социально-имущественных потребностей в условиях моделирования юридической конструкции социального предпринимательства / под ред. проф. Н. А. Баринова. Саратов: Слово, 2014. 476 с.
66. Гришина Я.С. Публично-правовые средства обеспечения социально-имущественных потребностей в механизме правового регулирования социального предпринимательства / под ред. проф. Н.А. Баринова. Саратов: изд-во «Слово», 2013. 312 с.
67. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юристъ, 2006. 320 с.
68. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
69. Каутский Карл. Этика и материалистическое понимание истории (опыт исследования). Серия: Размышляя о марксизме. М.: УРСС, 2003. 136 с.

- 70.** Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
- 71.** Кицай Ю.А. Правовое обеспечение конкурентоспособности негосударственных организаций в социальной сфере. М.: Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2016. 240 с.
- 72.** Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития. Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2015. 150 с.
- 73.** Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма, ИНФРА, 2011. 240 с.
- 74.** Лепихов М.И. Право и социальная защита населения в России (социальное право). М.: Былина, 2000. 696 с.
- 75.** Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с.
- 76.** Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2004. 248 с.
- 77.** Матузов Н.И. Личность, права, демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.
- 78.** Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 3-е изд. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. 528 с.
- 79.** Нерсесянц В.С. Теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма, 2001. 272 с.
- 80.** Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 992 с.
- 81.** Ручкина Г.Ф. Социальное обслуживание населения в Российской Федерации: совершенствование правового регулирования: Монография / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2017. 182 с.

82. Социальное предпринимательство в России и мире: практика и исследования / Отв. ред. А.А. Московская; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 284 с.

83. Талапина Э.В. Публичное право и экономика: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2011. 520 с.

Статьи, методические материалы

84. Антонова А.Ю. Великобритания: новый закон о компаниях. Основные новеллы, практика применения // Управление корпоративными финансами. 2010. № 4. С. 224-234.

85. Балашов А.Е. Предпринимательская деятельность в сфере образования // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 453-457.

86. Барков А.В. Европейские тенденции социализации экономики и права в развитии германского и российского законодательства о юридических лица // Юстиция. № 2. 2015. С.74-79.

87. Барков А.В. Корпоративно-правовое обеспечение защиты конкуренции и конкурентоспособности на рынке социальных услуг // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2016. № 4 (68). С. 41-48.

88. Барков А.В., Лескова Ю.Г. Исполнитель общественно полезных услуг: повысит ли новый правовой статус некоммерческих организаций их конкурентоспособность на рынке социальных услуг? // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2016. № 2. С. 75-81.

89. Барков А.В. О некоторых тенденциях развития российского законодательства о социальном предпринимательстве // Пятый пермский международный конгресс ученых юристов. Материалы Международной

научно-практической конференции. Отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2014. С. 56-58.

90. Барков А.В. О социальной значимости и актуальности легализации дефиниции «социальное предпринимательство» в российском законодательстве (Мнение эксперта) // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 1. С. 67-69.

91. Барков А.В. Реализация конституционного принципа построения социального государства при совершенствовании российского гражданского законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 80-84.

92. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социальных услуг в сфере развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 33. С. 268-280.

93. Барков А.В. Социализация права как фактор влияния на развитие законодательства о вещных правах // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1 (2). С. 12-15.

94. Белых В.С. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 42-47.

95. Богданов Д.Е. Социализация гражданско-правовой ответственности как направление совершенствования действующего законодательства // Актуальные проблемы правоведения. 2008. № 2. С. 83-88.

96. Братющенко С.В. Социальная ответственность предпринимательства (обзор концепций). Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 2005. С. 166-178.

97. Буянов В.П., Гришина Я.С. К вопросу о механизме правового обеспечения социального предпринимательства: методологический аспект //

Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 4 (64). С. 44-52.

98. Васильчук И.П. Социальные предприятия: особенности организационно-правового устройства и финансирования // Бизнесінформ. 2014. № 8. С. 61-65.

99. Войнова О.А., Козлова О.А. Эволюция концепции социального предпринимательства // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. № 1. С. 102-112.

100. Гришина Я.С. Американский и европейский опыт социального предпринимательства: сравнительно-правовая характеристика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2013. № 2. С. 60-61.

101. Гришина Я.С. Британская компания общественных интересов (Community Interest Company) как оптимальная модель социального предприятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 187-192.

102. Гришина Я.С. Зарубежный опыт правового обеспечения социального предпринимательства и его влияние на развитие российского законодательства о поддержке малого и среднего бизнеса // Право и бизнес: Конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 396-404.

103. Гришина Я.С. Инновационно-правовое регулирование поддержки социального предпринимательства в сфере среднего и малого бизнеса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 63-69.

104. Гришина Я.С. О поддержке субъектов малого и среднего бизнеса в области социального предпринимательства: мнение эксперта о достоинствах

и недостатках законопроекта // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. № 1 (61). С. 70-77.

105. Гришина Я.С. Перспективы и предпосылки легализации социального предпринимательства в России // Сборник: Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов Сборник научных статей. Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. Пермь, 2017. С. 361-369.

106. Гришина Я.С. Перспективы реализации концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства: концепция Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» // Предпринимательское право. Приложение к журналу. М.: Юрист, 2016. № 1. С. 34-39.

107. Гришина Я.С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 111-121.

108. Губин Е.П. Правовая политика в сфере рыночной экономики: теория и практика // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2012. № 6. С. 23-36.

109. Ермолова О.Н. Разграничение предпринимательской и приносящий доход деятельности: субъектный состав и правовое регулирование // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 40-46.

110. Занковский С.С. Социальное предпринимательство как средство государственного регулирования торговой деятельности // Коммерческое право. 2015. № 1 (том 16). С. 5-9.

111. Киварина М.В. Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. 2011. № 23. С. 116-121.

112. Кицай Ю.А. Европейские тенденции социализации корпоративных организаций и их влияние на развитие корпоративного законодательства // Молодой Ученый. 2015. № 19 (99). С. 491-496.

- 113.** Кицай Ю.А. Новый статус некоммерческих организаций как исполнителей общественно полезных услуг // Успехи современной науки и образования. 2016. № 5. Т. 2. С. 90-94.
- 114.** Кицай Ю.А. Особенности правового положения социальных корпоративных организация в Азии: социально-предпринимательский аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 195-201.
- 115.** Кицай Ю.А. Особенности правового положения социальных корпоративных организаций США и Канады в сравнении с европейским опытом // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 496-499.
- 116.** Кицай Ю.А. Предпринимательские и непредпринимательские организации: вопросы терминологии и классификации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 206-210.
- 117.** Кицай Ю.А. Развитие принципов кооперативной формы хозяйствования в российском законодательстве // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 118-121.
- 118.** Комкова Г.Н. Правовые проблемы взаимодействия органов власти и предпринимательских структур в социальной сфере // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 48-52.
- 119.** Лебедева И.С. Концепция социального предпринимательства в контексте современной российской действительности // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 344 (март). С. 62-64.
- 120.** Лескова Ю.Г. Некоммерческие корпорации в гражданском праве: проблемы теории и практики // Право и бизнес: Конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности. Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 126-133.

- 121.** Луценко И.А. Концепция социальной экономики в современных реалиях // Экономика и предпринимательство. № 12 (ч. 2). 2013. С. 85-87.
- 122.** Малиновская В.М. Понятие и источники административного права Италии // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 39-45.
- 123.** Мамонтов В.Д., Меркулова Е.Ю. Индивидуальное и социальное начала современного предпринимательства // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 4. Т. 10. С. 62-65.
- 124.** Михайлов А.В. Эффективность норм предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 4. С. 86-95.
- 125.** Московская А.А. Потенциал третьего сектора: инновационные подходы для развития территорий (социальное предпринимательство). 107 с. URL: <http://qps.ru/YN1eM> (дата обращения 23.08.2017).
- 126.** Мохов А.А. Медицинская деятельность как вид социального предпринимательства // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 43-48.
- 127.** Мусабирова Д.А. Правовые формы, условия и порядок государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ и субъектах РФ // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 12. С. 146-148.
- 128.** Отнюкова Г.Д. Государственная поддержка предпринимательской деятельности в форме субсидий // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 4. С. 24-26.
- 129.** Парягина О.А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. 2004. № 6. С. 177-189.

- 130.** Попов Ю.Н., Гришина Т.В. Конкуренция и социализация рыночной экономики // Труд и социальные отношения. 2012. № 11. С. 11-25.
- 131.** Семак Е.А. Немецкая модель экономики в европейской интеграции // Социально-ориентированная модель экономического развития: опыт Германии и Беларуси: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2011 г. / Фонд им. Фридриха Эберта [и др.]. Минск: И. П. Логвинов, 2011. С. 14-19.
- 132.** Серова О.А. Классификационные критерии деления юридических лиц по цели деятельности // Юридический мир. 2010. № 4. С. 21-23.
- 133.** Серова О.А. Социальное предпринимательство как правовой феномен и его влияние на изменение концепции юридического лица в Российской Федерации // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: Сборник статей участников IV Ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. Отв. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 348-356.
- 134.** Сидельников М. Южная Корея: десять лет спустя страна на пороге нового кризиса // rodon.org: информ.-справочный портал. URL: <http://www.rodon.org/polit-081015111540> (дата обращения 06.04.2017).
- 135.** Синицына Е. Справедливая торговля – социальный бизнес на борьбе с бедностью // Портал Cloudwatcher. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/1/view/70/> (дата обращения 29.07.2016).
- 136.** Стагниева Ю.И. Государственная поддержка развития социального предпринимательства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 323-325.
- 137.** Терентьев Н.Е. «Зеленая» микроэкономика: оценка и прогноз институциональных трансформаций бизнеса. 2014. С. 1-18. URL: https://inecon.org/docs/Terentjev_20140410.pdf (дата обращения 10.05.2017).

138. Чельшев М.Ю., Сафин З.Ф. О методологии цивилистических исследований // Вестник СГАП. 2011. № 6. С. 120-125.

Диссертации и авторефераты диссертаций

139. Арай Ю.Н. Бизнес-модель в социальном предпринимательстве: типология и особенности формирования: дис. ... канд. эконом. наук: СПб, 2015. 213 с.

140. Балашов А.Е. Правовое регулирование приносящей доход деятельности в сфере высшего образования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.

141. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2009. 625 с.

142. Баркова Л.А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

143. Бикчинтаев А.Т. Правовые формы и средства государственной поддержки малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 220 с.

144. Бурцева А.А. Социально ориентированные некоммерческие организации - гражданско-правовое регулирование их статуса и деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 164 с.

145. Голубев С.В. Государственное регулирование социально-предпринимательской деятельности молодежи в Республике Марий Эл: дис. ... канд. социол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 190 с.

146. Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2016. 505 с.

- 147.** Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. М., 2016. 60 с.
- 148.** Кадол Н.Ф. Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2009. 23 с.
- 149.** Петникова О.В. Права участников корпоративных отношений по праву Великобритании: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007. 189 с.
- 150.** Старовойтов Д.Б. Формирование экономического механизма социального предпринимательства в сфере платных социальных услуг: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2013. 29 с.
- 151.** Тычинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб, 2004. 405 с.

Работы зарубежных авторов

- 152.** Alessandro Messina, Barbara Siclari. Verso L'Impresa. I nuovi decreti attuativi del 155/2006. PP. 1-14. URL: http://coopalreves.it/download/impresa_sociale_decreti.pdf (дата обращения 07.03.2017).
- 153.** Alex Parkinson. Making sense of Social Impact Bonds for companies. PP. 1-22. URL: <https://www.conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TCB-GT-V1N13-Social-Impact-Bonds1.pdf&type=subsite> (дата обращения 25.04.2017).
- 154.** Alperovitz Gar, Dubb Steve and Howard Ted. Rebuilding America's Communities. A Comprehensive Community Wealth Building Federal Policy Proposal. URL: <http://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-alperovitz-et-al.pdf> (дата обращения 17.04.2017).
- 155.** Anastasio Gugliemo. Il Lavoro nelle cooperative sociali: adempimenti e disciplina previdenziale. URL: <http://qps.ru/YVqOF> (дата обращения 07.03.2017).

- 156.** Antonio Thomas, (2004). The rise of social cooperatives in Italy // International journal of voluntary and nonprofit organizations. Vol. 15. № 3. PP. 243-263. URL: <https://qps.ru/NXDHj> (дата обращения 07.03.2017).
- 157.** Austin, J., Stevenson, H., & Wei-Skillern, J., (2006). Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? PP. 370-384. URL: <http://www.scielo.br/pdf/rausp/v47n3/03.pdf> (дата обращения 25.03.2017).
- 158.** Azemati, H., Belinsky, M., Gillette, R., Liebman, J., Sellman, A. & Wyse, A., (2013). Social impact bonds: lessons learned so far. Community Development Investment Review, 9 (1). PP. 22-32. URL: <http://projects.iq.harvard.edu/files/siblab/files/social-impact-bonds-lessons-learned.pdf> (дата обращения 10.04.2017).
- 159.** Bidet Eric. Social enterprise in South Korea: history and diversity. PP. 69-85. URL: http://orbi.ulg.ac.be/bitstream/2268/118365/1/Bidet_Eum_2011_Social_enterprise%20in%20South%20Korea_orbi.pdf (дата обращения 15.04.2017).
- 160.** Bidet, E., Eum, H. S., (2011). Social enterprise in South Korea: History and diversity // Social Enterprise Journal. Vol. 7. № 1. PP. 69-85. URL: http://orbi.ulg.ac.be/bitstream/2268/118365/1/Bidet_Eum_2011_Social_enterprise%20in%20South%20Korea_orbi.pdf (дата обращения 17.03.2017).
- 161.** Bitossi, S., (2010). La funzione sociale e la promozione della cooperazione nella legislazione regionale italiana in Bagnoli L. (ed.) La funzione sociale delle cooperative. Teorie, esperienze e prospettive, Roma, Carocci, PP. 105-124.
- 162.** Borzaga Carlo, Galera Giulia and Zandonai Flaviano. ITALY. From social cooperatives to a broader legal conception of social enterprise. PP. 1-40. URL: http://emes.net/content/uploads/publications/WP_08_01_SE_WEB.pdf (дата обращения 07.03.2017).
- 163.** Borzaga, C., (2004). The third sector in Italy. In: A. Evers and J.-L. Laville, eds. The third sector in Europe. Cheltenham, UK: Edward Elgar. PP. 45-62. URL: <http://qps.ru/9eVDM> (дата обращения 19.03.2017).

- 164.** Cecilia Grieco, (2015). Assessing Social Impact of Social Enterprises: Does One Size Really Fit All? 111 P. URL: <http://qps.ru/iQM5W> (дата обращения 05.07.2016).
- 165.** Certo, S. T., & Miller, T., (2008). Social entrepreneurship: Key issues and concepts. *Business Horizons*, 51. PP. 267-271.
- 166.** Cho Youngbok. The Result of the First Approval Process of Social Enterprises and Future Task. *Labor Review* 2007. PP. 48-58.
- 167.** Clary, E.G., Snyder, M., Ridge, R. D., Copeland, J., Stukas, A. A., Haugen, J. & Meine, P. Understanding and assessing the motivations of volunteers: A functional approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 74. 1998. PP. 1516-1530. URL: <http://qps.ru/68JYE> (дата обращения 07.03.2017).
- 168.** Cooney, K., (2012). Mission control: Examining the institutionalization of new legal forms of social enterprise in different strategic action fields. In B. Gidron and Y. Hasenfeld (Eds.) *Social Enterprise: An Organizational Perspective* / Hampshire, England: Palgrave Macmillan. PP. 1-30.
- 169.** Daniel Edmiston. The Italian Social Innovation Policy Agenda. PP. 1-9. URL: <http://qps.ru/G7gWq> (дата обращения 07.03.2017).
- 170.** Dees, J. G. (1998). The meaning of social entrepreneurship. Comments and suggestions contributed from the social entrepreneurship funders working group. 6 p. URL: <http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocialEntrepreneurship.pdf> (дата обращения 21.10.2016).
- 171.** Dees, J. G. The meaning of social entrepreneurship // Center for the Advancement of Social Entrepreneurship / Duke University's Fuqua School of Business. 2001 (revised vers.). PP. 1-5. URL: http://www.caseatduke.org/documents/dees_sedef.pdf (дата обращения 29.08.2017).
- 172.** Defourny, J., (2001). From third Sector to social enterprise. In: Borzaga, C. and Defourny, J. (eds.). *The emergence of social enterprise*. London, New York: Routledge. 28 p. URL: <http://qps.ru/ihLIP> (дата обращения 07.03.2017).

- 173.** Defourny, J., Favreau, L., and Laville, J.-L., eds., (1998). *Insertion et nouvelle économie sociale, un bilan international*. Paris: Desclere de Brouwer. 372 p.
- 174.** Defourny, J., Nyssens, M., (2008). Social enterprise in Europe: recent trends and developments // *Social Enterprise Journal*, 4 (3). PP. 202-228. URL: <http://www.psychodyssey.net/wp-content/uploads/2011/05/Social-Enterprise-in-Europe-Recent-Trends-and-Developments.pdf> (дата обращения 25.07.2016).
- 175.** Defourny, J., Nyssens, M., (2008). Social enterprise in Europe: recent trends and developments. EMES International Research Network. PP. 1-40. URL: http://www.emes.net/site/wp-content/uploads/WP_08_01_SE_WEB.pdf (дата обращения 28.07.2016).
- 176.** Defourny, J., Nyssens, M., (2010). Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and The United States: convergences and divergences // *Journal of social entrepreneurship*. Vol. 1. № 1. PP. 1-25. URL: https://iae.univnantes.fr/medias/fichier/communication_j_1224259083400.pdf?ID_FICHE=296308&INLINE=FALSE (дата обращения 10.10.2016).
- 177.** Doeringer, M. F. *Fostering Social Enterprise: A Historical and International Analysis* (January 8, 2010). PP. 291-329. URL: <http://qps.ru/r1lj2> (дата обращения 01.06.2015).
- 178.** Elisa Chiaf. Tesi di Dottorato di: «Le imprese sociali di inserimento Lavorativo e la creazione di valore: modelli di valutazione». PP. 1-41. URL: <https://qps.ru/UGFDW> (дата обращения 07.03.2017).
- 179.** Esping-Andersen, G., (1999). *Social foundation of postindustrial economies*. New York: Oxford University Press. PP. 1-87. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=1SVMSAbknPMC&oi=fnd&pg=PR8&ots=5Rfi6KYur7&sig=BykVeKf436CLYXIJCqO6Az6XZCs&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 09.10.2016).
- 180.** Galera, G., Borzaga, C. Social enterprise: An international overview of its conceptual evolution and legal implementation. PP. 1-20. URL:

http://www.fdsc.ro/library/prometeus/Social_enterprise.An_international_overview.pdf (дата обращения 05.07.2015).

181. Gosling, P. Social cooperatives in Italy: Lessons for the UK. London: Social Enterprise London. PP. 1-28. URL: <http://socialeconomyaz.org/wp-content/uploads/2011/06/SocialCooperativesInItaly.pdf> (дата обращения 07.03.2017).

182. Groot, A., Dankbaar, B., (2014). Does Social Innovation Require Social Entrepreneurship? Technology Innovation Management Review. PP. 17-26. URL: https://timreview.ca/sites/default/files/article_PDF/GrootDankbaar_TIMReview_December2014.pdf (дата обращения 01.05.2016).

183. Gupta, A., (2011). L3cs and B corps: new corporate forms fertilizing the field between traditional for-profit and nonprofit corporations // N.Y. j. of law & business. N.Y. Vol. 8. № 1. PP. 203-226.

184. Hannah Orwa Bula. Evolution and theories of entrepreneurship: a critical review on the kenyan perspective // International journal of business and commerce. Vol. 1. № 11: Jul 2012. PP. 81-96. URL: <http://www.ijbcnet.com/1-11/IJBC-12-11106.pdf> (дата обращения 01.05.2016).

185. Hochstadter, A. K. & Scheck, B. What's in a Name: An analysis of impact investing understandings by academics and practitioners // Journal of Business Ethics. 132 (2). PP. 449-475.

186. Ianes, A., (2016). Social enterprise: social co-operation in the Italian Welfare system and its reproduction in Europe (from the 1970s to the Present). Euricse Working Papers. 88/16. PP. 1-26. URL: http://www.euricse.eu/wp-content/uploads/2016/11/WP-88_16-Ianes.pdf (дата обращения 07.03.2017).

187. Kerlin, J., (2006). Social enterprise in the United States and Europe: understanding and learning from our Differences // Voluntas. Vol. 17. № 3. PP. 247-263. URL: http://inovum.si/social/public/files/social_enterprise_in_the_united_states_and_europe.pdf (дата обращения 07.03.2017).

- 188.** Kim, Y. D. and Yoon, S., (2012). Current status and policy implications for fostering social entrepreneur // American Journal of Economics and Business Administration. Vol. 4. № 3. PP. 155-165. URL: <http://thescipub.com/PDF/ajebasp.2012.155.165.pdf> (дата обращения 17.03.2017).
- 189.** Kirzner, Israel M., (1997). Entrepreneurial discovery and the competitive market process: an Austrian approach // Journal of economic literature 35. PP. 60-85. URL: <http://qps.ru/rDyp5> (дата обращения 07.04.2017).
- 190.** Kwon Soonman, (2001). Economic Crisis and Social Policy Reform in Korea // International Journal of Social Welfare 10. PP. 97-106. URL: [http://unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/15486FE63B4B04A6C1256C77004B02F1/\\$file/kwo2long.pdf](http://unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/15486FE63B4B04A6C1256C77004B02F1/$file/kwo2long.pdf) (дата обращения 15.05.2017).
- 191.** Kyujin Jung, Hee Soun Jang, Inseok Seo. Government-driven social enterprises in South Korea: lessons from the Social Enterprise Promotion Program in the Seoul Metropolitan Government. PP. 1-19. URL: <https://qps.ru/CtJuP> (дата обращения 15.04.2017).
- 192.** Kyungsik Irene Shim. Social Enterprise as a transformative engine for urban communities: Korea as a case study // Sixth Urban Research and Knowledge Symposium 2012. PP. 1-14. URL: <https://qps.ru/5XU9m> (дата обращения 15.04.2017).
- 193.** Lee, K. Overview of Korean Urbanization in the 1990s // The Journal of Korean Urban Geography. № 3. 2000. PP. 1-14.
- 194.** Lewis, J., (1999). Reviewing the relationships between the voluntary sector and the state in Britain in the 1990's // Voluntas. 10 (3). PP. 255-270. URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1021257001466> (дата обращения 09.10.2016).
- 195.** Lim, H., (2009). Democratization and the transformation process in East Asian developmental states: Financial reform in Korea and Taiwan. Asian Perspective. PP. 1-38. URL: <https://qps.ru/pMir7> (дата обращения 15.05.2017).

- 196.** Lindsay, G., Hems, L., Noges, H., Liret, P., & Margado, A. Societal cooperative d'interet collectif. A research methodology. Paper presented at the 32nd Annual ARNOVA Conference. Denver. Colorado. 2003. PP. 25-37.
- 197.** Loder, J., Rocyn, G., Norman Jones and Will, (2013). Social invest in education. PP. 1-60. URL: <http://youngfoundation.org/wp-content/uploads/2013/07/Social-investment-in-education-FINAL-updated-with-new-PEF-logo-1.pdf> (дата обращения 25.04.2017).
- 198.** Mair, J. & Marti, I., (2006). Social Entrepreneurship Research: A source of explanation, prediction, and delight. Journal of World Business, 41. PP. 36-44. URL: https://c.ymcdn.com/sites/www.usasbe.org/resource/resmgr/social_entrepreneurship/mair_and_marti.pdf. (дата обращения 17.04.2017).
- 199.** Mark Richardson, Dan Berelowitz. Investing In Social Franchising. PP. 1-137. URL: <http://www.socialimpactconsulting.org.uk/uploads/1/0/1/8/10187028/icsf-social-franchising-complete-report.pdf> (дата обращения 17.04.2017).
- 200.** Michael J. Worth. Nonprofit Management: Principles and Practice. 536 p. URL: <http://qps.ru/НouW3> (дата обращения 17.04.2017).
- 201.** Moskvina Julija. Social enterprises as a tool of social and economic policy. Lithuanian Case. Entrepreneurship and sustainability. PP. 45-54. URL: <http://qps.ru/hr6tE> (дата обращения 01.08.2016).
- 202.** Murphy, P. J., & Coombes, S. M., (2009). A model of social entrepreneurial discovery // Journal of Business Ethics, 87(3). PP. 325-336. URL: <http://qps.ru/bjqUl> (дата обращения 15.03.2017).
- 203.** Nicholls, A. (Ed.), (2006). Social entrepreneurship: new models of sustainable social change. OUP: Oxford. 444 p. URL: <http://qps.ru/vfGS1> (дата обращения 10.03.2017).
- 204.** Nyssens, M., Defourny, J. The EMES approach of social enterprise in a comparative perspective, 12/03, EMES. 2012. 28 p. URL: <http://qps.ru/fu5Qq> (дата обращения 07.03.2017).

- 205.** Oksana Shmulyar Gréen, O. Entrepreneurship in Russia: Western Ideas in Russian Translation. PP. 1-2. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/21128/6/gupea_2077_21128_6.pdf (дата обращения 07.10.2016).
- 206.** Pless, N.M., (2012). Social entrepreneurship in theory and practice - an introduction // Journal of business ethics. PP. 317-320. URL: <http://paperity.org/p/12268976/social-entrepreneurship-in-theory-and-practice-an-introduction> (дата обращения 25.07.2016).
- 207.** Porter, M. E., & Kramer, M. R., (2006). Strategy and Society. The link between competitive advantage and corporate social responsibility. Harvard Business Review. PP. 1-15. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/3725941/mod_resource/content/1/3.%20PORTER_strategy%20%20society%202006.pdf (дата обращения 15.04.2016).
- 208.** Restakis, J., (2006). Defining the social economy-the BC context. Prepared for: BC Social Economy Roundtable. PP. 1-16. URL: http://www.msvu.ca/socialeconomyatlantic/pdfs/DefiningSocialEconomy_FnlJan1906.pdf (дата обращения 25.07.2016).
- 209.** Robert, T. Esposito, (2013). The social enterprise revolution in corporate law: A primer on emerging corporate entities in Europe and the United States and the case for the benefit corporation. 4 Wm. & Mary Bus. L. Rev. PP. 639-714. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmblr/vol4/iss2/7> (дата обращения 01.06.2015).
- 210.** Salamon, L.M., Sokolowski, S.W., and associates, (1999). Global civil society. Dimensions of the nonprofit sector. PP. 1-511. URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Global-Civil-Society-I.pdf> (дата обращения 05.10.2016).
- 211.** Shang Liang, (2016). The Development of Social Enterprises in a Developmental State. International Journal of Social Science and Humanity. Vol. 6. № 10. PP. 775-778. URL: <http://www.ijssh.org/vol6/747-CH413.pdf> (дата обращения 17.03.2017).

- 212.** Spear, R., (2012). Social Economy – Laying the Groundwork for Innovative Solutions to Today’s Challenges. France, 10-11 December [Electronic version]. European Commission: official site. URL: <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=10005&langId=en> (дата обращения: 11.07.2015).
- 213.** Stephen Lloyd, (2010). Transcript: Creating the CIC. PP. 31-43. URL: <https://lawreview.vermontlaw.edu/wp-content/uploads/2012/02/13-LLoyd-Book-1-Vol.-35.pdf> (дата обращения 09.10.2016).
- 214.** Stubbs, R. (2009). What ever happened to the East Asian developmental state? The unfolding debate. The Pacific Review. Vol. 22. № 1. PP. 1-22.
- 215.** Wanda Wuttunee, Martin Chicilo, Russ Rothney, Lois Gray. Financing Social Enterprise An Enterprise Perspective. PP. 1-27. URL: <http://usaskstudies.coop/documents/social-economy-reports-and-newsletters/Financing%20Soc%20Enterprise-part%202.pdf> (дата обращения 17.04.2017).
- 216.** Warner, R., Mandiberg, J. An Update on Affirmative Businesses or Social Firms for People with Mental Illness // Psychiatric services. 2006. Vol. 57. № 10. PP. 1488-1492. URL: https://www.researchgate.net/publication/6758974_An_Update_on_Affirmative_Businesses_or_Social_Firms_for_People_With_Mental_Illness/download (дата обращения 28.07.2016).
- 217.** Welsh, D.H.B., & Krueger, N.F., (2013). The evolution of social entrepreneurship: What have we learned? // Journal of Technology Management in China, 7(3), PP. 270-290 URL: http://libres.uncg.edu/ir/uncg/f/D_Welsh_Evolution_2013.pdf (дата обращения 03.05.2014).

Интернет-ресурсы

- 218.** £10m of funding for social enterprises announced // Официальный новостной портал civilsociety. URL: <https://www.civilsociety.co.uk/news/10m-of-funding-for-social-enterprises-announced.html> (дата обращения 25.04.2017).

- 219.** «Dr Noah» [Презентационный ролик про значение зубных щеток компании «Dr Noah»] 2015 // Видео хостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ky7v8aJiBXQ> (дата обращения 15.04.2017).
- 220.** Avvio e gestione d'impresa // Сайт торгово-промышленной палаты г. Новара, раздел «социальные предприятия». URL: http://www.no.camcom.gov.it/Page/t08/view_html?idp=1353 (дата обращения 07.03.2017).
- 221.** Communication from the commission to the european parliament, the council, the european economic and social committee and the committee of the regions entrepreneurship 2020. Action plan. 33 p. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0795:FIN:en:PDF> (дата обращения 07.03.2017).
- 222.** Community interest companies: guidance chapters. Chapter 3 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. 9 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/605413/cic-12-1333-community-interest-companies-guidance-chapter-3.pdf (дата обращения 01.06.2015).
- 223.** Community interest companies: guidance chapters. Chapter 6 // Официальный сайт Правительства Великобритании по законодательным актам. 14 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/416360/14-1089-community-interest-companies-chapter-6-the-asset-lock.pdf (дата обращения 01.06.2015).
- 224.** Community interest company // Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Community_interest_company (дата обращения 01.06.2015).
- 225.** Company law solutions // Компания по корпоративным вопросам права. URL: <http://www.communitycompanies.co.uk/community-interest-companies> (дата обращения 01.06.2015).

- 226.** Directorate general for internal policies. Police department A: economic and scientific policy // Официальный сайт Европейского Парламента. 123 p. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578969/IPOL_STU\(2016\)578969_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578969/IPOL_STU(2016)578969_EN.pdf) (дата обращения 07.03.2017).
- 227.** Ecosystem for supporting social business in South Korea // Сайт многостороннего инвестиционного фонда «Fomin». URL: <https://qps.ru/QqhzU> (дата обращения 05.04.2017).
- 228.** L'Ires per le cooperative // Официальный сайт информационной новостной системы Италии. URL: http://www.fiscooggi.it:8080/attualita/articolo/lires-le-cooperative-3?quicktabs_3=2 (дата обращения 07.03.2017).
- 229.** Office of the Regulator of Community Interest Companies. Frequently Asked Question // Официальный сайт Управления по регулированию деятельности компаний общественных интересов. 20 p. URL: <https://qps.ru/VZyK1> (дата обращения 01.06.2015).
- 230.** Social and Development Impact Bonds // Сайт Программы развития Организации Объединенных наций. URL: <http://www.undp.org/content/sdfinance/en/home/solutions/social-development-impact-bonds.html> (дата обращения 25.04.2017).
- 231.** Social enterprise in the UK. Developing a thriving social enterprise sector // Официальный сайт международной образовательной программы The British Council. PP. 1-55. URL: <https://qps.ru/WLhxa> (дата обращения 17.04.2017).
- 232.** Social Entrepreneurs // Официальный сайт организации по поддержке социального предпринимательства в Великобритании. URL: <https://unltd.org.uk/> (дата обращения 01.06.2015).
- 233.** Social Impact Bonds in Estonia // Анализ проекта «Подготовительные действия для запуска в Эстонии облигация социальных действий». URL: <https://www.social-enterprise-finance.eu/sites/default/files/Final%20Report%20and%20Lessons%20Learned.pdf> (дата обращения 06.05.2017).

- 234.** Social impact bonds. Private finance that generates social returns // Результаты брифинга Европарламента. Августа 2014. PP. 1-8. URL: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/538223-Social-impact-bonds-FINAL.pdf> (дата обращения 26.04.2017).
- 235.** Statistics Community Interest Companies registered in May 2015 // Официальный сайт Правительства Великобритании. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/431086/companyListMonthly_May2015.csv/preview (дата обращения 01.06.2015).
- 236.** These Are the World's Most Innovative Economies // Официальный сайт агентства Блумберг. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-17/sweden-gains-south-korea-reigns-as-world-s-most-innovative-economies> (дата обращения 06.04.2017).
- 237.** What is an impact bond? // Сайт добровольческой организации «Instiglio». URL: <http://www.instiglio.org/en/impact-bonds/> (дата обращения 25.04.2017).
- 238.** Авторизированная система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 01.02.2017).
- 239.** Идеология — это принцип организации общества. URL: <http://fb.ru/article/39500/ideologiya-eto-printsip-organizatsii-obschestva> (дата обращения 07.10.2017).
- 240.** Канадский закон // Портал «Новый бизнес. Социальное предпринимательство». URL: <http://www.nb-forum.ru/news/zakon-canada.html> (дата обращения 25.07.2016).
- 241.** Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14 // social-idea.ru: банк социальных идей. 2017. URL: <http://qps.ru/NfgUx> (дата обращения 15.04.2017).

- 242.** Краткий обзор: опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Республике Корея: Ежемесячный обзор № 2. 14 // social-idea.ru: банк социальных идей. 2017. URL: <http://www.social-idea.ru/monthlynews/Kratkij-obzor-opyht-podderzhki-i-razvitiya-social-nogo-predprinimatel-stva-v-respublike-Koreya-EZHEMESYACHNYH-OBZOR-2-14> (дата обращения 15.04.2017).
- 243.** Не корысти ради. Филантроп. Электронный журнал о благотворительности . URL: <http://philanthropy.ru/analysis/2012/04/12/7497/> (дата обращения 25.07.2017).
- 244.** Опыт поддержки и развития социального предпринимательства в Южной Корее. Grand Prix // Официальный сайт союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/f/3/f3ec4871ec6a01defec3483dd76fd416.pdf> (дата обращения 15.04.2017).
- 245.** Опыт развития социального предпринимательства в США. URL: <http://www.slideshare.net/Vovainer/ss-36115255> (дата обращения 25.07.2016).
- 246.** Панельная сессия «Предпринимательство в социальной сфере - драйвер позитивных изменений» // Официальный сайт информационного агентства России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3352100> (дата обращения 05.04.2017).
- 247.** Перечень поручений Президента РФ // Официальный сайт «Президент РФ». URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55419> (дата обращения 01.11.2017).
- 248.** Поручения по итогам встречи с предпринимателями в социальной сфере // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/7515> (дата обращения 17.08.2017).
- 249.** Правовое обеспечение деятельности социальных предпринимателей. Обзор № 5 // Официальный сайт Банк социальных идей. 2017. URL: <http://www.social-idea.ru/monthlyNews/Pravovoe-obespechenie-deyatel-nosti-social-nyhkh-predprinimatelej-Obzor-5> (дата обращения 25.04.2017).

- 250.** Предпринимательство в социальной сфере // Официальный сайт агентства стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/social/business/> (дата обращения 25.01.2017).
- 251.** Сайт сети магазинов Кореи «Beautiful Store». URL: <http://eng.beautifulstore.org/> (дата обращения 15.04.2017).
- 252.** Сайт сети производителей «The Test Kitchen». URL: <http://thetestkitchen.co.kr/> (дата обращения 15.04.2017).
- 253.** Социализация предпринимательства на примере Великобритании и США: зарубежный опыт // НП «Московский центр развития предпринимательства», 2008 / Информационный портал Внешмаркет.ру. URL: <http://qps.ru/eE4kh> (дата обращения 25.08.2017).
- 254.** Социальному предпринимательству дадут законодательное определение // Официальный сайт новостного портала Новый Бизнес. URL: <http://www.nb-forum.ru/social/laws/gos-duma-socialnoe-predprinimatelstvo.html> (дата обращения 07.04.2017).
- 255.** Социальные облигации «Social impact Bonds» и облигации для ускорения развития «Development Impact Bonds» // Официальный сайт некоммерческой компании Evolution & Philanthropy. С. 1-16. URL: <https://qps.ru/Hd1kN> (дата обращения 25.04.2017).
- 256.** Счетная палата назвала число живущих за чертой бедности россиян // Официальный сайт газеты «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/12/22/746234-golikova-nazvala-chislo-zhivuschih-za-chertoi-bednosti-rossiyan> (дата обращения 22.12.2017).